

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Гартунг Стелла Рудольфовна

**СИТУАТИВНО-РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т. Е. Литвиненко

Иркутск - 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	9
ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ И INCOMPETENCE	9
1.1. Лингвокогнитивный подход к исследованию категорий	9
1.2. Терминологические источники образования категориальных имен некомпетентность и incompetence в сфере профессиональной коммуникации	20
1.3. Анализ словарных дефиниций как метод исследования категорий и концептов	31
1.4. Использование корпусной методологии в исследовании категорий	38
1.5. Репрезентация речевых ситуаций в лингвистике	50
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	59
ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЗАЦИЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ	61
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	61
2.1. Дефиниционный анализ репрезентатов категории Некомпетентность и смежных понятий	61
2.2. Корпусный анализ категории Некомпетентность	78
2.3. Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности	89
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	112
ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЗАЦИЯ INCOMPETENCE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	115
3.1. Дефиниционный анализ репрезентатов категории Incompetence и смежных понятий	115
3.2. Корпусный анализ категории Incompetence	121
3.3. Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности	131
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	160
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	175
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	178

ВВЕДЕНИЕ

Бытие человека в сложном коммуникативном пространстве неизбежно приводит к возрастанию роли *homo competens*, контактирующего и конкурирующего с *homo incompetens* в любых типах речевого общения. Находясь в непосредственной связи с получением, накоплением и передачей знаний и опыта, категории компетентности/некомпетентности человека служат отражением его лингвокогнитивной деятельности, а сопряжение с социокультурными механизмами адаптивности, успешности и эффективной коммуникации ведет к их актуализации на фоне всевозрастающего спроса на профессионализм в различных сферах общества. Повышение качества жизни является одной из актуальных проблем не только для России, но и для всего мирового сообщества, в основе его лежит компетентностный подход, ставящий во главу поведение человека, его личные качества и способности.

Общетеоретическая цель нашей работы заключается в наиболее полном изучении категорий *Некомпетентность* и *Incompetence* как междисциплинарных объектов с лингвистической точки зрения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью получения нового лингвистического знания о понятийных категориях, связанных с базовыми социокультурными характеристиками коммуникантов, а также с уточнением процедур комплексного языкового анализа концептов и категорий.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что категории *Некомпетентность* и *Incompetence* имеют разный компонентный и количественный состав и могут быть выражены в разноплановых речевых ситуациях, влияя при этом на поведение участников коммуникации, на форму и содержание передаваемого сообщения, его восприятие и ситуацию в целом.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении лингвокогнитивной структуры категорий *Некомпетентность* и *Incompetence* и построении основных моделей их представления в русском и английском

языках.

Поставленная цель обуславливает решение следующих *задач*:

- 1) изучить основные теоретические подходы к исследованию категорий;
- 2) проанализировать компонентный состав категорий;
- 3) выявить семантические особенности единиц данных категорий;
- 4) уточнить уровневую структуру категорий;
- 5) установить место исследуемых категорий в языке на основе корпусных данных;
- б) определить типовые модели репрезентации категорий в русском и английском языках.

Объектом исследования выступают категории *Некомпетентность* и *Incompetence*, *предметом* является структура, содержание и способы репрезентации категорий.

Материалом исследования послужили фрагменты корпусов, а также более двухсот текстов на русском и английском языках, актуализирующие единицы рассматриваемых категорий.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, G. Lakoff, E. Rosch); дефиниционного анализа (Н. Д. Арутюнова, И. А. Стернин, А. Д. Шмелев, Ю. А. Найда, О. Н. Селиверстова, И. М. Кобозева, А. М. Кузнецов); корпусной лингвистики (В. П. Захаров, В. В. Рыков, Sinclair, Kennedy, McEnery, Wilson, E. E. Голубкова и др.); речевых ситуаций (Р. Якобсон, Н. И. Формановская, М. В. Всеволодова, А. Г. Гурочкина, О. С. Иссерс); а также исследования в области некомпетентности (Дж. Равен, Ю. Хабермас, А. М. Плотникова, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, А. В. Хуторский).

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие когнитивной лингвистики и

коммуникативистики в части системного представления композиции, семантики и репрезентации языковых категорий.

Новизна работы связана с тем, что в ней впервые осуществлен комплексный лингвистический анализ категорий *Некомпетентность* и *Incompetence*, в рамках которого было определено их содержание, выявлены особенности когнитивной структуры, установлены лексические средства выражения категорий и представлены модели их ситуативно-речевой репрезентации.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования его основных положений в преподавании теоретических и прикладных курсов по когнитивной лингвистике и теории коммуникации, а также в спецкурсах по эффективному речевому поведению.

Основными *методами* исследования в данной работе послужили общенаучные методы описания, анализа и синтеза, наблюдения, интроспекции и моделирования, а также лингвистические методы анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, корпусный метод и основные процедуры категориального анализа, осуществляемого в рамках лингвокогнитивного подхода.

На защиту выносятся следующие *положения*:

1) Семантика категории Некомпетентность определяется набором основных сигнификативных признаков, включающих «отсутствие знаний, опыта, навыков, авторитета, оснований/полномочий, уважения и соответствия нормам и правилам». Признак «отсутствие знаний» является прототипическим. Категория имеет трехуровневую структуру; наиболее многочисленным является низший уровень абстракции.

2) Частота языковых единиц, представляющих категорию, подтверждаемая данными национального корпуса, коррелирует с кризисными событиями в обществе.

3) Речевые ситуации, в которых категория находит свое прямое или

косвенное выражение, могут быть представлены в виде трех базовых моделей, используемых в разных вариациях: конечная, циклическая, раздвоенная.

4) Семантика категории *Incompetence* включает пять компонентов: *lack of ability, knowledge, function, skill, adequacy*. Ее прототипическим признаком является «*lack of ability*». Категория так же имеет трехуровневую структуру; низший уровень абстракции представлен наибольшим количеством единиц.

5) По данным корпусного анализа лексические единицы, представляющие категорию *Incompetence*, обладают большей частотностью по сравнению с составляющими ее русского аналога, но пики частотности совпадают.

6) Речевые ситуации в англоязычном коммуникативном пространстве так же могут быть представлены в виде трех моделей. Они включают меньшее число коммуникативных барьеров, и, следовательно, предполагают меньше коммуникативных неудач, что обусловлено социокультурными отличиями английского лингвокогнитивного сообщества.

7) Изучаемые категории встречаются во всех типах дискурса, чаще всего проявляясь в бытовом и институциональном, однако демонстрируют особенности репрезентации, обусловленные семантикой включенных в них единиц.

Структура диссертационного исследования включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список использованных словарей и принятых сокращений, список источников примеров.

Во *введении* обосновываются цели и задачи диссертационного исследования, его актуальность и новизна. Описываются основные методы исследования, выводится теоретическая и практическая значимость.

В *первой главе* «Теоретические и методологические основы изучения категорий *Некомпетентность* и *Incompetence*» освещаются теоретико-

методологические основы изучения категорий в лингвистических исследованиях, рассматриваются особенности изучения феномена *некомпетентности* в отечественной и зарубежной традициях. Приводится описание основных аспектов исследования категорий *Некомпетентность* и *Incompetence*, учитывающих их особенности.

Во *второй главе* «Категоризация некомпетентности в русском языке» анализируется компонентная структура категории в русском языке на основании дефиниций, ее лексический состав и распределение лексем по уровням абстракции. Также рассмотрена репрезентация категории в речи, проанализированы тексты и коммуникативные ситуации, из коих выделены основные модели речевых ситуаций, в которых так или иначе проявляется некомпетентность.

В *третьей главе* «Категоризация некомпетентности в английском языке» описывается структура и репрезентация категории *Incompetence* в речи. Отмечаются сходства и различия в категоризации феномена некомпетентности в двух языках, а также сравниваются модели речевых ситуаций.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были представлены в трех статьях в рецензируемых изданиях ВАК и в выступлениях на научных семинарах и конференциях:

1. Гартунг, С. Р. Ситуативно-речевая репрезентация некомпетентности в русском языке / С. Р. Гартунг // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 5.

2. Гартунг, С. Р. Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности в российском коммуникативном пространстве / С. Р. Гартунг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 11. – С. 3496-3502. – DOI 10.30853/phil210564.

3. Гартунг, С. Р. Репрезентация некомпетентности в англоязычной интернет-коммуникации / С. Р. Гартунг // Глобальный научный потенциал. –

2021. – №10. – С. 193-199.

4. Гартунг, С. Р. Реализация категории Некомпетентность в российском коммуникативном пространстве / С. Р. Гартунг // Язык и культура XXXI Международной научной конференции (Томск, 11–14 октября 2021 г.). – Томск: Издательство ТГУ, 2021. – С. 27-34.

5. Гартунг, С. Р. Конфликтные ситуации в американском коммуникативном пространстве / С. Р. Гартунг // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Иркутск, 19–21 октября 2021 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. – С. 22-27.

6. Гартунг С. Р. Особенности выражения категории «некомпетентность» в цифровой коммуникации / С. Р. Гартунг // «Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации» 29 марта - 2 апреля 2022 г.): сборник научных статей. – М.: МГПУ, 2022.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ *НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ* И *INCOMPETENCE*

1.1. Лингвокогнитивный подход к исследованию категорий

Современный этап развития лингвистики как науки характеризуется тесным взаимодействием с когнитивными исследованиями коммуникации. В основе интеграции этих научных направлений в особую междисциплинарную область познания лежит их общий интерес к проблеме представления знаний о мире в языке, способов их передачи и границ дальнейшей интерпретации. Немало ученых посвятило свои труды этим вопросам.

Сегодня к классическим работам, направленным на изучение роли языка в обработке человеческого опыта и знаний с последующей их категоризацией и концептуализацией, а также фиксацией этих знаний в языке, принято относить публикации Дж. Миллера и Н. Хомского. Американский психолог Дж. Миллер одним из первых начал изучение языка и восприятия, положив тем самым начало когнитивной психологии, одной из главных наук когнитивного цикла наряду с когнитивной лингвистикой. Н. Хомский в рамках генеративной грамматики исследовал вопрос и природу языковой способности человека. В то же время в отечественном языкознании появилось ономазиологическое направление исследований и началась разработка теории номинации в работах В. Г. Гака, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телии, Ю. С. Степанова и др. Можно назвать тот период ранней версией когнитивизма, поскольку процессы номинации, рассматривавшиеся учеными как речемыслительные, изучались в тесной связи с социальным и культурно-историческим контекстом высказываний, с учетом эмоциональных состояний говорящих и других прагматических факторов речи.

Центральным понятием когнитивной лингвистики является когниция. Здесь, в отличие от эпистемологии и гносеологии, термин становится обозначением не только процессов научного и обыденного познания, но и кластера единиц познанного, видится как единица знания, мнения и оценки. В

их качестве выступают различные форматы и структуры знания, а для их передачи термин употребляется во множественном числе. Среди когний выделяются концепты – минимальные ментальные единицы, на базе которых могут образовываться усложненные структуры представления знаний. Среди них выделяют фреймы, сценарии и категории. Процессы категоризации и концептуализации, то есть выделение и определение таких структур, служат упорядочиванию, сортировке и систематизации человеческого опыта [Кубрякова 2004].

В современной лингвистике в фокус интереса все чаще попадают категории. Изучение категорий считалось изначально прерогативой философских наук. Однако уже давно стало ясно, что «все категории, даже те, которые по традиции относятся к универсальным, философским, логическим, должны получить языковое выражение» [Болдырев 2005: 71]. В когнитивистике понятие категории включает в себя единицы, объединенные лишь условным сходством и равняющиеся на «лучший/типичный пример» своего класса, называющийся прототипом. Именно это значение данного термина сыграло важную роль в объяснении строения семантических классов и приблизило их представление к действительному положению дел и их пониманию в обыденном сознании говорящих [Кубрякова 2004].

Не менее важную роль сыграло и понятие концепта, которое получало и получает различные определения, что дало начало разным версиям концептуального анализа: культурологического, логического, философского, семантического, психологического и собственно когнитивного. Все перечисленные подходы предлагают и рассматривают механизмы возникновения концептов, раскрывают особенности их взаимодействия или противопоставленность разных форм знания.

При всем многообразии подходов к изучению концептов как самостоятельных единиц и как элементов интегрирующих их категорий в настоящее время наиболее обоснованными и поддерживаемыми научным

сообществом являются лингвокультурологический, психолингвистический и лингвокогнитивный.

Лингвокультурологическое представление концепта изложено в работах Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, С. Г. Воркачева и др. Приверженцы этого подхода придерживаются положения, что концепт представляет собой особое ментальное образование. По словам В. И. Карасика, лингвокультурный концепт есть условная ментальная единица, которая используется в комплексном представлении языка, сознания и культуры [Карасик 2002]. Ю. С. Степанов также характеризует концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 43]. В данном подходе при исследовании категории важны основные характеристики культурного концепта – ценностность, образность и понятийность. Только в сочетании этих компонентов проявляется и создается картина мира, при этом ценностная сторона является определяющей для того, чтобы выделить и сформировать культурно специфическую категорию.

Представителями психолингвистического подхода являются А. А. Залевская, В. Я. Мыркин, С. Г. Воркачев и др. В основе данного подхода лежит положение, что концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская 2001, 2005]. Определение концепта В. Я. Мыркина схоже с вышеприведенным: «блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных и пр. элементов в психике человека» [Мыркин, 2002: 47]. В

структуру концепта входят этимология лексических единиц, современные ассоциации, метафоры, оценки и т.д. В данном подходе концепты отождествляют с наивной картиной мира, противопоставляемой научной.

Что касается лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов, то они различаются векторами исследования: в когнитивистике изучение концепта происходит по заданному направлению от индивидуального сознания к социуму, культуре, коллективному сознанию, а в лингвокультурологии оно исходит из параметров культуры и ведет к рассмотрению языкового сознания [Воркачев 2000]. Аналогичным образом и изучение категорий начинается от зафиксированного в языке знания о лексических единицах, составляющих некое семантическое поле, к речи и восприятию данной категории отдельно взятыми языковыми личностями.

Положение В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой об исследовании языка как когнитивного механизма, играющего роль в кодировании и трансформировании информации, является основополагающим для лингвокогнитивного направления и целей данного подхода [КСГТ: 53-55]. В соответствии с приведенным определением, основными вопросами такого подхода являются категоризация и концептуализация, соотнесение языковых структур с когнитивными, то есть освещение ментальных репрезентаций и их языковых «привязок» [там же].

Поскольку основополагающими для лингвокогнитивного подхода являются *категория* и *категоризация*, необходимо разъяснить эти термины.

Как уже было сказано, первоначально категории появились в философии. В философском учении категории являются фундаментом на том основании, что эти понятия, формы мысли и высказывания имеют трансцендентальный смысл в получении и последующем оформлении опытного знания. Представляется возможным делить категории на роды и виды, классы и типы объектов согласно списку их необходимых и достаточных признаков, они универсальны и внутренне гомогенны и, в целом, нужны для осмысления

бытия.

Учение о категориях началось с трудов Аристотеля, практиковавшего строгий логический подход к категоризации, и было продолжено в работах его многочисленных последователей, разработавших онтологические и логико-гносеологические концепции, которые определяют природу категорий, а именно их функции и структуру. Эти учения составляют базис философии во всем разнообразии ее школ и направлений.

По отношению к системе языка, изначально категории рассматривались преимущественно с онтологических позиций: в соотношении с родами сущего и способами его бытия, задающими определенное членение универсума; затем они стали изучаться в связи с его логико-грамматическими и семантическими структурами.

Значительные изменения в учения о категориях привнесли работы И. Канта, согласно воззрениям которого категории конституируют опыт, выступая «условиями возможности» синтеза, осуществляемого в суждениях. После Г. Гегелем был изложен в «Науке логики» постулат о том, что классическое учение о категориях станет основным для всех последующих поколений исследователей мышления, знания и познавательной деятельности [Дзюба 2016].

В дальнейшем учения о категориях и категоризации активно развивались в философии и логике. Логические, гносеологические и онтологические концепции категорий были разработаны в рамках этих наук. Помимо этого, были предложены несколько систем и типологий классификации категорий, однако только в XX веке началось масштабное изучение феномена категоризации как фундаментальной операции и необходимого условия существования любой познавательной деятельности человека. На сегодняшний день вопросы категоризации интересуют человечество не только в области философии, но и в психологии, лингвистике и когнитивных науках.

Американский психолог-когнитивист Дж. Брунер сравнивал проблему

категоризации с призмой, через которую культура оказывает влияние на развитие познания. Ссылаясь на концепцию Сепира-Уорфа о лингвистической относительности, он признавал возможность рассмотрения языка как целостной системы взаимосвязанных категорий, которая при этом является отражением определенного взгляда на мир и фиксирует его [Брунер 1977]. Иными словами, базовые способы упорядочивания и классификации многообразных форм знания на всех уровнях являются проявлением когнитивной способности человека.

Отметим, что на наличие такого рода структур психологическая наука указывала еще в XIX веке, предполагая врожденность категорий, имеющих в сознании человека. В XX веке похожую мысль высказал Ж. Пиаже, признававший существование глубинных, доопытных и не связанных с обучением способностей человека выделять признаки предметов, группируемых затем в определенные классы. Дж. Брунер также писал об умении сопоставлять признаки объекта с эталонной системой категорий, что стало в последствии одним из источников теории прототипов.

Один из основоположников когнитивной лингвистики Дж. Лакофф, утверждая, что язык использует общий когнитивный аппарат, выдвинул положение об однотипности и схожести языковых категорий и других категорий в понятийной системе человека [Лакофф 2004]. По его мнению, основную проблематику когнитивной лингвистики составляют вопросы о том, как бесконечное разнообразие действительности может быть охвачено конечным числом языковых форм, а также вопросы о соотношении различий, которые существуют в реальном мире, и различий, которые фиксируются средствами языка.

В контексте когнитивистики категоризация имеет устоявшееся понимание как процесс разделения объектов всего онтологического пространства на группы. Иными словами, категоризация есть процесс систематизации знаний, распределения полученного нового знания по

рубрикам, которые существуют в сознании человека, и часто задаваемым категориям языка [Дзюба 2016].

Очевидно, что результат такого процесса не вполне согласуется и не сводится к положениям классического философского подхода, в котором за строго унифицированными, внутренне изоморфными категориями признавался статус конструкторов онтологической природы, выстраиваемых в логически заданную систему, основанную на идее универсальных правил взаимодействия сознания и материи.

Абсолютно все ранние исследования различного рода категорий имели своей целью определение их основных признаков, а также признаков, входящих в эти категории объектов. Подход таких исследований предполагал, что все члены категории равны, так как все они обладали общностью свойств. Данный метод полностью исключал особенности индивидуального восприятия материальных и абстрактных свойств объектов или же влияния индивида при создании ментальных образов. Именно это в свое время и привлекло внимание профессора психологии Э. Рош. Ей были продемонстрированы неоднородность категорий и наличие в них прототипа [Rosch 1978].

Значительно в большей степени лингвокогнитивное понимание категории соотносится с теорией Л. Витгенштейна. Именно он отказался от умозрительно-логического осмысления природы категорий и акцентировал внимание на их практическом, реалистическом освоении. Л. Витгенштейном было выдвинуто мнение о «family resemblance», так называемом «фамильном сходстве», единиц, входящих в категорию. Высказанное положение постулировало тот факт, что члены категории не являются абсолютно равнозначными и тождественными по набору характеризующих их признаков, как указывалось ранее, напротив, категориальные системы в человеческом сознании имеют субъективный характер. В последствии В. Лабов применял идеи Л. Витгенштейна в своих экспериментах, утверждая, что именно процесс

категоризации «является таким фундаментальным и очевидным фактом лингвистической деятельности» [Labov 1973: 342].

Суть современного понимания категории и категоризации была раскрыта в работах, восходящих к трудам Э. Рош и ее коллег, поддержанных зарубежными и отечественными исследователями: D. Divjak, A. Arppe, S. Kalyan, W. Labov, G. Lakoff, G. Lepper, N. Mashal, R. Pustet, T. Regier, J.R. Taylor, А. Вежбицкой, Н. Н. Болдыревым, Е. С. Кубряковой, Т. Г. Скребцовой и др.

В современном языкознании принят «прототипический подход», предложенный Э. Рош в 1970-х. В его основе лежит положение о неоднородности категории; объединении ее составляющих на основании «фамильного сходства», а не общего набора характеристик; наличие в категории представителей разного уровня – лучшие и худшие. Э. Рош, изучая естественные категории, закодированные в языке и культуре, обнаружила асимметрию: испытуемые в ходе эксперимента оценивали некоторые члены категории как более репрезентативные, чем другие. При таком подходе в категориях вместо выделявшихся ранее границ выявляют наиболее ясные факты категориальной принадлежности. Другими словами, некоторые естественные категории включают в свою внутреннюю структуру и прототипы (наиболее явные члены с максимальным воплощением характеристик и особенностей), и непрототипичные члены, которые представлены членами с разной степенью типичности для данной категории, ср.: «...has further characterized some natural analog categories as internally structured into a prototype (clearest cases, best examples of the category) and nonprototype members, with nonprototype members tending toward an order from better to poorer examples» (далее были охарактеризованы некоторые естественные категории, имеющие внутреннюю структуру вокруг прототипа (наиболее близкие члены категории, лучшие ее примеры) и непрототипные члены, упорядоченные от лучших к худшим примерам) [Rosch, Mervis 1975:

573-574]. Позже Дж. Лакофф в своих работах назвал это явление «прототипным эффектом» [Лакофф 2004].

Согласно теории Э. Рош, сознание оперирует не только на основе прототипов, но и категориальных структур, поэтому особое внимание было направлено на изучение уровней категоризации: от наиболее инклюзивного и абстрактного, с наиболее специфичными признаками до наименее абстрактного. Деление категоризации подразумевает три уровня: базовый, субординарный (низший) и суперординарный (высший). Как показали ее и последующие за ними исследования, на базовом уровне информация и характеристики моделей поведения фиксируются, на этом же этапе формируется ментальный образ, который и фиксирует информацию о соотношениях между частями категории [Rosch 1978].

Е. С. Кубрякова определяет такую дифференциацию категориальных уровней как «виденье объекта то с позиций более «высокой» (абстрактной) категории, в которую он входит, то, напротив, с позиции той более «низкой» (конкретной) категории, члены которой ему подчинены» [Кубрякова 2004].

Таким образом, основными средствами прототипического подхода являются понятия «прототип» и «категоризация». Как утверждал Ж. Кляйбер, в сущности, теория прототипов и является теорией категоризации [Kleiber 1990]. Некоторые же положения прототипического подхода активно используются в когнитивной семантике, такие как, например, понимание категории как иерархической структуры или же положение о значении слова, которое объединяет и языковое, и энциклопедическое знание.

Важно отметить здесь, что вопрос о способах и пределах моделирования понятийных категорий все еще поднимается в лингвистике. Так, поиск самого лучшего/стереотипного элемента класса, прототипа, не дает полноценной категоризации. Необходимо учесть весь набор признаков и влияние осмысления текстов, чтобы сформировать сигнификат понятия [Литвиненко 2012].

Теория категоризации легла в основу многих исследований в области когнитивной семантики (К. М. Абишева, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, О. О. Борискина, А. Вежбицкая, А. А. Кретов, А. Э. Левицкий, Т. Е. Литвиненко, М. П. Одинцова, Л. А. Панасенко, А. Н. Подоляка, А. А. Прокубовский, И. В. Ревенко, И. А. Стернин, Н. Е. Сулименко, А. Л. Шарандин и др.), когнитивной грамматики (Н. А. Беседина, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, В. А. Виноградов, Л. А. Фурс, А. Л. Шарандин, Н. И. Шелховская и др.), изучения оценочных категорий (О. Н. Бабушкина, Н. Н. Болдырев, Т. А. Воронцова, Н. М. Кравцова, Д. Б. Кумахова, Л. А. Сергеева и др.). При этом лексическая категоризация представляет собой «языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека»; грамматическая категоризация «отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [Болдырев 2006: 9–10; Шарандин 2011: 11]; модусная категоризация «обеспечивает возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев 2006: 15].

В общем и целом, лингвокогнитивная категоризация подразумевает под собой когнитивный процесс в сознании человека, осуществляющийся следующим образом: «когнитивная элекция – идентификация и категоризация – категориальная номинация» [Дзюба 2016: 4]. Именно категоризация, связанная с языковой и ментальной деятельностью, выступает здесь основополагающей. Процесс вербализованного упорядочения будет различаться в зависимости от языковой картины мира, однако результатом всегда будет сформированная в сознании человека система категорий. Под категорией понимают лингвоментальный феномен сознания человека, который являет собой лингвокогнитивную единицу, отображающую фрагмент(ы) реальной либо воображаемой действительности, в системе

знаний и представлений человека о себе и окружающем мире. При этом отображение это изоморфно, то есть подобно, но не тождественно. Понятие лингвокогнитивная ячейка принято считать довольно условным в том контексте, что она предполагает не жесткие, а гибкие границы.

Таким образом, отображающие определенный фрагмент действительности в языковом сознании человека категории «могут иметь как четкие (жесткие), так и нечеткие (размытые) границы» [там же]. Более того, они могут менять свою структурно-содержательную организацию в зависимости от типа лингвокогнитивной категоризации, определяющей специфику того или иного варианта языковой картины мира. Итак, категории можно разделить на две группы. В первую входят категории с четко обозначенными границами, состоящие из равноправных членов, которые характеризуются набором стандартных признаков, определяющих категорию (например, профессиональный, открытый, яркий и т.д.). Вторую группу образуют категории с нечетко обозначенными границами, где члены не являются равноправными: они распределяются в категории как наиболее или наименее типичные ее представители (например, категория некомпетентности: кто-то более некомпетентен, кто-то менее). В таких категориях члены объединяет не стандартный набор существенных для каждого из них признаков, а упомянутое выше «фамильное сходство». В большинстве своем категории с жесткими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (например, светлый – темный, взрослый – ребенок, жизнь – смерть, совершеннолетний – несовершеннолетний, модный – немодный, компетентность – некомпетентность и др.). Существуют также категории с четко определенными границами, в составе которых все члены хоть и равноправны, но не допускают противоположности (например, стороны света, природные стихии, дни недели и т.п.). В большинстве своем категории с нечетко обозначенными границами градуированы, составляющие их единицы могут

быть представлены в виде шкалы градуированности (например, менее компетентный – более компетентный – самый компетентный). Таким образом, существуют разной структуры категории: с четкими границами чаще всего выступают как продукт сознательной деятельности человека (категории научной картины мира), категории с нечеткими границами нередко встречаются в профессиональной и наивной картинах мира.

1.2. Терминологические источники образования категориальных имен *некомпетентность* и *incompetence* в сфере профессиональной коммуникации

В последние годы в российской и зарубежной литературе все чаще в фокус внимания и интереса попадает тема компетентности и некомпетентности, охватывая самые разные сферы знания и коммуникации: от философии, социологии и политики до искусства и методики преподавания. При этом, при нарастающей частоте актуализаций категорий *Некомпетентность* и *Incompetence*, популярность которых обеспечивается негативным смыслом средств их выражения и широкой возможностью использования в конфликтных речевых ситуациях, очевидно, что оба категориальных имени, имена единиц и сама структура этих классов есть когнитивно-семиотические дериваты категорий *Компетентность* и *Competence*, существование которых обусловило их создание.

Данное обстоятельство позволяет нам предварить анализ ключевых производных слов описанием значения и употребления терминов, послуживших им словообразовательной основой.

Так, интерпретацию компетентности как проявления высокого уровня интеракции и нравственного развития личности мы встречаем в трудах Ю. Хабермаса, который использует ее как социологический термин в контексте теории речевой коммуникации [Хабермас 2001]. Дж. Равен в работе «Компетентность в современном обществе» выделяет сущность понятия

компетентности (competence) через перечисление независимых компонентов, относящихся к различным сферам (когнитивной, эмоциональной и др.). Рассматривая структуру компетентности, Дж. Равен считает неотъемлемой ее частью «компетенции» (competency), связанные в свою очередь с понятием «инициатива»: «...competencies are grounded in value-laden motivational predispositions...» (компетенции основаны на ценностно-мотивационных предрасположенностях), то есть важная особенность этого качества, на которую следует обратить внимание, состоит в том, что оно имеет внутреннюю мотивацию. Любое же действие, совершенное либо предпринятое индивидом по инструкции извне, не может быть определено как «инициатива». Компетентность, как определяет ее Дж. Равен, — это мотивированная способность [Равен 2002: 258]. При этом проявление компетентности напрямую зависит от среды, окружающей индивида и компонентов компетентности, которые он задействует: «personal effectiveness depends on the environment engaging with the individual's motives and triggering relevant behaviour. That done, the effectiveness of the behaviour depends on the individual bringing to bear as many as possible of a series of relatively independent, but cumulative and substitutable, cognitive, affective, and conative components of competence» (личная эффективность зависит от типа окружения, взаимодействующего с мотивами индивида и вызывающего соответствующее поведение. При этом эффективность поведения зависит и от индивида, насколько он использует относительно независимые, но кумулятивные и взаимозаменяемые когнитивные, аффективные и конативные компоненты компетентности) [Равен 2002: 258] Следовательно, чтобы развить в человеке готовность и способность проявлять инициативу, нужно «развивать в нем склонность проявлять ее по собственному желанию» [там же: 151].

В середине XX века американский лингвист Н. Хомский ввел термин «языковая компетенция», означающий знание системы понятий грамматики языка, и именно в этом смысле владение компетенциями / компетентность

(competence) и противоположность, некомпетентность (incompetence), стали предметом интереса лингвистики [Хомский 1972].

Отечественные педагоги и психологи апеллируют к понятиям «компетентность» и «компетенция» при изучении проблемы становления и развития компетентности как одного из свойств личности [Маркова 1996; Кузьмина 2004; Зеер 2005].

Отметим, что нередко термины «компетенция» и «компетентность» ошибочно трактуют как семантические дублеты. Действительно, оба имени содержат указания на мотивационные, этические, социальные и поведенческие характеристики, что делает их значение шире значения их гипонимов «знание», «навык» или «способность». Однако, многие ученые, среди них Дж. Равен, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, А. В. Хуторский справедливо дифференцируют указанные понятия. Так, по словам А. В. Хуторского, компетенция – это меры, требования, которые предварительно ставятся перед студентом при получении знаний, а компетентность – это сформировавшиеся индивидуальные качества студента и его минимальный опыт работы. Ученый полагает, что «компетентность – это обладание соответствующей компетенцией и отношение к ней» [Хуторской 2008: 120].

В институциональной коммуникации термин «компетентность» также часто заменяют его синонимами «профессионализм» или «квалификация». Разграничить данные понятия позволяет обращение к социокультурному контексту их использования, связанному с задачами и предназначением индивида в обществе. Ранее в качестве основополагающей характеристики индивида выступал профессионализм, означая обладание необходимыми знаниями, навыками и опытом для эффективного выполнения поставленных задач. В настоящее время оценивание деятельности индивида происходит с использованием компетентностного подхода, где оценивается «включенность человека в основные сферы жизнедеятельности, значимые для него на определенном этапе» [Родермель 2012: 59]. При таком подходе

компетентность понимают, прежде всего, как эмоционально-волевое и «знаниевое» переживание, которое было сформировано на базе определенных знаний, осведомленности, опыта. При этом компетентность не может быть изолирована от конкретных условий ее применения в качестве оценивающего компонента, а также не может быть ограничена лишь одним критерием (знаниями, умениями и т.д.).

В нашем исследовании мы опираемся на определение компетентности, данное И. А. Зимней, которая понимает под компетентностью «актуальное, формируемое личностное качество, которое базируется на знаниях, и при этом является интеллектуально и личностно обусловленной социально-профессиональной характеристикой человека [Зимняя 2008: 23].

К пониманию компетентности в связи с многочисленностью областей ею интересующихся выделяется несколько подходов. Обратим внимание на основные из них. Первый подход фокусируется на чертах личности, поскольку именно они предопределяют успешные действия. В таком случае компетентность понимают как зависящее от контекста, проявляющееся лишь в деятельности качество индивида. Другой подход акцентирует внимание на свойствах деятельности. В этом случае важно выявить главные элементы деятельности, успешное выполнение которых требуется для принятия конечного результата, удовлетворяющего заданным требованиям. В рамках второго подхода компетентность индивида понимается как степень его успешности относительно уже имеющихся стандартов [Безюлева 2005].

Как указывается в работах некоторых исследователей (А. В. Хуторской, Л. И. Иванкина, Ю. Г. Татур, О. Г. Берестнева и др.) компетентность есть понятие более широкое нежели, чем профессионализм. Понятие «компетентность» включает когнитивную, операционально-технологическую и другие составляющие. Интегрируя качество профессионализма, компетентность предполагает, что индивид обладает знаниями и умениями надпрофессионального порядка. Обладание компетентностью означает

умение использовать как в конкретной, так и в неопределенной ситуации полученные знания и опыт. Согласно точке зрения Л. И. Иванкиной, компетентность есть интегрирующий потенциал, объединяющий ресурсный, результативный и инновационный компоненты. Принимая такое мнение, рассматривать компетентность следует лишь как «совокупность ресурсов, имеющихся в распоряжении индивида для осуществления деятельности, способность использовать эти ресурсы с целью самореализации, а также способность человека к расширению собственных возможностей и изменениям, соответственно изменениям культурной среды» [Иванкина 2003: 79].

С этой точки зрения компетентность обладает интегративной природой, выступая системным качеством человека. Развитие компетентности в процессе образования предоставляет не только теоретические и практические знания и умения, но и формирует способность обращаться к ним в стратегии решения проблем в конкретной ситуации. Получение компетентности в дальнейшем способствует образованию собственного, личностного знания посредством формирования новых методов получения знания на основании полученного ранее [Родермель 2012].

Как видим, многозначность компетентности и составляет ее сущность, что определяется противоречивостью индивидуально-личностного и социального качества. Компетентность, несмотря на свою многозначность, проявляется в совокупности: она соединяет в себе закрепленный в действии навык, ментальную активность, реализацию знаний, способностей и отношений в определенной деятельности, осознание целесообразности этой деятельности и соотнесение ее с социальными ожиданиями.

Компетентность может быть истолкована как индивидуально-личностное качество – способность и готовность к какой-либо деятельности, и как социальное качество, где основное значение обретает социум, его ожидания и запросы, из-за чего в компетентность закладываются дополнительные усилия:

способность и готовность к гибкости, к быстрой смене способов и форм жизнедеятельности, а также использование этого разнообразия в сменяющихся условиях. Опираясь на вышеизложенное, можно сказать, что образование предоставляет индивиду не только получение предписанных компетенций, но и возможность развивать различные общие, надпрофессиональные компетенции, которые определяет для себя сам индивид. При этом их развитию и успешному освоению способствуют подготовленность индивида, его активность, интеллектуальная и эмоциональная зрелость, умение осуществлять выбор и нести ответственность и т. д. [Родермель 2012].

Профессионализм, согласно Г. В. Безюлевой, считается мерой и степенью совершенства, достигнутого индивидом в той или иной деятельности. Компетентность же представляет собой больше деятельностную характеристику, раскрывающую степень проявления профессионализма. При этом она выступает не только как характеристика профессиональной деятельности, но и как нравственная категория, то есть отображает ответственность, регулирующую процесс профессионального роста специалиста. Профессиональная компетентность в настоящее время является важным условием становления профессионала. Формирование новых и профессионально важных навыков и умений обусловлено необходимостью непрерывного повышения уровня компетентности. Так, по словам исследователя, компетентность нужно считать более узким по смыслу понятием, чем профессионализм и использовать для выражения высокого уровня квалификации и профессионализма индивида в профессиональной деятельности. [Безюлева 2005].

В экономической литературе встречаем определение профессионализма как степени совершенства, меры качества эффективной деятельности в определенной сфере. Там же находим основные черты и признаки, приписываемые профессионализму. Главным образом, это обладание

необходимыми знаниями в профессионально-деятельностной сфере, которые были получены в результате индивидуальных познавательных усилий, способствующие дальнейшему становлению и развитию индивида, а также становятся мерой трудовой и профессиональной активности. Еще одним признаком профессионализма исследователи в экономической сфере выделяют умение применять новые, гибкие, нестандартные методы, средства, приемы, подходящие при этом к конкретной ситуации. В таком ключе, умения являют собой знания, которые были воплощены во время решения конкретных поставленных задач. Другим немаловажным компонентом профессионализма считают навыки. Они понимаются как своеобразные формулы, клише типовых часто повторяющихся действий, выполнение которых обеспечивает эффективную работу.

Согласно вышеизложенному, профессионализм понимают как степень овладения человеком профессиональными знаниями, умениями и навыками, некоторым опытом, которые необходимы для успешного осуществления профессиональной деятельности; высшую степень профессионального развития.

Некоторые рассматривают компетентность как явление равное профессионализму. Однако, несмотря на некие сходства и даже совпадения в содержании, это далеко не тождественные понятия. Компетентность, как уже упоминалось нами ранее, является чертой личности индивида, включающей способность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и принимать в связи с этим решения, которые позволят достигнуть необходимого результата, в отличие от профессионализма, где важен значительный объем знаний и опыта. Для компетентности важно именно умение актуализировать совокупность знаний и опыта в нужное время в процессе реализации своей деятельности.

Термин «компетентность» содержит в себе не только главный признак – «компетенцию», то есть соответствие, но и характеризует субъекта с точки

зрения его знаний и умений, дающих возможность осуществлять профессиональную деятельность с наибольшей эффективностью [Буздова 2015].

Близость этих терминов не отменяет их очевидного различия: «компетенция» означает наличие прав и полномочий, а «компетентность» характеризует их носителя. Так, в английском языке мы видим ту же дифференциацию: «competency» как компетенция составляет «competence» как компетентность. Иными словами, это мера/степень выражения и проявления профессионального опыта индивида в рамках компетенции конкретной должности. Одновременно с этим компетентность является деятельной сущностью общей культуры человека, о чем неоднократно упоминают в своих трактатах философы.

Даже при наличии различий профессионализм и компетентность можно рассматривать как неразрывные, взаимосвязанные характеристики человека как личности и профессионала в том числе. Важно отметить, что при этом проявление профессионализма невозможно при несоответствии содержания структуре компетенции определенной должности. Только в случае совпадения возможно проявление профессиональной компетенции, одной из важнейших сторон профессиональной культуры, меры профессионализма индивида. Профессиональная компетентность определяет деловую конкретную деятельность как в привычных условиях, так и в экстремальных нестандартных ситуациях. Как правило, профессиональная компетентность присуща отличающимся особой сложностью, социальной и профессиональной важностью специальностям. Выделяют несколько уровней и видов профессиональной компетентности. К ним относятся специальная компетентность, психологическая, интегративная, социальная, личностная и другие [Буздова 2015].

При всем интересе исследователей и разнообразии трактовок понятие компетентности остается одним из наиболее расплывчатых терминов в

организационной и профессиональной зарубежной литературе [Nordhaug 1994].

Концепция индивидуальной компетентности (*individual competence*) широко используется в управлении человеческими ресурсами. Это относится к совокупности навыков (*a set of skills*), которыми должен обладать человек, чтобы быть способным выполнять определенную работу на удовлетворительном уровне [Boyatzis 1982, Burgoyne 1993]. Несмотря на то, что эта концепция разрабатывается многими учеными, продолжаются споры о точном значении понятия.

Некоторые придерживаются мнения о том, что некомпетентность относится лишь к деятельности, которая может быть найдена в любой области, поскольку система требований к сотрудникам и менеджерам основана на компетентности (*competence-based system*) в ключевых видах деятельности [McAuley 1994]. Другие рассматривают *некомпетентность* как отсутствие навыка и расхождение со стандартом производительности. Еще одна точка зрения на *некомпетентность* – ее отношение к поведению, психологической составляющей, с помощью которой достигается отрицательный результат в профессиональной деятельности, то есть на основании чего индивид признается некомпетентным. Р. Рид также поясняет различие между компетентностью и компетенцией: «*competence describes what people do and competency describes how people do it*» (компетентность описывает то, что делают люди, а компетенция описывает, как люди это делают) [Reed 1990]. Таким образом, в зарубежной литературе в последнее время *некомпетентность* описывают и как то, что делают люди, и как то, как люди это делают, практически делая понятия *competence* и *competency*.

Дж. Кенворт выделяет атрибуты, которые индивид проявляет как «морально обоснованное» поведение — это важные факторы поведения, но особенно трудно поддающиеся измерению, и «интеллектуально обоснованное» поведение как способности или компетенции (*capabilities or*

competencies) [Kenworthy 2010].

Янг развивает аналогичную тему, связывая компетенции и компетентность с производительностью и определяя компетентность как личностную характеристику (мотивы, черты характера, образ/роль и знания) и то, как человек ведет себя (навык). Компетентность, по мнению исследователя, это то, что требуется от менеджера: работа, функции, задачи. Иными словами, основное понимание некомпетентности в зарубежной науке — это производительность отдельного индивида, уровень качества выполненной работы [Young 2002].

Джейкобс рассматривает различие между жесткими и мягкими компетенциями (hard and soft competences). Мягкие компетенции относятся к таким элементам, как креативность и чувствительность, и включают в себя больше личностных качеств, лежащих в основе поведения. Эти элементы рассматриваются как концептуально отличные от жестких компетенций, таких как способность быть хорошо организованным [Jacobs 1989]. Различие Джейкобса четко вписывается в модель Янга с жесткими компетенциями, относящимися к идентифицируемому поведению, и мягкими компетенциями как личностными характеристиками индивида. Подобное понимание постепенно приходит и в отечественные профессиональные сферы.

Кокерилл и др. определяют пороговую и высокоэффективную компетентность. Пороговая компетентность — это такое поведение, которое используется должностными лицами, не имеющими высокой производительности. Подобный уровень можно рассматривать как определение минимальных требований к работе. Высокоэффективная компетентность, напротив, представляет собой поведение людей, выполняющих свою работу на более высоком уровне. Некомпетентность, соответственно, неэффективное поведение, при котором работа выполнена на неудовлетворительном уровне, либо не выполнена вовсе. При этом исследователи практически не разграничивают компетенции и

компетентность, используют понятия как единое целое, включающее друг друга (competenc[i]es) [Cockerill 1995].

Раскрыв понятийное содержание категорий, обратимся к их языковой структуре. Имя категории *Некомпетентность* представляет собой лексему, образованную префиксально-суффиксальным способом от корня «компетент», пришедшего от упомянутой выше нами лексики «компетенция». Префикс «не» здесь использован в значении непринадлежность; слова, образованные таким образом относят к негативно-оценочным [Болотова 2018].

Сама структура слова подтверждает нашу гипотезу о том, что *Некомпетентность* является противоположной категорией *Компетентности*, поскольку присоединение префикса «не» создает новые слова с противоположным значением. Стоит также отметить, что существительные с таким префиксом обладают смягченным лексическим значением по сравнению с синонимами без приставки. Так, например, «непрофессионал» — более нейтральная лексема нежели ее синонимы «дилетант» или «любитель». Подобную картину наблюдаем во многих лексических единицах исследуемой категории, что будет раскрыто нами в полной мере в последующих разделах.

Структура *Incompetence* схожа со структурой *Некомпетентность*: отрицательный префикс также относит категорию к негативно-оценочным. Этимология слова прослеживается с 1630-х, когда понятие впервые было отмечено в английском языке в значении «несоответствие». В последующее столетие значение сменилось на «недостаток навыков». Более ранняя форма *incompetency* все еще сохранилась в языке, сохранилось и ее значение «недостаточность, неэффективность». Значение «отсутствие квалификации или способностей» пришло позже, а связанность с человеком и его качествами зафиксирована только в 1860-х. В настоящее время *incompetency* — это состояние некомпетентности, в то время как *incompetence* — это

неспособность выполнять работу; отсутствие компетентности; неумелость.

В русском и английском языке у имен категорий общее происхождение от латинского *competentem* (номинативный *competens*), «подходящий, отвечающий всем требованиям, достаточный, адекватный», что в свою очередь образовано от латинского *compete* «совпадать, соглашаться». Изначально искомая категория была образована в французском языке в конце XIV в. Значение «способный, пригодный, обладающий способностью или способностями» относится в обоих языках к 1640-м годам. Юридический смысл «обладание дееспособностью или квалификацией» понятия приобрели позже.

Итак, в русском и английском языках категории имеют общее происхождение, схожую структуру входящих в них лексем (большинство из них образовано приставочным/приставочно-суффиксальным способом с добавлением отрицательного/противоположного значения). Гиперонимами в обоих языках будет категория *Дефект*, что подтверждается значением категорий как «недостаток».

1.3. Анализ словарных дефиниций как метод исследования категорий и концептов

В нашем исследовании для изучения феномена некомпетентности и его репрезентации в языке используется несколько методов анализа. Один из них – анализ словарных дефиниций. Этот метод был избран в силу того, что является начальным этапом описания концепта и служит базисом для дальнейшего исследования особенностей его функционирования в восприятии индивида или группы.

Подобный анализ актуален в силу антропоцентрической парадигмы в лингвистике, где неоспоримо важным элементом является языковая картина мира, то есть зафиксированное представление народа об окружающей действительности. Она существует в разных формах: индивидуальная и коллективная. Данное явление неоднократно выступало предметом научных

интересов таких лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, И. А. Стернин, А. Д. Шмелев. Так, объектом и нашей работы выступают фрагменты русской и английской языковых картин мира, репрезентированных лексемой «некомпетентность» и «incompetence» соответственно. Предметом являются словарные дефиниции толковых печатных и online словарей.

В анализе словарных дефиниций выявляются семы: ядерные, околядерные, периферийные, а также оттенки значений. Однако только дефиниционного анализа недостаточно, так как сознание человека расширяет и иногда даже меняет содержание концепта, в то время как словарные определения сугубо лексикографичны и не всегда релевантны в решении исследовательских задач. В связи с этим нами было принято решение использовать словарный анализ лишь в качестве этапа исследования, продолжив его затем корпусным анализом, методику которого мы опишем ниже.

Изучение роли языковых форм, а также категорий, значимых в процессах категоризации и концептуализации *Некомпетентности* требует методов исследования адекватных характеру работы. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, разрабатываемой в настоящее время, используют методы, позволяющие выявить соотношение языковых и ментальных структур, их организационных и репрезентативных принципов. По словам Н. Н. Болдырева, это методы исследования «когнитивной функции языка во всех его проявлениях» [Болдырев 2006].

К таким методам причисляют:

- анализ словарных дефиниций;
- концептуальный анализ;
- концептуально-репрезентативный анализ.

Все вышперечисленные методы последовательны и углубляют друг друга. Если словарные толкования и случаи употребления в контексте открывают содержание концепта и уточняют его значение, характеристики, то

далее следует выявление не только содержания концепта, но и то, как оно представлено в языке и какие уровни задействованы в его отражении. Иными словами, конечной целью всех методов является выявление концептуального содержания и соотнесения его с уровнем репрезентации.

С точки зрения релевантности словарных дефиниций исследователи имеют противоположные точки зрения. Одни считают неправомерным опираться на дефиницию в решении той или иной задачи исследований, оставляя за ней только свойство эвентуальности быть одним из способов описания семантической структуры слова (Ю. А. Найда, О. Н. Селиверстова и др.). по их словам «дефиниция, являясь элементом сугубо лексикографического описания, представляется нам лишь одним из способов описания семантических структур, она может быть, а может и не быть релевантной для решения той или иной исследовательской задачи» [Найда 1983: 64].

По мнению О. Н. Селиверстовой формулирование семантических признаков на основе существующих словарных определений не может считаться исследовательским приемом анализа. Такой подход расценивается ею как систематизация данных, полученных ранее [Селиверстова 1975].

Однако другие исследователи (И. Арнольд, Р. А. Будагов и др.) утверждают, что именно словари предоставляют начальные, исходные данные для дальнейших изысканий и уточнений. Зачастую неполные либо неверные данные должны быть проверены и уточнены с помощью других словарей. Наиболее достоверным исследование будет при использовании целого собрания различных словарей (двуязычных, толковых и синонимических) и последующей унификации полученных данных, которые и будут источником для извлечения семантических компонентов [Арнольд 1966].

Тем не менее, большинство исследователей когнитивной лингвистики сходятся во мнении, что словарный анализ является лишь составной частью концептуального и концептуально-репрезентативного анализа.

Исследования словарных дефиниций представляются важными, поскольку они являются «особой формой концептуализации мира в языке» [Болдырев 2006]. Лексикографическая деятельность это по сути своей особый способ и форма концептуализации мира, систематизации знаний и фактов о нем. Одним из главных источников определения содержательной стороны лексем и семантической структуры слова-полисеманта являются альтернативные контекстуальному анализу и методу анкетирования, имеющему в своей основе скорее цель верификации полученных данных, лексикографические данные.

Как и в языке, в словарях знания имеют свои принципы организации. Универсальным принципом представления знаний можно считать доминантный. В пользу этого суждения опять же выступает Н. Н. Болдырев, поскольку доминантный признак изначально наблюдается в процессах познания и организации сознания. Концептуальная система человека аналогично строится на выделении доминант и дальнейшей направленности на них; языковые системы и картины мира построены по тому же принципу. Это особенно значимо, так как в словарях представлены коллективные знания, разделяемые определенным языковым сообществом, а также некие отражения культурной и языковой специфики. Несмотря на единую цель любого словаря – отражение результатов познания – ориентированность их будет различаться, так, например, в толковых и энциклопедических словарях доминантой является статистическое представление концептосферы языка на определенном временном промежутке; доминантой же ассоциативных, тезаурусных и подобных словарей является структура языка; а для сленговых и фразеологических – отдельные уровни языка. Таким образом, доминантный принцип позволяет представлять коллективное знание в универсальном формате, выдвигая на передний план характерные для конкретного словаря понятия, используя при этом схожую структуру [Болдырев 2011]. В связи с этим в процессе дефиниционного анализа правомерность использования тех

или иных словарей находится под вопросом. Исходя из этого, дефиниционный анализ должен быть проведен с учетом недоработок самих составителей словарных статей, а также изменения значений с течением времени.

Сложность проведения анализа дефиниций заключается в свернутости и потенциальности значения слова, иными словами, ни один словарь не способен охватить всего возможного содержания слов, которое неразрывно связано со всем жизненным опытом человека и происходит из самого неожиданного языкового или внеязыкового контекста [Кузнецов 1977]. На это свойство значения указывает и В. В. Налимов в своей монографии «Вероятностная модель языка»: «Мы никогда не можем утверждать, что нельзя придумать еще одной фразы, которая как-нибудь иначе, чем это было ранее, раскрывала бы смысл слова. Именно в этом смысле можно говорить о континуальности мышления, если исходить из анализа семантики языка» [Налимов 1974: 217].

В нашем исследовании мы будем использовать компонентно-дефиниционный анализ, который И. М. Кобозева характеризует как метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, при котором разложение значения на минимальные семантические составляющие и является конечной целью метода [Кобозева 2012].

Данный метод строится на гипотезе о том, что значение каждой языковой единицы возможно описать с помощью семантических признаков, характерных для того или иного семантического компонента. Заметим, что метод компонентного анализа тесно связан также и с теорией поля. Действительно, лексика являет собой совокупность системно-структурных образований, которые именуют семантическими полями. Внутри них слова связаны отношениями взаимного противопоставления – каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Вследствие этого делаем вывод о том, что носитель языка в полной мере может знать значение слова лишь в том случае, если ему хорошо известны значения других слов из

того же поля.

А. М. Кузнецов в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой определяет лексическое поле как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС: 380-381]. Им же предложен список следующих основных свойств лексического поля:

- «наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- системный характер этих отношений;
- взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц;
- относительная автономность поля;
- непрерывность обозначения его смыслового пространства;
- взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря)» [ЛЭС: 380-381].

Лексическое поле можно представить в виде особого семантико-парадигматического образования, при этом формирование подобного поля (или лексико-семантической парадигмы) будет происходить по принципу сближения и противопоставления лексических значений членов поля. Сходство и различие при этом определяются через анализ минимальных смысловых единиц – сем. В качестве основополагающего определения возьмем определение Л.М. Васильева: «Семы – это элементарные смыслы, минимальные кванты (или атомы) содержания, лежащие в основе всевозможных релевантных оппозиций» [Васильев 1971: 46].

Таким образом, лексическое поле следует понимать как ряд слов, связанных между собой парадигматически и имеющих общий семантический признак, однако различающихся хотя бы по одному дифференциальному признаку. Слова, содержащие общие и дифференциальные признаки, образуют определенные иерархические структуры [Селиверстова 2004].

Дифференциальные признаки выявляются противопоставлением слов, которые включены в данную семантическую группу, а противопоставление всей совокупности слов данной семантической группы словам, формирующим общую систему, но в нее не входящим, обнаруживает интегральный признак значения.

В качестве метода систематизации уже имеющихся сведений о значении используют компонентный анализ. Установление соотношений между словами помогает представить значения слов в виде интегральной общности элементарных компонентов смысла, что, в свою очередь, и является компонентным анализом лексических значений.

В противопоставляемых друг другу словах исследователи отмечают сходство и различие значений, выделяют общие и дифференциальные семантические признаки, получая доказательство того, что значение слова есть не что иное, как набор смысловых единиц – сем, которые соответствуют выделенным при сопоставлении признакам. Метод компонентного анализа базируется на предположении о том, что значение каждой единицы языка состоит из набора семантических компонентов.

Основной задачей компонентного анализа определяют описание лексических значений, при котором их анализ предстает в виде определенного набора процедур, применяемых к лексическим единицам языка, которые ставятся в соответствие каждому слову, набору соответствующих семантических компонентов. Таким образом анализируются отдельные, изолированные слова с учетом парадигматических отношений между ними, т.е. корреляций.

Как писал Р. О. Jakobson: «значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак – такой, в котором это значение более полно развернуто» [Jakobson 1985: 65]. При этом значение некоторых слов представляется в виде структуры, состоящей из элементов смысла, поскольку оно может быть получено лишь в составе бóльших по объему выражений, чем

само слово. При таком подходе компонентный анализ – это изучение неоднократного повторения тождественных по содержанию, но вариативных по форме толкований и объяснений одного и того же понятия.

Отечественные психолингвисты, как правило, выделяют три уровня сознания, а именно:

- уровень официального общественного сознания, выраженный в форме философских и научных текстов в виде статей в энциклопедиях и энциклопедических словарях, где авторы закрепляют содержание понятий от имени общества;
- промежуточный уровень общественного сознания, представленный мнением ученых-лексикографов, составителей языковых словарей;
- уровень обыденного общественного сознания профанных носителей культуры, который описывается по результатам интерпретации ассоциативных полей, выявленных в ходе психосемантического эксперимента [Тарасов 2012: 11].

В нашем исследовании мы за третий уровень принимаем не психосемантический эксперимент, но корпусное исследование, дающее возможность изучить естественный, «живой» язык.

Исходя из изложенных положений, словарный анализ лексических единиц, репрезентирующих категории *Некомпетентность* и *Incompetence*, позволяет изучить компоненты, входящие в их значение, взаимосвязь этих компонентов, место категорий в коллективной когниции языкового сообщества, место и роли в структуре языка, а также увидеть, как они участвуют в концептуализации феномена некомпетентности.

1.4. Использование корпусной методологии в исследовании категорий

В настоящий момент в мировой науке формируется взгляд, что корпусная лингвистика призвана стать фундаментом новой лингвокогнитивной теории в

связи со смещением акцентов со слов и предложений на текст, на дискурсивную практику, так как когнитивная природа дискурса есть «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), и противостояние «системному» подходу [Чернявская 2018]. Еще в конце прошлого столетия зарубежные исследователи Т. МакЭнери и Э. Уилсон определяли корпусную лингвистику как исследование языка на основе изучения фактов использования языка в реальной жизни [McEnery, Wilson, 1991]. Подобный взгляд на корпуса дает основания для утверждения, что вообще вся современная лингвистика, в конечном счете, должна стать лингвистикой корпусов [Молодкин 2019].

Поскольку наше исследование отчасти является корпусным, оно будет сосредоточено на лексических единицах, выражающих искомые категории. В данном разделе мы описываем использование корпусов текстов в рамках лингвистической методологии [Sinclair 1991; Kennedy 1998; Biber 1998; Hunston 2002].

Различным целям соответствуют различные языковые корпуса. Так, в переводческой деятельности используют монолингвальные, билингвальные и мультилингвальные корпуса текстов с целью сопоставления вариантов использования определенных слов или выражений в различных языках. В лингводидактике корпуса используют для демонстрации использования определенных словосочетаний, идиом или выражений, типичных для изучаемого языка. При изучении языка также пользуются двуязычными словарями. Специалисты по терминологии, в свою очередь, могут выделить терминологию, типичную для определенной дисциплины, наблюдая за использованием языка в корпусе, относящемся к данной сфере. Помимо этого, лексикографами могут использоваться корпуса текстов для создания новых словарей или же с добавлением новых статей к уже имеющимся.

Корпусная лингвистика — это мощнейшая методология, способ использования компьютеров, упростивший анализ языка так, что теперь закономерности среди многих миллионов слов могут быть определены не

только точно, но и быстро. Пришедшее из латыни слово корпус означает тело, поэтому по заявлению Т. МакЭнери, «корпусная лингвистика — это исследование тела языка, зачастую очень большого тела» [McEneary 2006].

В настоящее время корпусная лингвистика часто понимается как подход в лингвистике, который изучает использования языка в «реальной жизни» при помощи машиночитаемых корпусов и вычислительных машин.

Наиболее полным является определение Э. Финегана, в котором он подчеркивает, что «корпусная лингвистика — это деятельность, требующаяся для составления и использования корпуса и направленная на исследование естественного употребления языка» [Finegan 2004: 457]. Данное прочтение выделяет двойственный характер методологии: одновременная нацеленность на создание и на использование корпусов текстов. Ту же дуалистичность наблюдаем и у объекта корпусной лингвистики – корпуса текстов, который в одно и то же время представляет собой и исходный речевой материал для исследовательской деятельности, и является ее продуктом.

Предметом корпусной лингвистики представляют «теоретические основы и практические механизмы создания, а также использования репрезентативных массивов языковых данных, предназначенных для лингвистических исследований в интересах широкого круга пользователей» [Захаров 2016: 155]. Итак, корпусная лингвистика может быть представлена в виде совокупности методов, процедур и ресурсов, имеющих дело с эмпирическими данными в лингвистике.

В настоящее время выделяют два подхода к использованию корпуса в лингвистических исследованиях: *corpus-based* («основанные на корпусе») и *corpus-driven* («движимые корпусными данными», предполагает обобщение полученных данных с последующим выходом в новые гипотезы) [Granger 2003; Tognini-Bonelli 2001]. В этом плане *corpus-driven* подход более эмпиричен: он объясняет лингвистическую теорию путем анализа реальных языковых фактов, наблюдаемых в естественных текстах, можно назвать его

дедуктивным. Второй же подход, corpus-based, использует корпусные данные в качестве методологии проверки гипотез. Использование одного из подходов отдельно от другого ведет к несостоятельности исследования, поскольку немалое значение имеют речевые данные, которых может и не быть в корпусе, извлекаемые только в процессе «рефлексии ученого», так как «из корпуса текстов невозможно извлечь все возможные лингвистические выводы», и любые обобщения возможны лишь при условии сравнения количественных результатов с результатами, которые получены на более широком материале [Голубкова 2019: 56]. В нашем исследовании corpus-driven и corpus-based подходы будут использоваться в совокупности и составят один из этапов, так как корпусные данные из «живых» текстов позволяют более точно определить структуру категории.

В настоящее время существует такое же множество определений понятия «корпус», как и подходов к методологии его использования. Так, Т. МакЭнери и Э. Уилсон дают следующее определение: «корпус – это собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка» [McEnergy, Wilson, 1996].

Э. Финеган же рассматривает корпус как «репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории» [Finegan 2004].

Понимание лингвистического корпуса и его определение у В. Захарова более абстрактно: «объемный, унифицированный и структурированный, надлежаще размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач, который представлен в машиночитаемом формате» [Захаров 2005: 3].

Во всех определениях выше можно увидеть главные черты современного корпуса текстов, а именно цель создания, машиночитаемый формат, репрезентативность и металингвистическая информация.

Современная корпусная лингвистика активно разрабатывает все новые корпуса текстов и развивает свои методы. Многие исследования результативны лишь при изучении очень больших объемов лингвистической информации, для обработки которых требуются специализированные программы. Развитие современных интеллектуальных программных систем, предназначенных для обработки текстов естественного языка, также требует большой экспериментальной лингвистической базы. Появление соответствующих технических возможностей также повлияло на частоту и качество корпусных исследований. В настоящее время корпусная лингвистика – популярный метод и направление исследований, что влечет за собой активное развитие, оптимизацию и пополнение существующих корпусов текстов, и создание новых [Svartvik 2007; Gatto 2014].

Поскольку в настоящее время корпусные методы применяются в большом количестве разнообразных исследований с разными целями и запросами, единой методики не существует. Тем не менее, наличествуют общие для всех изысканий, базирующихся на корпусе текстов, этапы.

Начальным этапом выступает подбор нужного корпуса текстов, что обусловлено большим количеством корпусов текстов и не только. При выборе качественных, подходящих для конкретного исследования, корпусов мы опирались на следующие несколько критериев:

- доступность;
- достаточность словесного материала;
- является ли данный корпус представительным для поставленной задачи;
- каким образом были отобраны тексты;
- достоверно ли представление индексов (если корпус индексирован);
- репрезентативность, или сбалансированность корпуса (его представительность, соотношение его отдельных частей).

Под репрезентативностью понимается необходимо-достаточное и пропорциональное представление в корпусе текстов различных периодов,

жанров, стилей, авторов и т.п., то есть способность отражать все свойства проблемной области [Рыков 2001]. О представительности корпуса свидетельствуют: его объем, жанровое разнообразие составляющих его текстов, состав авторов, чьи произведения вошли в корпус, а также наличие текстов, относящихся к разным периодам создания. Для национальных корпусов языков своеобразным ориентиром или порогом служит объем 100 млн. словоупотреблений. Жанровое разнообразие составляющих корпусу обеспечивают тексты, относящиеся ко всем основным сферам использования русского языка: научной, официально-деловой, публицистической, церковно-богословской, художественной, разговорно-бытовой (включая устную и электронную коммуникацию). Наличие текстов разных временных периодов позволяет проследить изменения в употреблении языковых явлений, а возможно, и установить динамику этих изменений [Захаров 2011].

Следующим этапом является адаптация целей и задач исследования под наличный корпус текстов. Далее следует выборка материала, который будет подвергнут исследованию: будут ли это слова, морфемы, жесты и т.д.

Помимо этого, существуют некоторые практические рекомендации, следовать которым необходимо для чистоты исследования. Обязателен анализ только тех данных, которые ясно и явно представлены в машиночитаемом формате. Также стоит искать в корпусе лишь то, что возможно найти и проанализировать в данном корпусе, и подсчитывать, если это количественное исследование, только то, что поддается подсчетам.

Опираясь на проанализированные в первой главе теоретические данные и приведенные выше этапы корпусного исследования, выберем подходящий для данного исследования корпус текстов.

В качестве источника примеров репрезентации категории *Некомпетентность* в русском языке был выбран Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – доступный для поиска электронный онлайн-корпус русских текстов. Широкому кругу пользователей он был представлен в апреле

2004 года. Общий объем на 2021 год составляет более 900 млн слов.

В отличие от других имеющихся массивов русскоязычных текстов, Национальный корпус имеет несколько важных особенностей. Немаловажно, что доступ к корпусу свободный и не имеет никаких ограничений. Также представительность и сбалансированность состава текстов обеспечивает точность полученных данных. В корпусе содержится собрание по возможности всех типов письменных и устных текстов, представленных в русском языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и все они входят в корпус пропорционально их доле в языке в соответствующий период времени. Следует отметить, что хорошая представительность достигается только при значительном объеме корпуса в сотни миллионов словоупотреблений. Помимо этого, НКРЯ содержит разметку, аннотацию, под которой понимают особую дополнительную информацию о свойствах текстов, включенных в него. Разметку зачастую считают главной характеристикой корпуса. Именно этот параметр отличает корпус от простых библиотек текстов, которые в изобилии представлены в интернет-пространстве. Такие библиотеки, хоть и предоставляют тексты в максимально точном воспроизведении, из-за их необработанного вида для полноценных лингвистических исследований языка малопригодны. Более того, подобного рода библиотеки ориентированы в большей степени на содержание текстов, нежели на их языковые качества. В случае с Национальным корпусом русского языка художественные или научные достоинства текстов, их правдивость и полезность не первостепенны. Богатство и разнообразие разметки обуславливает высокую научную и учебную ценность корпуса. В настоящее время НКРЯ использует шесть типов разметки: метатекстовая, морфологическая (словоизменяющая), синтаксическая, акцентная, семантическая и словообразовательная. Система разметки, как и содержательное наполнение, непрерывно совершенствуется.

Что касается содержания Национального корпуса русского языка, то он

охватывает прежде всего период от середины XVIII до XXI века: этот период представляет как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах – литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном. В корпус включены только оригинальные (непереводные) произведения художественной литературы: проза, драматургия, поэзия. Помимо художественных текстов, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного и устного (для современного этапа) языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, публичные выступления, частная переписка, дневники, документы и т. п. В последние годы НКРЯ был пополнен блогами, форумами и прочим контентом веба [НКРЯ].

Выбор корпуса текстов для исследования категории *Incompetence* был значительно сложнее, чем для русского языка. На данный момент для английского языка существует немало корпусов. Среди них самыми популярными являются:

- Британский национальный корпус (BNC);
- Корпус современного американского английского (COCA);
- iWeb: The Intelligent Web-based Corpus;
- Global Web-Based English (GloWbE);
- News on the Web (NOW).

С учетом всех приведенных выше критериев, нами были выбраны два корпуса: корпус современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, COCA) и корпус собранных в интернет-пространстве текстов (iWeb: The Intelligent Web-based Corpus).

Корпус современного американского английского был создан профессором корпусной лингвистики Марком Дэвисом из университета Бригама Янга.

В настоящее время это далеко не самый большой корпус текстов американского варианта английского языка, поскольку он насчитывает лишь

миллиард слов, а также единственный корпус свободного доступа на этом языке, включающий большое разнообразие текстов различных жанров. Он составлен из более чем 160 тыс. текстов, по 20 млн. слов за каждый год, начиная с 1990. После 2020 корпус не пополнялся. Это один из наиболее широко используемых структурированных корпусов текстов, ежемесячно его используют примерно 10 000 человек.

Веб-корпус содержит 14 миллиардов слов (примерно в 25 раз больше, чем СОСА) из 22 миллионов веб-страниц. Кроме того, он связан со многими другими корпусами ВУУ английского языка, которые были созданы ранее. Также корпус, начавший свою работу в мае 2018 года, предлагает беспрецедентное понимание вариативности английского языка, так как веб-страницы включают в себя не только американский вариант английского языка, но и британский, австралийский и другие.

В отличие от других крупных корпусов из Интернета, почти 95 000 веб-сайтов в iWeb были выбраны систематическим образом, и веб-сайты имеют в среднем 240 веб-страниц и 145 000 слов каждый. В корпусе есть возможность выбора тематики, страны, временного промежутка веб-сайтов.

Сопоставить корпус современного американского английского и корпус iWeb сложно из-за разницы в объеме. iWeb отражает намного более современные данные, так как корпус постоянно пополняется, поэтому в качестве основного источника данных мы будем использовать его.

Кроме корпусных данных мы также обратимся к интернет-пространству. Это опять же обусловлено тем заключением, что «чем больше объем данных, тем точнее результат» [Kilgarriff 2001]. Многие лингвисты в своих последних исследованиях опираются не только на структурированные и строго размеченные массивы текстов, но и на данные бесплатных поисковых систем. По словам В. П. Захарова и С. Ю. Богдановой [Захаров 2011], идея о том, что веб не только служит источником данных для корпусов, но и сам может рассматриваться в качестве корпуса, начала активно обсуждаться после

публикации А. Килгарифф доклада «Веб как корпус» в журнале Университета Ланкастера в 2001 г. [Kilgariff 2001]. В революционном для того времени докладе, Килгарифф описал более значимую связь между вебом и корпусной лингвистикой, чем тогда было принято полагать: являясь самым крупным собранием аутентичных текстов в машиночитаемой форме веб может выступать в роли самостоятельного корпуса и дать начало новым исследованиям.

Однако некоторые исследователи считают, что интернет-пространство не способно полноценно заменить привычные отобранные собрания текстов. В последнее время в лингвистике все чаще прибегают к понятию «веб как корпус», хотя оно пока и не имеет четкого определения и является скорее неким собирательным термином, который определяет интерес к использованию веб-пространства как дополнение к корпусу или же вместо него. М. Барони и С. Бернандини выделяют следующие основные направления работы в рамках нового подхода «веб как корпус» [Baroni 2006.]:

- «веб как мастерская корпуса»: исследователи выбирают и скачивают из веба тексты, найденные поисковой машиной, для составления корпусов, как вручную, так и автоматически;
- «веб как суррогат корпуса»: исследователи используют веб вместо корпуса, без применения специальных корпусных менеджеров, через коммерческую поисковую машину, либо через лингвистически ориентированные метапоисковые машины (например, WebCorp);
- «веб как полноценный корпус»: исследователи подходят к вебу именно как к полноценному корпусу, с целью описания сущности представленного в вебе языка, либо для описания веб-вариантов существующих языков, в основном, английского;
- «мега-корпус как мини-веб»: наиболее радикальное понимание роли веба в качестве корпуса, попытка создать новый объект (минивеб/мега-корпус), адаптированный для языкового поиска, и сочетающий

признаки корпуса (наличие аннотации, сложные формы запроса, стабильность) и веба (размер, актуальность, веб-интерфейс).

В нашем исследовании мы придерживаемся первой точки зрения и используем веб как дополнение к корпусу по нескольким причинам:

- некоторые примеры текстов ограничены форматом KWIC и не дают полноценного контекста;
- не все веб-страницы входят в корпус, зачастую примеры, наиболее приближенные к реальной коммуникации, не занесены в корпус;
- отсутствие полноценного объема в мультимедийных корпусах.

Сам процесс корпусного анализа в исследовании делится на несколько этапов. На первом этапе изучалось словарное значение выбранных лексем и их аналогов. Затем рассматривался контекст их употребления, на основании которого выводилось контекстуальное значение лексем, их синонимов и аналогов, а, следовательно, и обобщенное значение категорий.

Далее лексемы проверялись на частотность употребления в разных жанрах: устном, художественном, научном и т.д. Сделано это было для того, чтобы определить, в какой области категория наиболее актуальна. Также при помощи подобного анализа можно наблюдать, какие лексические средства используются чаще, что позволяет определить более крупные концепты в исследуемых нами категориях.

На следующем этапе лексемы были проверены на частоту употребления в хронологических рамках, поскольку оба используемых нами корпуса позволяют провести подобный анализ с целью отслеживания актуальности и развития концепта в русском и английском языках. Частично данное явление можно проследить по словарям и тезаурусам, однако корпусные данные точнее и ближе к реальности, поэтому мы выделили этот этап отдельно.

Последним этапом было сравнение полученных во всех корпусах данных. Соотнесение и сравнение полученных данных позволяет увидеть сходства и различия в употреблении лексических средств выражения категорий

Некомпетентность и *Incompetence*, в их содержании, а также полнее понять их структуру и важность для носителей языка.

В результате проведенного по описанной методике корпусного анализа, мы получаем полную картину лексических средств выражения категорий и их значений, развивающих и уточняющих собой их содержание. Используя этот тип анализа, увидим сочетаемость репрезентантов и категорий соответственно.

Многие исследователи подтверждают, что лексическая сочетаемость слова неотделима от его смысла. Для разработки теории лексической сочетаемости большое значение имели работы В. В. Виноградова, в которых он выделил фразеологические сочетания и установил основные типы лексических значений слов русского языка [Виноградов 1977]. Фразеологическими сочетаниями занимается фразеология, предметом лексической стилистики является изучение соединения в речи слов, имеющих свободные значения, и определение тех ограничений, которые накладываются языком на их лексическую сочетаемость. Некоторые ученые, исследуя проблемы лексической сочетаемости, приходят к выводу, что абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по возможностям сочетаемости группы слов. При такой постановке вопроса стирается различие между свободными сочетаниями и фразеологически связанными.

Корпусный анализ помогает выявить модели и типы внутриязыковой сочетаемости, наиболее употребимые структуры внутри категории, а также связь категории с другими категориями.

Для более глубокого понимания места категории в языке необходимо обратить внимание и на типы текстов, жанры дискурса, где чаще и ярче всего выражены категории. Современная разметка корпусов позволяет это сделать как в русском, так и в английском языке. Суммируя данные, полученные из корпусов и веба, получим полноценное представление о составе, строении,

сочетаемости, частотности и взаимоотношениях категорий. Частотность категории понимается нами как общая совокупность количества вхождений лексем-репрезентатов; анализ словоупотреблений лексических единиц разных уровней и последующее сведение данных позволяют получить среднее количество вхождений, что определяет частоту встречаемости категории в языке.

1.5. Репрезентация речевых ситуаций в лингвистике

Проблемы коммуникации рассматриваются техническими науками, биологией, психологией, социологией, философией, культурологией и лингвистикой. Коммуникативные ситуации являются объектом исследования в различных направлениях лингвистики. Анализ речевых ситуаций помогает в изучении процессов порождения речи, принимая во внимание элементы речевой ситуации, влияющие на порождаемую индивидом речь. Поскольку речевая деятельность определена не только неречевыми целями, но и «собственными целями: установками говорящего, его интенциями и его замыслом» [Кубрякова 1986: 29], возможно проанализировать прагматическую составляющую коммуникации. Все чаще исследования в сфере коммуникации подвержены методу моделирования.

Структура и содержание коммуникации представляются в виде определенных моделей. Их изучение началось с математической модели коммуникации, предложенной К. Шенноном; последовало активное развитие и изучение компонентов этой модели, ее вариативности и ситуаций, в которых она реализуется. Идеи К. Шеннона позже проявились в интерпретации Р. О. Якобсона в функциональной лингвистике. Модель Якобсона, принятая за классическую, и ее различные вариации применяются для анализа функций, как языка, так и компонентов коммуникативной модели. Несомненным фактором для выявления функции также является учет и анализ коммуникативной ситуации. В его информационно-кодовой модели

коммуникации участвуют адресант, от которого к адресату направляется сообщение, которое написано с помощью кода, контекст в данной модели связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой, а понятие контакта связано с регулятивным аспектом коммуникации [Якобсон 1988]. В настоящее время насчитывается множество различного рода моделей коммуникации: социологические, психологические, прикладные и прочие. Выделим наиболее значимые для изучения речевых ситуаций.

Модель Шеннона была дополнена основателем кибернетики Н. Винером – он добавил обратную связь, превратив модель в нелинейную. Данная модель используется в политической и PR-коммуникации. Модель Шеннона была доработана и ДеФлюером – он расширил исходную модель, сделав ее более разветвленной. Основной недостаток прежней модели, неспособность коммуникантов осознать, что посланное и полученное сообщение не всегда совпадают, был нейтрализован посредством добавления обратной связи, где сообщение повторяло путь, следуя от источника до цели. Психологом Т. Ньюкомом была разработана более подвижная модель коммуникации, отражавшая взаимодействие участников коммуникативного акта, в особенности в отношении их когнитивного, эмоционального и артистического аспекта. Критикуемая за чрезмерную простоту линейная модель была замещена циркулярной моделью Осгуда-Шрамма, где основное внимание уделено не каналам передачи информации, а поведению участников ситуации.

Существует однонаправленная (бихевиористская) модель коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом. Коммуникация в ней понимается как воздействие на реципиента, который выступает в качестве объекта, реагирующего на воспринимаемую информацию по принципу: стимул-реакция (принцип бихевиоризма). Несмотря на критику, модель позволяет изучать виды массовой коммуникации.

Выделяют среди нелинейных моделей интеракционную и транзакционную. В первой модели субъекты равноправны, связаны

взаимными установками, а коммуникация между ними имеет обратную связь, при этом происходит одноразовая смена ролей. Для второй же модели характерно многоразовое попеременное выступление каждого участника в роли коммуникатора и реципиента.

Большое влияние имеют модели, ориентированные на процессы распространения информации (двухступенчатые и многоступенчатые) и диалогические модели.

В последнее время идет разработка коммуникативных моделей, относящихся к различным сферам: от семейно-бытового общения до общения в сферах науки, религии, политики и т.д. Высокая практическая значимость коммуникативных моделей обусловила растущее число исследований конкретных речевых ситуаций: коммуникативной ситуации извинения, отчуждения, поздравления, благодарности, согласия, откровенного разговора, романтического общения, деловых переговоров и тому подобных.

В лингвистических исследованиях термин «ситуация» встречается в двух основных значениях – как фрагмент действительности и как совокупность реальных условий протекания коммуникации, некий контекст речи, т.е. совокупность условий (обстоятельств, целей, мотивов и т.п.), в которых осуществляется данное высказывание [СЛТ].

Кроме того, близким к понятию «коммуникативная ситуация» является понятие речевого/коммуникативного события. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что в системе коммуникативной иерархии коммуникативная ситуация и коммуникативное событие состоят в отношениях включения, иными словами событие включается в коммуникативную ситуацию. На наш взгляд, коммуникативное событие неизбежно включается в модель коммуникативной ситуации, и одно и то же имя речевого произведения может служить обозначением и коммуникативной ситуации, и коммуникативного события.

Некоторые исследователи понимают под коммуникативной ситуацией

основные обстоятельства общения, участников интеракции, их стимулы и т.д. или же «комплекс внешних условий общения и внутренних реакций человека, представленный в соответствующем лингвистическом оформлении» [Формановская 2002: 16]. Другие определяют типовую речевую ситуацию, как «обобщение и отражение совокупности однотипных минимальных, элементарных, далее нечленимых фрагментов действительности, по отношению к которым может быть применено понятие «событие», «ситуация» [Всеволодова 1997: 23] или же дают определение коммуникативной ситуации как «набора обстоятельств, диктующих субъекту речи определенный стиль речевого поведения» [Гурочкина 2005: 17]. Словарь «Культура речевого общения» понимает речевую ситуацию как «совокупность различного рода обстоятельств, условий, в которых происходит или может (должен) происходить речевой или коммуникативный акт, осознаваемых с точки зрения адекватности-неадекватности им его содержания и стиля. Сюда включается: конкретное место речевого акта; время, в которое он происходит; обстановка речи в узком смысле слова; социальная обстановка; особенности личности собеседника (аудитории); социальные особенности говорящего» [КРО].

Так или иначе, под коммуникативной ситуацией понимается ситуация речевого общения при участии двух и более коммуникантов. Структура коммуникативной ситуации состоит из общих факторов события (сферы коммуникации, типа общения, характера адресованности, форму речи), характеристик (количество участников, их роли в ситуации), условий коммуникации (времени, места).

При проведении функционального анализа речевой деятельности всегда необходимо принимать во внимание коммуникативную ситуацию, поскольку высказывания продуцируются лишь в ситуации и воспринимаются определенным образом в зависимости от нее. В коммуникативные ситуации входят и объекты, и обстоятельства окружающего мира, и социальные роли коммуникантов; влияют на высказывание эмоциональные и психологические

факторы и, непосредственно, намерения коммуникантов. Прагматический подход к языку был начат во второй половине XX в. Т. ван Дейком и в дальнейшем широкое развитие обрел в трудах Ч. Морриса по семиотике, прагматической теории значения П. Грейса, теории речевых актов Дж. Д. Остина, Дж. Р. Серля, З. Вендлера, прагматической теории референции П. Ф. Стросона и других значимых исследователей.

Прагматическое учение важно, поскольку выявляет связь между речью и деятельностью человека при помощи элементов высказывания, что помогает не только в понимании речи, но также и при воздействии на адресата речи. По словам Д. А. Гусарова, под прагматикой высказывания понимается способность адресата оказывать определенное воздействие на реципиента через сообщение ему определенной информации с помощью определенных речевых знаков [Гусаров 2008]. С помощью коммуникативных ситуаций могут быть исследованы лингвистические аспекты и инструментарий речевого воздействия [Иссерс 2020].

Наилучшим образом отражают специфику взаимодействия говорящего и слушающего диалогические ситуации, где представлено множество коммуникативных интенций говорящего и многообразное проявление способов прагматического согласования отдельных высказываний [Комина 1984].

М. М. Бахтин, исследуя природу диалога, подчеркивал связь реплик друг с другом и их взаимообусловленность. Таким образом, каждое последующее высказывание в диалоге «слышит» предыдущее и «помнит» весь предшествующий обмен сообщениями. Поэтому в порождении высказывания исследователь выделяет два основных аспекта: отношение каждого высказывания к предыдущему и адресация этого высказывания [Бахтин 2016].

Речевая ситуация позволяет говорящему спрогнозировать возможные речевые действия другого коммуниканта и выбрать соответствующий вариант речевого поведения. Это обусловлено влиянием речевой ситуации на отбор

языковых средств при формировании речевого высказывания и адекватным восприятием сообщения в такой ситуации.

В последние десятилетия были изучены речевые ситуации различных направленностей: ситуации извинения, благодарности, просьбы, колебания, поздравления, конфликта, оскорбления, деловых переговоров и многих других. Значительный вклад в исследование и моделирование коммуникативных ситуаций был внесен Н. И. Формановской [Формановская 1998, 2002, 2010]. Мы опираемся не только на предложенное ею определение речевой ситуации, но и на выдвинутую ею модель ситуации [Формановская, 2002, с. 42-45].

При анализе коммуникативной ситуации и разработке ее модели важно учитывать следующие ее компоненты:

- адресат,
- адресант,
- канал связи, проводник
- информация для передачи,
- кодирование информации,
- декодирование информации,
- форма речевой деятельности.

Наиболее важными компонентами являются партнеры по общению – адресант и адресат, поскольку сочетают и типизированные черты своей культуры, и личный опыт. Их отношения регулируются по статусу и роли в речевой ситуации. Отметим, что адресант, имеющий стимул к общению, чаще будет выступать в роли авторитетного/вышестоящего коммуниканта. Количество говорящих не ограничено рамками ситуации: возможно наличие нескольких реципиентов или адресантов, однако независимо от количества участников их роли останутся неизменными.

Тематическая составляющая коммуникативной ситуации всегда продиктована текущим моментом бытовых, профессиональных и социальных

задач, который имеет мотив/цель в качестве стимула к достижению результата общения. Область речевых намерений говорящего обширна.

Речевая ситуация также несет отпечаток времени и места, где происходит общение, что отчасти предопределяет стилистическую тональность произведения, а в сознании коммуникантов могут быть готовые сценарии для те или иных жизненных проявлений. При рассмотрении речевой ситуации, необходимо учесть и такой ее элемент, как фоновые знания, носителями которых являются коммуниканты, включаемые в структуру речевой ситуации. К фоновым знаниям относятся предварительные знания предмета коммуникации, сведения о коммуникантах, представление о цели и мотиве конкретного речевого общения. Все это дополняет информацию, содержащуюся в единицах речи. В более широком понимании фоновые знания есть совокупность исторических, культурологических, материально-бытовых и других сведений, которыми обладают участники коммуникации и используют их для формулировки речевого сообщения таким образом, чтобы оно соответствовало его цели и эффективно воздействовало на реципиента, которому в свою очередь фоновые знания облегчают восприятие сообщения.

Все перечисленные компоненты являются ситуативными переменными. Изменение каждой из них ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Однако решающим в формировании специфической коммуникативной ситуации будет комплекс внутренних и внешних факторов, сопровождающих коммуникацию и влияющих на выбор коммуникантами языковых средств и способов их выражений [Олешков 2008]. К таким факторам относятся:

- цели говорящих;
- роли коммуникантов как в определенной коммуникативной ситуации, так и в социуме (определяющие либо иерархические, либо равные отношения);

- гендерная, профессиональная, возрастная составляющие;
- эмоциональный фактор, учитывающий симпатии/антипатии, давление, поддержку и т. д.;
- место, в котором происходит коммуникация;
- продолжительность коммуникации (объективные и субъективные причины, влияющие на продолжительность);
- коммуникативная установка, поведение коммуникантов, их настрой на коммуникацию (открытость/закрытость, способность и готовность воспринимать, передавать или отвергать понятия, мысли, идеи, факты и другую информацию).

Некоторые факторы имеют большее значение, другие практически не влияют на ситуацию. Как видим модель коммуникации зависит от множества факторов. Так, форма коммуникации может быть письменной, устной, аудиальной, тактильной или же смешанной. Например, интернет-опосредованная коммуникация является гибридной формой коммуникации [Стернин 2013].

Учет упомянутых факторов, а также подробный анализ компонентов речевой ситуации позволяет понять причины ее коммуникативной неудачи/провала или успеха. Так, коммуникативный успех достигается в результате адекватного восприятия адресатом переданного адресантом сообщения, а коммуникативная неудача происходит по причине сбоя в общении, который и приводит к разрушению коммуникативного намерения коммуникантов. В роли коммуникативных барьеров могут выступать: различия в мировоззрении/интересах, наличие постороннего лица, несоответствие типа поведения одного из коммуникантов, негативный эмоциональный фон, нарушение речевого этикета и/или стиля для данной коммуникации и прочие [Стернин 2013].

Интернет-коммуникация, несомненно, обладает определенной спецификой, которая отличает ее от общения в физическом мире. Существует

огромное количество различных классификаций интернет-коммуникации, например, Дж. Сулера, которые подробно описывают интернет-коммуникацию (Suler 1996). Однако некоторые черты, как анонимность, пренебрежение правилами грамматики, синтаксиса и орфографии, на наш взгляд сглаживаются добровольностью контактов, социальным разнообразием, передачей большего количества информации и неограниченностью числа участников коммуникации [Якоба 2012].

В нашей работе будут проанализированы речевые ситуации различной формы коммуникации, в том числе и смешанного типа – коммуникация на форумах и интернет-изданиях. В нашем понимании такой тип речевых ситуаций наиболее близок живому общению.

При построении моделей коммуникативных ситуаций мы опираемся на классическую модель Якобсона, учитывая следующие компоненты ситуации: адресант, адресат, информация/сообщения, форма речевой деятельности. Принимались во внимание такие факторы как цели говорящих, их роли и коммуникативные установки. При анализе коммуникативных ситуаций представляется важным выявление их моделей и перечня коммуникативных единиц, обслуживающих данные ситуации для дальнейшего изучения: в случае успешной коммуникации паттерна поведения для повторения успеха, в случае же неуспешной коммуникации для обнаружения этапа, где модель отклоняется в сторону коммуникативной неудачи, в чем ее причина и какова роль составляющих модели и факторов ситуации в этой неудаче. Подобное знание позволяет предотвратить коммуникативный провал или минимизировать его.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В современной когнитологии выделяются различные ментальные структуры представления знаний: конкретно-чувственные образы, схемы, фреймы, сценарии, гештальты, концепты, категории и др. Их изучение осуществляется ведущими лингвистическими школами, разрабатывающими новые языковые подходы и методы. В настоящее время выделяют три основных подхода такого типа: лингвокультурологический, психолингвистический и лингвокогнитивный.

Последний подход, определяющий процесс категоризации и концептуализации как своего рода «рубрикации» знания, нашел воплощение в классических трудах Э. Рош, Дж. Лакоффа, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева. Категоризация понимается авторами как динамический процесс, сопровождающий все перцептивные процессы и дальнейшую обработку информации, знаний и опыта, в силу чего она рассматривается как ключевое понятие в описании деятельности человека.

Фокус интереса лингвокогнитивного подхода также направлен на изучение результата категоризации, т. е. категорий, среди которых особый интерес представляют прототипические классы. Это образования с нечеткими границами, объединенные лишь относительным сходством единиц, равняющихся на прототип как на лучший категориальный образец.

В числе таких категорий когнитивистами выделяются аксиологические (*Добро, Зло*), логические (*Причина, Следствие*), универсальные (*Бытие, Смерть*) и др. образования. Рассматриваемые в нашей работе категории *Некомпетентность* и *Incompetence* относятся к образованиям оценочного характера.

Выбор объекта был обусловлен повышенным интересом к феномену некомпетентности в современном обществе, а также высокой степенью его изученности в различных гуманитарных сферах. Полученные данные

рассматриваются как основа для проведения дефиниционного анализа имен категорий в русском и английском языках, раскрытия этимологии и деривационной структуры терминов, определения состава их сигнификатов.

Анализ теоретической литературы по проблеме позволил прийти к выводу о необходимости комплексного исследования категорий, в рамках которого были выделены несколько этапов.

Первым этапом был определен дефиниционный анализ, включающий изучение словарных толкований в различных типах словарей, соотнесение и сравнение дефиниций, выделение общих компонентов смысла и значения категории, построение уровневой структуры категории на основе полученных данных.

Следующим этапом стал корпусный анализ, предусматривающий выявление частотности категории и репрезентирующих ее лексем в языке, их распределение по жанрам и хронологии, описание сочетаемости категории в коллокациях, кластерах и темах, с целью понимания места категории в различных типах дискурса и ее связи с другими категориями.

Далее был намечен этап изучения категорий в коммуникации, направленный на анализ речевых ситуаций, содержащих репрезентанты *Некомпетентность* и *Incompetence*. Были выявлены основные параметры описания схем и моделей коммуникации, их структурные компоненты, отражающие цели, интенции и характер дискурсивного поведения участников, факторы, обуславливающие их ситуативную изменчивость, а также способы репрезентации категориальных единиц и средства, направленные на минимизацию или предотвращение коммуникативных неудач.

ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЗАЦИЯ *НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Дефиниционный анализ репрезентатов категории *Некомпетентность* и смежных понятий

Исследуемая нами категория в лингвистических трудах изучается не столь глубоко, как в философских или социологических. Тем не менее есть не только лексикографические данные, но и некоторые авторские определения категории в рамках определенных дисциплин.

Словарных определений у категории немного, кроме того, часто они скудны и неразвернуты. Так, толковый словарь русского языка Ефремовой дает такое определение: Некомпетентность — отвлеченное существительное по значению прилагательного: некомпетентный [СТСРЯ].

Идеографический словарь дает следующую трактовку: некомпетентность — отсутствие конкретных необходимых познаний [ИСРЯ].

Однако на этом определения имени категории заканчиваются. Однако обратимся к прилагательному «некомпетентный», как указано в словарях. Толковый словарь русского языка представляет сразу несколько значений: 1) Не имеющий достаточных знаний в какой-либо области; несведущий. 2) Выполненный без достаточных знаний; неосновательный. 3) Не обладающий полномочиями делать или решать что-либо [ТСРЯ].

Похожие толкования видим и в малом академическом словаре: 1) Не обладающий достаточными знаниями, недостаточно осведомленный в чем-л. 2) Свойственный такому человеку. 3) Не имеющий права по своим знаниям или полномочиям делать, или решать что-л., судить о чем-л. [МАС]

Толковый словарь русского языка Ушакова дает такое определение для «некомпетентный»: имеющий компетентности, неосведомленный в чем-н., неопытный. А вот для «компетентный» трактовка следующая: осведомленный, являющийся признанным знатоком в каком-либо вопросе; основанный на осведомленности, авторитетный, веский [БТСРЯ].

Неожиданным выглядит определение из толкового словаря по психологии: 1) Общее значение: недостаток квалификации, способностей или возможностей. 2) Более специальное значение: обозначение индивида, признанного неспособным принимать рациональные решения и делать соответствующие выборы и, следовательно, по закону, не несущего ответственность [Психологическая энциклопедия].

Помимо указанных толкований довольно часто встречается некомпетентность в составе другой категории. Так, в исследованиях часто фигурирует языковая некомпетентность. Это противопоставление языковой компетентности/компетенции.

Единой трактовки и конкретизации понятия языковой компетенции не существует. Данный термин был введен Н. Хомским примерно в середине XX в. Он был семантически противопоставлен термину «использование языка». Различие значений этих терминов рассматривалось как разница между знанием «говорящего-слушающего» о языке и применением языка в практике общения и деятельности человека. Стремясь остаться в рамках строго лингвистического исследования, Н. Хомский пытался абстрагироваться от реальных речевых актов и акцентировал тот факт, что имеет в виду «идеального говорящего-слушающего», т.е. абстрактно мыслимого носителя языка. Реального же носителя языка со всеми его речевыми особенностями он рассматривал как объект не лингвистического, а психологического, социологического, дидактического исследования [Хомский 1962].

В настоящее время языковая компетенция понимается как одна из составляющих коммуникативной компетенции. По мнению М. А. Кормилицыной, Е. П. Захаровой и О. В. Сиротининой коммуникативная некомпетентность — это отсутствие знаний о составляющих коммуникативной компетенции или/и неумение этими знаниями пользоваться [Кормилицына 2010].

К языковой некомпетентности относится и стилистическая

некомпетентность. Выделяют некомпетентность речевую, которая прежде всего, проявляется в неразличении норм устной и письменной речи, а они принципиально различны из-за разных материальных основ и условий как производства, так и восприятия речи. Риторическая компетентность — это еще одна составляющая коммуникативной некомпетентности. Исследователи определяют ее как неумение использовать особые риторические фигуры (метафоры, сравнения, риторические вопросы, синтаксический параллелизм, парцелляция, а также пословицы и поговорки) и неспособность рационально выстраивать рассуждения, максимально выражая при этом внимание и уважение к адресату, соблюдая этикет и принятые нормы регуляции общения [Гольдин 2010; Формановская 2009]. В свою очередь риторическая некомпетентность исходит из этической некомпетентности, в основе которой лежит неуважение к адресату (в основном нетолерантность к чужому мнению) и принятым в данной малой группе, корпорации или обществе в целом нормам [Ермакова, Земская 1993; Кукушкина 1998]. Существуют также общекультурная некомпетентность и дискурсивная некомпетентность, проявляющиеся в определенных дискурсах. Эту составляющую можно назвать собственно коммуникативной, или дискурсивной, т. е. не только проявляющейся, но и целиком зависящей от конкретного дискурса (например, online коммуникации). Дискурсивная некомпетентность — это отсутствие заботы об адресате, использование таких средств, что адресат не понимает передаваемую информацию, зачастую недостоверную или вводящую в заблуждение.

Однако некомпетентность встречается не только в лингвистических терминах, но и в педагогических. В данной области это обусловлено тем, что в основе стандартов образования лежит компетентностный подход. Как результат мы видим в педагогической науке растущее количество исследований, связанных с теоретическим осмыслением и прикладными аспектами различных компетентностей. Среди них встречаются такие понятия

как математическая некомпетентность, географическая некомпетентность, историческая некомпетентность и т.д.

Что же касается коммуникативной компетенции, то зародившись в методике преподавания языковых дисциплин, это понятие распространилось на многие области педагогики, о чем свидетельствует большой объем трудов по проблемам, так или иначе соприкасающимся с этим понятием. Теоретики сравнивают такие понятия, как коммуникативная компетенция, коммуникативная компетентность, коммуникативные и речевые умения и навыки (Н. Г. Костина, О. Ф. Коробкова, И. А. Маликова, В. Ф. Ремизова) [Коробкова 2010; Ремизова 2013]. Во многих трудах коммуникативная компетентность рассматривается в контексте общепрофессиональной компетентности представителей различных профессий, в рамках формирования культуры личности [Витвицкая 2005, Сафонова 2016], она признается основой успешной профессиональной адаптации [Мерцалова 2014], основополагающим фактором профессионализма и профессионального мастерства [Рунова 2014], называется ведущей составляющей личностной и профессиональной характеристик, важнейшим элементом профессионально-этической направленности личности [Шумилина 2016]. Коммуникативная компетентность представляет собой значительный интерес для исследований, связанных с гуманизацией и аксиологизацией образования [Моисеева 2016; Ремизова 2017].

Помимо данных понятий некомпетентность входит в состав еще нескольких актуальных исследуемых терминов. Как подчеркивает современный исследователь А. С. Родиков, в европейской теории и практике существуют понятия «осознанная компетентность» и «неосознанная компетентность», «неосознанная некомпетентность», «осознанная некомпетентность» как инструментарии проверки уровня умений работника в любой человеческой деятельности, изначально используемый только в дидактических целях. Автор изучил работы немецкого ученого Марии Байер

(M. Beyer) и психолога Альберта Бандуры (Albert Bandura), а также исследования европейского менеджмента П. Я. Тушова и др. В настоящее время эти понятия образуют матрицу осознанности и компетентности.

Категория *Некомпетентность* может находить выражение и в медицине. Существует понятие «некомпетентный пациент». Согласно В. А. Киселеву, это пациент, неспособный принять добровольное осознанное решение по поводу медицинского вмешательства. Компетентность пациента устанавливается в том случае, если он способен принять решение, основанное на рациональных мотивах; способен прийти в результате решения к разумным целям; способен принимать решения вообще [Биоэтический словарь].

Особое место некомпетентность занимает в менеджменте. В работах по управлению персоналом и деятельностью искомая категория встречается нередко. Так, в словаре находим следующее толкование:

Некомпетентность — несоответствие уровня знаний, умений, навыков и др. качеств, которыми владеет работник, требованиям занимаемой им должности [Справочник соц. менеджмента].

Далее находим такое понятие как профессиональная некомпетентность. Профессиональная компетентность — это важная составляющая и показатель высокого уровня профессионализма. Под профессиональной компетентностью (Э. Ф. Зеер, Дж. Равен, А. А. Деркач, А. К. Маркова, И. А. Зимняя и др.) понимают актуальное, формируемое личностное качество, а также основывающуюся на знаниях, умениях, навыках интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную характеристику человека. А вот профессиональная некомпетентность явление строго противоположное [Пучкова 2012].

Помимо этого, часто встречается упоминание компетенций, которые как было указано выше, и послужили основой для образования компетентности и следом некомпетентности. В сфере менеджмента компетенции трактуют как набор факторов, включающих деловые и личностные качества, знания, умения

и навыки, необходимые сотрудникам для успешного выполнения своей работы. Выделяют также профессиональные компетенции — особый уровень образования, в том числе дополнительного, опыт работы по специальности и полученные в этот период достижения [Литвинюк 2012].

Находим еще одно понятие в этой же области: эмоционально-волевая некомпетентность. Ее исследователи трактуют как отсутствие высокой нервно-психической устойчивости, эмоциональной лабильности, а также неспособность к самостоятельному выбору линии поведения, пассивное и нецелеустремленное осуществление тех или иных действий, непринятие на себя ответственности за их результаты [Хакимзянов 2013].

Как видно из приведенных толкований категория *Некомпетентность* нечасто встречается в чистом виде, в основном категория обретает дополнительные описательные и узкоспециальные смыслы. В первоначальном виде как некомпетентность наиболее актуальна для педагогической, методологической и управленческой сфер; встречается также в медицине. Однако более развернутые толкования категории получены именно из специализированных понятий, таких как, профессиональная некомпетентность, коммуникативная некомпетентность, этическая некомпетентность и т.п.

Рассмотрим подробнее определение из толковых словарей, где указано, что некомпетентность является отвлеченным существительным от прилагательного «компетентный». Согласно словарю лингвистических терминов, отвлеченные (абстрактные) существительные называют отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния. Они противопоставлены конкретным, так как обозначают идеальные, по философской терминологии, предметы, например: слава, благо, доброта, храбрость, смех, стойкость, уют, мировоззрение и др. Большую часть абстрактных существительных составляют слова, мотивированные прилагательными и глаголами и образующиеся с помощью суффиксов [СЛТ].

В толковом словаре русского языка дано два определения «компетентный»: 1) знающий, осведомленный, авторитетный в какой-либо области; 2) обладающий компетенцией [ТСРЯ]. В данном определении видим четкую дифференциацию лексем «компетентность» и «компетенция», о различие которых с дидактической точки зрения мы писали ранее. В общем значении «компетентность» трактуется как обладание компетенцией, то есть хорошая осведомленность в какой-либо области, а также обладание кругом полномочий и прав [там же]. Таким образом, компетенция есть лишь составляющая компетентности во всех областях и эти два термина не синонимичны. При дальнейшем изучении словарных определений видим, что абсолютно все словари имеют схожее толкование. Итак, мы рассматриваем реализацию в дискурсе личностного качества, характеристики эффективности деятельности или поведения человека.

Поскольку каждая категория имеет в своей основе концепт или группу концептов, вокруг которого или которых она образуется, компонентный состав категории – ее ядро и периферия – будет соответствовать совокупности концептов, ее образующих [Кубрякова 2004; Болдырев 2005]. Обратимся к построению семантического ядра категории.

Во всем многообразии определений, несомненно, видны общие черты. Проанализируем приведенные толкования и выведем схожие черты и составляющие. В большинстве определений встречается компонент «отсутствие». Чаще всего, согласно собранным данным, некомпетентность подразумевает отсутствие знаний (сюда же относятся познания, навыки и квалификации). Также часто проявляется отсутствие прав (здесь же полномочия, основания и авторитет). Реже всего встречается отсутствие заботы, что объясняется единичным характером понятия.

Помимо этого, в трактовках нередко встречается компонент «неспособность», как, например, неспособность принимать решения (здесь же ответственность). Компонент «неумение» – еще один из частотных –

подразумевает неумение пользоваться навыками, знаниями, информацией. Реже в определениях наличествуют компоненты «неуважение» и «несоответствие». Опять же из-за их низкой встречаемости. Соотнесем все представленные выше определения, вычленим общие для них компоненты значения, а также отметим те, которые встречаются лишь в одном, узкопрофильном, толковании. Итак, все встречающиеся компоненты были проанализированы и представлены в виде схемы (рис. 1).

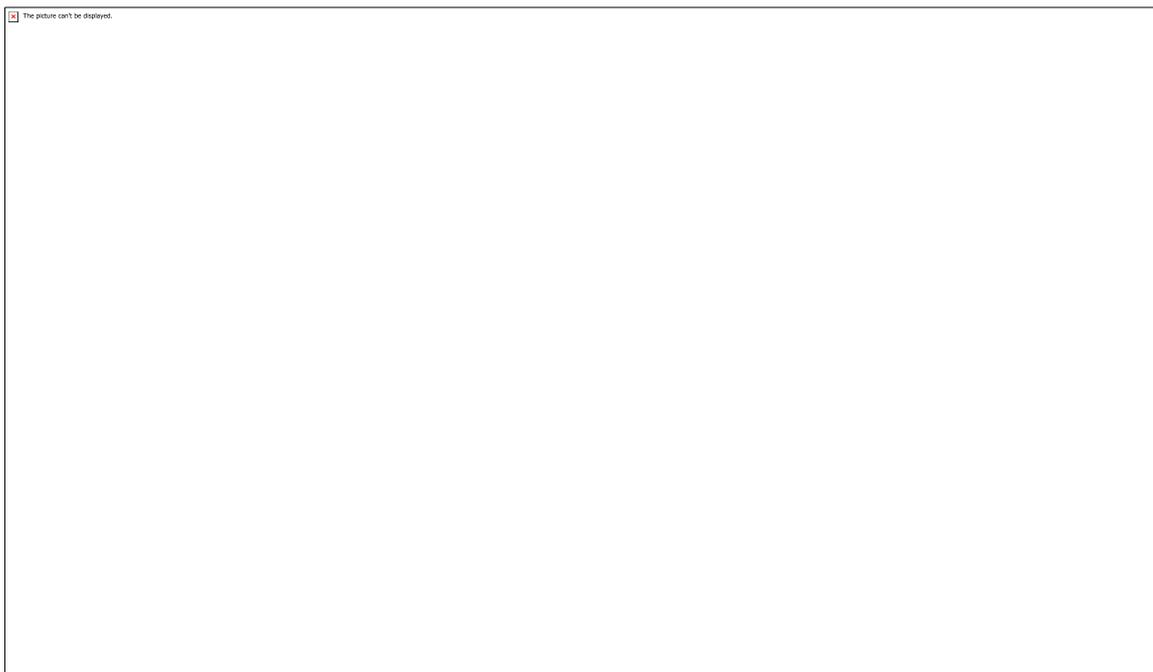

Рис.1 Компонентный состав категории *Некомпетентность*

Указанное многообразие компонентов все же не является полным. Для полного охвата всех составляющих категории обратимся к упомянутой ранее теории: концепты и антиконцепты, составляющие категории, отражают разнообразие мира более емко. Антиконцепт есть продукт глубинных познавательных противоречий, присущих познаваемым объектам. Возникая на начальных стадиях процесса познания, они отражают несовершенство достигнутых результатов, которые однако могут быть разрешены в ходе дальнейшего развития познания. В логике, где берут свое начало категории, противоположные понятия называют контрарными, в случае если между ними есть нечто среднее и все они входят в объем более крупного понятия, хотя и не заполняют всего его объема. Помимо них есть такие противоположные

понятия, между которыми нет промежуточного звена, и они исключают друг друга. Эти понятия называют контрадикторными [Новодранова 2001]. Так, искомая категория *Некомпетентность* является контрадикторной по отношению к категории компетентность. Соответственно мы можем рассмотреть составляющие категорию компоненты не только как встречающиеся в определениях исследуемой категории, но и как множество компонентов противоположных составу категории компетентность.

Проанализируем определения компетентности в словарях, а также учтем значения слова «компетентный», поскольку в случае с абстрактными существительными словари довольно часто ссылаются на прилагательные, от коих и было образовано существительное. Компетентность в словаре А. Н. Чудинова находит следующее определение: 1) правоспособность, обладание сведениями, необходимыми для суждения о чем-либо; 2) круг ведения какого-либо учреждения; подсудность, круг ведения какого-либо присутственного места; 3) круг знания, в котором мнения известного лица могут считаться в некоторой степени авторитетом [СИС]. Словарь Д. Н. Ушакова добавляет определению выше «осведомленность, авторитетность» [БТСРЯ]. В результате в составе категории получаем: правоспособность, соответствие, осведомленность, способность, знание, авторитетность и обладание/имение (права, полномочий, знаний).

Исходя из положения, что категория *Некомпетентность* противопоставляется категории компетентность, предположим, что компонентами будут: отсутствие знаний, правоспособности и авторитета. Однако, обратившись к анализу словарей, получим дополнительные данные: отсутствие опыта, оснований, информации.

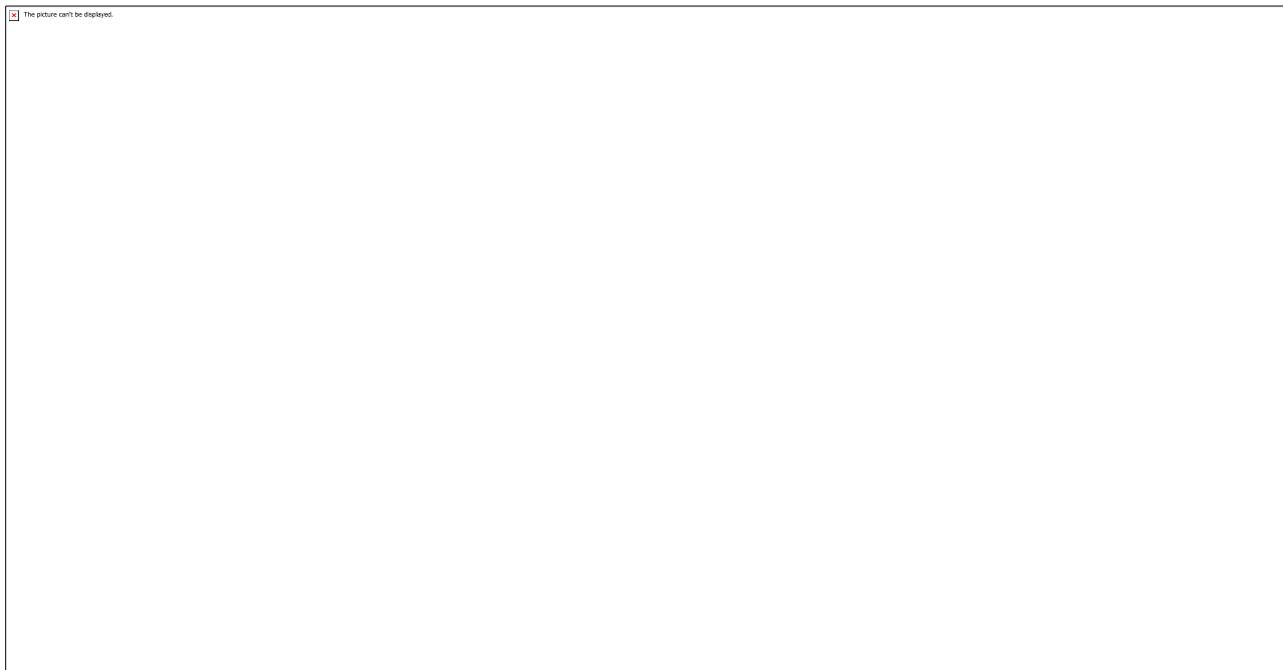
Таким образом, соотнеся взаимозаменяемые компоненты, выделим ядро категории, ее основные значения. «Сердцем» категории по нашим данным являются отсутствие/недостаток знаний, опыта, авторитета и т.п. Словарные определения содержат в себе фразы «не обладающий достаточными

знаниями/опытом/правом», «недостаточно осведомленный», «не имеющий права/опыта». Это дает нам основание сделать вывод, что некомпетентность входит в бóльший по содержанию концепт НЕДОСТАТОК. На это указывает и строение лексем, входящих в понятие некомпетентность и самой лексемы это понятие обозначающей. По словам С. К. Болотовой и Л. А. Гусевой «некомпетентность» относится к негативно-оценочным словам, образованным с помощью префикса «не» в значении «непринадлежность» [Болотова 2018]. Однако необходимо сразу выявить что есть недостаток, а что отсутствие, поскольку и то и иное понятие встречаются в трактовках искомой категории. Итак, недостаток, согласно толковым словарям, это изъян, порок, несовершенство, неправильность в чем-либо, недостаточное количество чего-то либо его полное отсутствие [Ожегов]. В свою очередь отсутствие определяется там же как небытие, несуществование, положение/состояние, когда в наличие нет чего-либо [там же]. В категории *Некомпетентность* встречается чаще полное отсутствие знаний, способностей, прав и др., хотя существуют определения, когда это лишь недостаточное количество навыков, опыта и пр. Представляется возможным выделить оба понятия в компоненты, но не ключевые, так как недостаток входит в категорию отсутствие, является в своем роде ее репрезентатом. Опираясь на полученные данные, представим

ядро концепта в виде следующей схемы (рис. 2):

Рис.2 Основные составляющие категории *Некомпетентность*

Граф показывает многогранность категории *Некомпетентность*,

отображая основные ее составляющие.

Рассмотрим синонимические ряды категории. Словарь синонимов русского языка дает такие синонимы: неведение, невежественность, невежество, незнакомство, незнание, неинформированность, неискушенность, неосведомленность, непосвященность. В большом русском словаре-справочнике синонимов В. Н. Тришина находим следующие слова близкие по смыслу: малокомпетентность, неведение, невежество, невежественность, незнание, незнакомство, неинформированность, неискушенность, неосведомленность, непосвященность [БСССРЯ]. В словаре синонимов К. С. Горбачевича в качестве синонимов значатся: неискушенность, невежественность, малограмотность, безграмотность, неграмотность, непосвященность, незнание, невежество, неинформированность, незнакомство, неведение, неосведомленность [ССРЯ].

В карте слов и выражений языка указаны те же синонимы: невежество, неосведомленность, незнание, неподготовленность, неведение, безграмотность, неумелость, необразованность, неопытность, бескультурье,

незнакомство, неграмотность, неискушенность, невежественность, незрелость, неразвитость [Карта слов].

Однако для слова некомпетентный синонимичных лексем найдено значительно больше: малознающий, малокомпетентный, неведующий, неосведомленный, неискушенный, неинформированный, не имеющий основательных знаний и т.д. Помимо этого, в качестве синонимов указаны фразеологизмы, чего не наблюдает для некомпетентности: нуль, ноль, ни бум бум, ни в зуб ногой, не копенгаген, ни уха ни рыла, ноль без палочки, ни бе ни ме, это не по его части и подобные.

Приведенные синонимы позволяют построить схему синонимических рядов некомпетентность/некомпетентный, что показывает многообразие когнитивной единицы. Отметим, что подавляющее большинство синонимов схожи по строению с исследуемым словом (неведение, незнание, неумелость); все они негативно-оценочные с префиксом «не» в значении «непринадлежность», все указывают на отсутствие того или иного качества. Отдельную группу составляют синонимы с префиксом «мало» – они раскрывают не столько компонент категории «отсутствие», сколько компонент «недостаток», указывают на недостаток чего-либо (малограмотность, не имеющий достаточных знаний). Часть синонимов дублирует друг друга, как невежество и невежественность. Важно подчеркнуть, что сниженная лексика также присутствует в категории и может быть отнесена к синонимам более высокого стиля, как, например, «ни уха ни рыла (не смыслит)» относится к незнанию, а «ноль» соотносится с отсутствием авторитета, поскольку это не только не компетентный, но и малозначащий человек. Данные представлены в виде схемы (рис. 3).

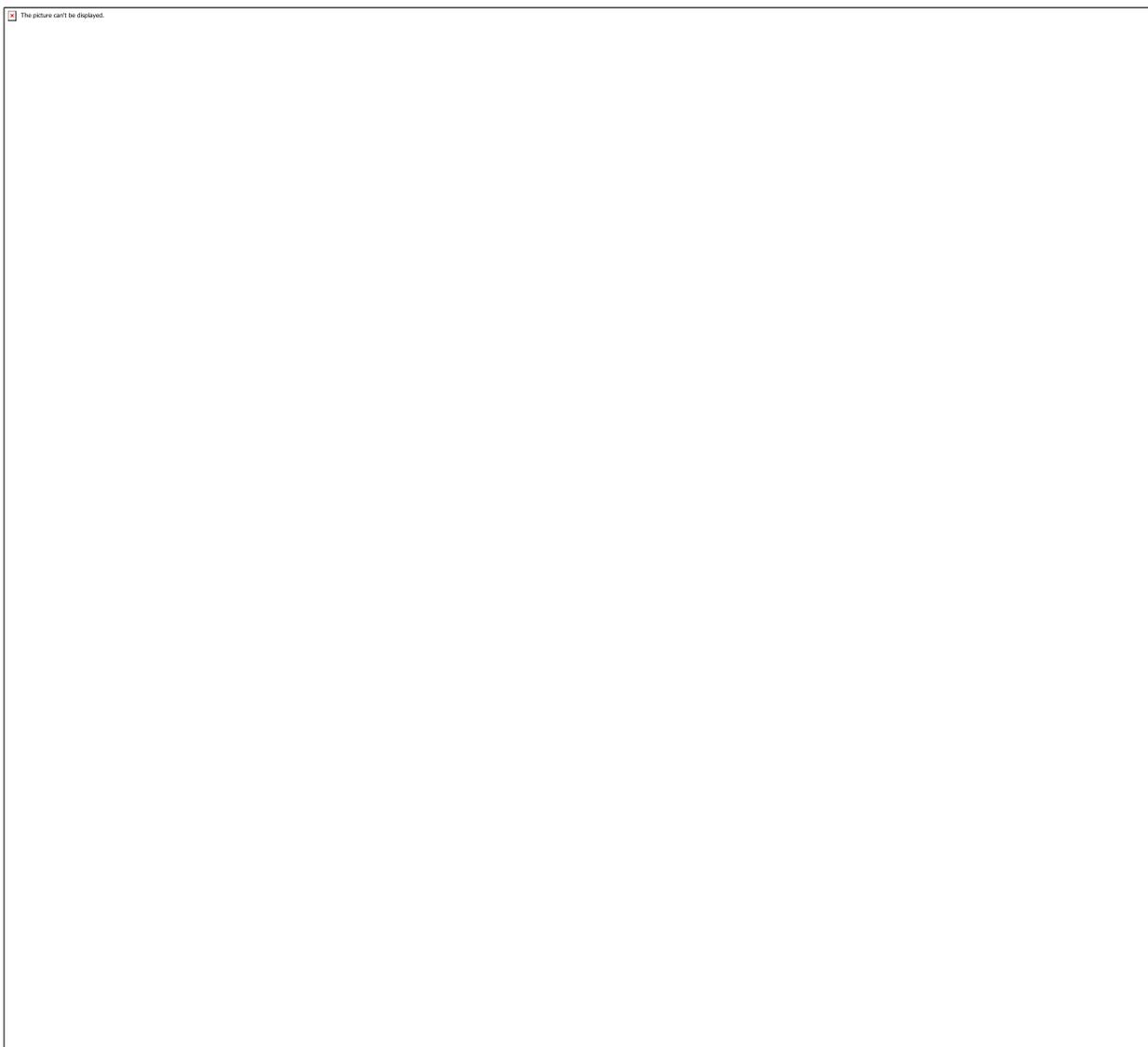

Рис.3 Семантический состав синонимического ряда категории *Некомпетентность*

Изучив все выше предложенные синонимы, получим следующую схему (рис. 4), иллюстрирующую синонимический ряд более кратко и учитывающую дублирование некоторых лексем.

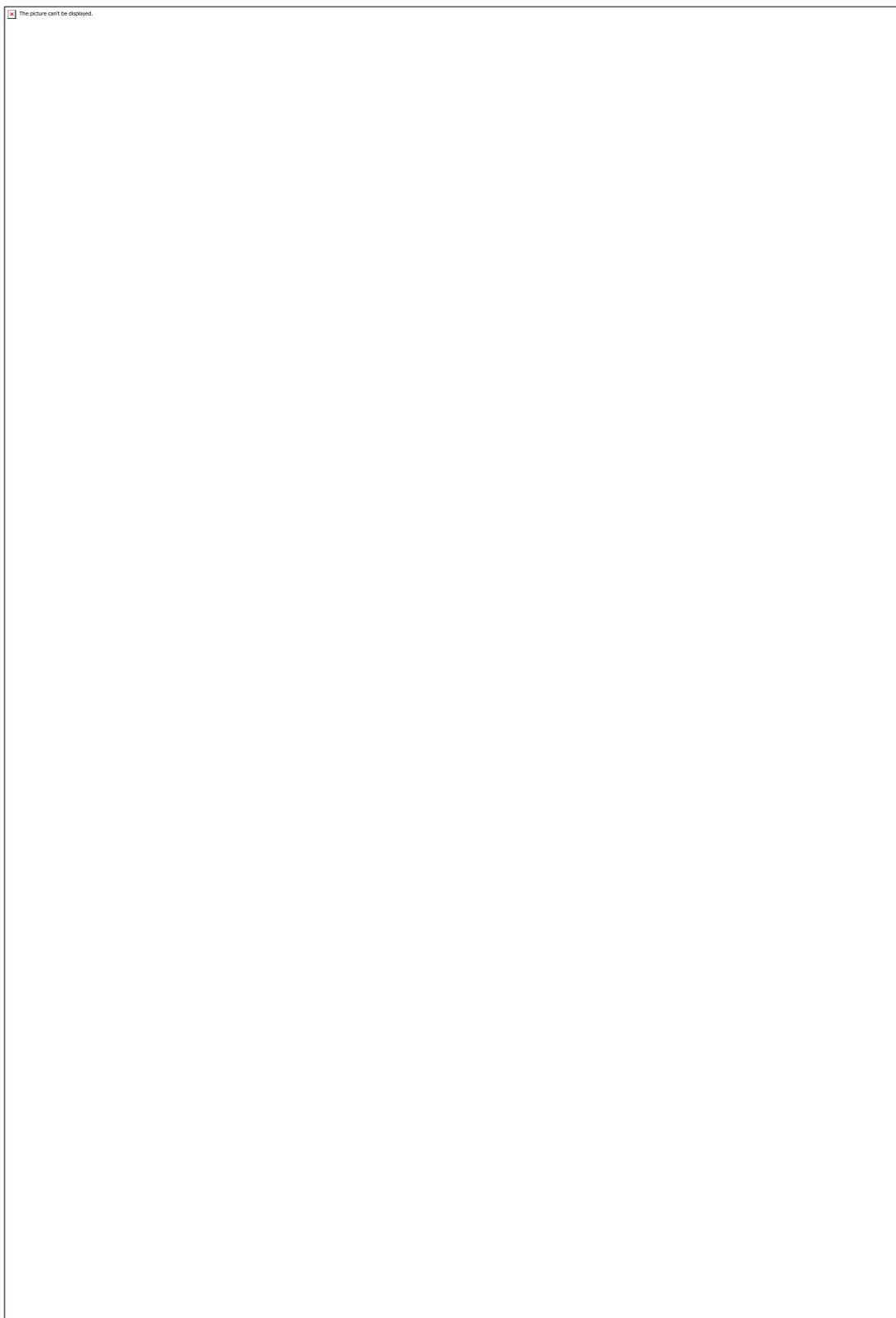

Рис.4 Синонимический ряд категории *Некомпетентность*

В ядре категории отмечено семь элементов, в то время как синонимы

представлены не ко всем. Так, «недостаток информации» не выделен в отдельный аспект, а входит в «недостаток знаний», то есть неинформированный указан в качестве синонима малознающий, но не некомпетентный. Некоторые компоненты не находят прямых синонимов, как, например, «отсутствие авторитета» выражено фразеологизмом.

В целом, профессиональные качества и способности человека имеют разноаспектную характеристику в лексике и фразеологии русского языка. Если для качественно выполняющего работу человека существуют номинации: профессионал, специалист, виртуоз, мастер на все руки, маэстро и т.д., то для его антипода таковых нет. Однако возможно найти в языке целый ряд характеристик профессиональных навыков и умений: грамотный, квалифицированный, опытный специалист, исполнительный работник, коммуникабельный, инициативный (менеджер) и т.д. Их стереотипность определяется частым функционированием в жанрах резюме или объявлениях о приеме на работу. Согласно данным, приведенным в работе О. Н. Бабушкиной и Е. И. Головановой, в русском языке обнаружено 227 фразеологических единиц с семантическим компонентом оценки труда [Бабушкина 2012: 12].

Для положительной оценки профессиональных качеств характерно использование прямых форм коммуникации, отсутствие приемов языковой игры, в то время как некомпетентность человека, его несоответствие занимаемой должности, отсутствие у него необходимых профессиональных знаний, умений и навыков отображается непрямыми речевыми актами. Одной из причин такого речевого поведения может выступать желание говорящего уйти от правовой ответственности за обвинения в непрофессионализме. Именно это мы видим в синонимическом ряду: помимо лексем отображение представлений о несоответствии человека занимаемой должности, уровня и качества работы может выражаться фразеологизмами, а также, по словам А. М. Плотниковой, игровыми приемами. В своей работе она приводит

нестандартные, метафорические и креативные способы оценки профессиональных качеств человека [Плотникова 2016].

Если положительная оценка профессиональных качеств выражается обычно эксплицитно, то профессиональная некомпетентность характеризуется при помощи сравнений, метафор, иронии и других приемов не прямой коммуникации. Целью использования таких приемов является желание говорящего уйти от правовых рисков, а также его стремление усилить воздействующий потенциал сказанного, то есть найти наиболее эффективные способы убеждения адресата. А. М. Плотникова приводит примеры сознательного применения нестандартных способов оценки профессиональных качеств не только в публицистике, но и в текстах жалоб в официальные органы, и в устной публичной речи; именно это формирует особую тональность текстов.

Очевидно, что категория обширна, поскольку находит в языке столь богатое выражение. Для полного ее раскрытия необходимо определить ее структуру.

Положения, сформулированные в теории Э. Рош, позволяют подойти к изучению репрезентации некомпетентности более детально. В настоящей работе мы ставим задачу показать структуру категории некомпетентность, ее уровни и выделить прототип. Для решения поставленной задачи мы обратились к анализу нескольких источников языкового материала:

- данные синонимических словарей;
- выборка текстового материала из электронного корпуса текстов НКРЯ.

По теории Э. Рош, суперординатный уровень характеризует малое количество свойств, чуть большее базовый уровень и самое большое количество свойств характеризует субординатный уровень. Высшим уровнем абстракции является *Некомпетентность* как самая общая характеристика — отсутствие компетенции. Обратившись к результатам словарного анализа, установим, что остальные концепты уточняют, расширяют и дополняют

основной, давший название всей концептуально-тематической области. Базовый уровень категоризации составляют следующие концепты: НЕЗНАНИЕ, НЕВЕЖЕСТВО, НЕОПЫТНОСТЬ, НЕГРАМОТНОСТЬ. Остальные концепты образуют низший уровень абстракции: НЕЗРЕЛОСТЬ, НЕИСКУШЕННОСТЬ, БЕСКУЛЬТУРЬЕ, НЕУМЕЛОСТЬ, НЕАВТОРИТЕТНОСТЬ, НЕПОДГОТОВЛЕННОСТЬ и т.д. В эту же категорию входят и фразеологизмы: ни в зуб ногой, не копенгаген, ни уха ни рыла, ноль без палочки, ни бе ни ме. Также сюда входят описательные образы: не имеющий полномочий, не имеющий основательных знаний и подобные концепты, построенные на отрицании обладания компетенцией. Изобразим строение концептуально-тематической области в виде схемы (рис. 5).

Рис.5 Уровневая структура категории Некомпетентность

Как видим, состав категории многообразен. Более того, сочетание с другими категориями делает возможным появление новых смыслов и средств их выражения.

Анализ дефиниций репрезентатов категории подтверждает ее включенность в более крупную категорию *Дефект*, о чем говорит основная семантическая линия отсутствие/недостаток, пронизывающая все определения от общих толковых до узкоспециализированных словарей. Из

выделенных нами семи компонентов самым значимым будет компонент «отсутствие знаний». Далее следуют умения, квалификации, полномочия. Следующим этапом анализа категории является корпусный анализ.

2.2. Корпусный анализ категории *Некомпетентность*

Исследуя корпусные данные НКРЯ, мы обнаружили, что *Некомпетентность* довольно употребляемая категория, которая чаще всего встречается в текстах политической и экономической направленностей. Особенно часто она появляется в статьях, интервью и форумах, посвященных общественно-политической жизни. Однако наличествуют примеры и в электронной коммуникации, употребления в личной переписке и художественной литературе. Корпус указывает, что категория пришла в текст в 1866 г. и имеет два наибольших пика частотности: в 1988 г. и в 2013 г., тем самым отражая ситуацию и общественные настроения в стране. Интересна также лексическая сочетаемость: так, некомпетентность наиболее часто описывают как полную, вопиющую, человеческую и профессиональную, связывая ее при этом с коррупцией, халатностью, безответственностью и незрелостью. *Некомпетентность* характеризует не только человека, что является наиболее частым сочетанием, но и суждения, действия, вмешательства, советы и рекомендации.

Корпусные данные подтверждают распределение по уровням концептов, так как суперординатная категория трактуется в дискурсе через базовые и субординатные. Приведенные примеры показывают раскрытие базового уровня через лексемы низшего уровня (здесь и далее примеры взяты из НКРЯ).

«К сожалению, еще одна беда современной журналистики — **безответственные** штампы. Это когда **некомпетентность** соревнуется с **безграмотностью**».

Отсутствие ответственности, знаний – все это усиливает осмысливание читателем некомпетентности, о которой говорит автор примера. Отметим, что синонимичные единицы четко разграничены и взаимозаменяемы в примере.

«Поэтому из хорошего работника он становится **неопытным и некомпетентным** начальником, его развитие на этом тормозится».

Здесь видим снова указание на отсутствие опыта. Более того, говорящий подчеркивает, что остановка профессионального развития воспринимается как некомпетентность. Снова базовая лексема способствует раскрытию содержания категории. Интересно отметить использование лексемы «тормозится» – говорящий использует ее не только в значении «подавлять, замедлять» развитие, но в просторечном «плохо соображать, медленнее работать», подчеркивая значимость компонента «отсутствие знаний».

«Режимы, пришедшие к власти в ряде стран СНГ в результате «цветных революций», либо дискредитировали себя, либо показали полную **несостоятельность**, проявив авантюризм, **незрелость и некомпетентность**».

В политическом дискурсе также замечаем уточнения с помощью базовых единиц: неспособность, неопытность, отсутствие стабильности ведут к некомпетентности, то есть такая власть не воспринимается людьми как руководящая, вызывающая доверие, она дискредитирует себя.

«И люди могут наплевать на закон, люди могут интерпретировать закон неправильно, люди могут быть **неграмотными, некомпетентными** и так далее.»

В данном примере к упомянутым ранее базовым единицам добавляется описание – понимающий неправильно.

«Я, заблуждающийся, претыкающий, недоумевающий, **незнающий, несведущий, слепотствующий**, из кривого и безумного своего опыта делаю самовольные выводы.»

В приведенном отрывке из художественного текста отсутствуют единицы базового уровня, но множество лексем низшего уровня абстракции формируют верное понимание о некомпетентности: неверное понимание, отсутствие знаний, недостаток информации являются характерными признаками некомпетентного индивида.

«Про **невежественного** человека иногда говорят, что он «не понимает **ни уха, ни рыла**».

«Нельзя, чтобы он лишал нас очка, потому что он **некомпетентный** дурак!»

«Но **некомпетентный** идиот во главе крупнейшей сверхдержавы мира - останется».

И хотя институциональный характер общения и речевой этикет должны сдерживать говорящего от применения приемов речевой агрессии и/или использования инвективной лексики, подобное довольно часто наблюдается. Такие примеры в основной массе можно найти в интернет-пространстве, где атмосфера безнаказанности и анонимности провоцирует подобное поведение. В интернет-пространстве общественные деятели и медийные личности выражают свое мнение относительно того или иного события довольно резко, как, например, в обсуждении дорожной обстановки в городе:

«Вы тут зачем сидите? Город раком из-за вашей **некомпетентности!**»

В примере говорящим через вопрос «Вы тут зачем сидите?» фактически дано определение некомпетентности властей: нежелание и неспособность что-либо сделать для улучшения жизни города.

«Суть ее состоит в экономии государственных расходов — это **некомпетентный, непрофессиональный** подход».

В некоторых случаях лексемы низшего уровня помогают раскрытию смысла не только высшего уровня абстракции, но и базовых лексем, но возможны ситуации как в приведенном отрывке: углубление значения базовыми лексемами.

Из рассмотренных примеров видно, что категория *Некомпетентность*, даже будучи выражена негативными лексемами, всегда усиливается, подчеркивается говорящим: в речи присутствуют слова с отрицательными приставками в значении отсутствия, на небольшом расстоянии от суперординатного уровня находятся базовые, уточняющие концепты. Так,

некомпетентность категоризуется говорящим через базовые концепты безграмотность, неопытность, непрофессиональность, незрелость. Примечательно, что понятия не являются синонимами как это указано в словарях — они четко дифференцированы в речи и не являются взаимозаменяемыми, поскольку знание категориальной системы позволяет говорящему толковать феномен некомпетентности и осуществлять на основании этого знания выбор необходимого концепта для более точной интерпретации действительности.

Поскольку категория Некомпетентность представлена в большинстве своем прилагательными, частотными являются конструкции подчинительного типа «Adj.+N», «Adv.+N». Субстантивными и поссесивными конструкциями выражают себя существительные, представляющие категорию. Наличествуют сочинительные сочетания «N+N», «Adj.+Adj.», которые по корпусным данным не только эскалируют негативную семантику категории, но и углубляют содержание категории, помогают реципиенту лучше его понять. Усложненные структуры имеют вид «Adj.+N+of+N+N», либо «N+of+N+N», «N+N+of+N+N».

Рассмотрим сочетаемость категории более детально. Исследованные примеры из корпуса и веба показывают, что чаще всего категория используется для описания деятельности человека. Большинство примеров репрезентации категории говорят о профессиональной деятельности. Так, мы видим некомпетентного руководителя, менеджера, доктора, учителя и даже президента. Если же указания на профессиональную принадлежность нет, упоминается так или иначе поле деятельности: некомпетентный для, некомпетентен в каком-либо вопросе, несведущий в, незнающий о и т.д. Возможно употребление не только для описания индивида, но и для нескольких людей, целых отделов, как, например, «некомпетентная поддержка», где подразумевается отдел технической поддержки клиентов, невыполняющий свои функции корректно. Более того, для усиления

негативного эффекта оценки категория находит выражение в коллокациях с сильными прилагательными «катастрофический», «дремучий», «чрезвычайный» и наречиями от них образованными. Наличествует даже сочетание с прилагательным «махровый» в его переносном значении, явно разговорном. Встречается в коллокациях и прилагательные «совершенный» и «абсолютный», что указывает на крайнюю степень некомпетентности.

«Что же касается Андрея Громько, то по словам его сына Анатолия к концу жизни он окончательно утвердился во мнении о Горбачеве как о **некомпетентном** руководителе».

«Послушайте, он был **некомпетентным** президентом. Это все, что я могу сказать. **Чрезвычайно некомпетентным**».

«Я не склонен оценивать респондентов как людей, которые проявляют слабую познавательную активность. Дело в том, что вокруг очень много так называемых экспертов и слишком много информации. Часто в роли этих экспертов выступают люди **некомпетентные**. И заблуждения, в которых находится население, скорее сформированы вот этими **некомпетентными** специалистами. Люди не глупы, просто они поглощают то, что им дают, — подчеркнул в разговоре с «Известиями» эксперт».

Примеры демонстрируют наиболее частотную сочетаемость «некомпетентный + лицо/должность». Это фразеологически связанная сочетаемость, поскольку подобной схеме сочетаемость подвержены и синонимы, лексемы базового и низшего уровней:

«Получается, что любой, даже **неграмотный** доктор, если овладеет ими, будет пользоваться успехом у пациентов».

«**Несведущий** в юридических тонкостях челябинец подписал все бумаги и тем самым, фактически передал свою собственность мошенникам».

«Крис де Бург Самый **несведущий** в географии музыкант».

Подобные коллокации могут быть дополнены как в последнем примере: «некомпетентный + область + лицо/должность».

«Маша Малиновская резко высказалась в адрес Анастасии Решетовой».

Заявление произошло после эфира нового шоу «Ты — топ-модель». Ведущая посчитала ее **некомпетентной** для этой программы».

В данном случае видим коллокацию «некомпетентный + область», поскольку здесь важна именно сфера деятельности, по которой индивиды оценивают.

Еще одну модель сочетаемости приведем ниже:

«Иногда читать статьи в них интересно и познавательно, но случается и так, что после прочтения все внутри кипит от возмущения и **дремучей некомпетентности** авторов материалов и главных редакторов, пропустивших в публикацию иногда глупость, иногда передергивание фактов, а иногда и откровенную ложь».

«Вот мы с вами можем о чем угодно говорить. Вы спросите: «Валовая прибыль на одного работника на предприятиях? «Никто не знает. Их спрашиваешь — никто даже не считал. То есть а идет ну такая **махровая некомпетентность**».

Это схема «качественное прилагательное + некомпетентность». Подобные сочетания возможны как с нейтральными, так и со сниженными прилагательными. Они помогают определить степень/уровень некомпетентности и усилить значение категории, сделать оценку эмоционально-окрашенной.

«Сразу видно, что писал **совершенно некомпетентный** человек».

«Не стоит покупать в этой конторе ничего, они либо заморозят вам деньги или добавят приключений в случае с оформленным кредитом. Плюс **катастрофически некомпетентная** поддержка, которая на любой вопрос отвечает шаблонными фразами».

Похожая схема сочетаемости с наречиями «определятельное наречие меры и степени + некомпетентность» служит упомянутой выше цели. Возможны коллокации с наречиями, имеющими положительное оценочное значение. В таких случаях контрастивное сочетание дополнительно усиливает

негативно-оценочное значение лексем, репрезентирующих категорию *Некомпетентность*.

Частотны коллокации, где соседствуют синонимичные лексемы:

«Цепочка дальнейших **некомпетентных и непрофессиональных** действий привела к тому, что разморозились системы отопления 26 многоквартирных и 12 двухквартирных домов, в которых проживают более 400 человек, в том числе 133 ребенка».

«Основные причины срыва сдачи объекта: **нерадивость** подрядной организации, **недостаточный** контроль со стороны муниципалитета-заказчика работ, а по определенным направлениям – и **некомпетентность** ответственных лиц, **неумение** верно спланировать и рассчитать затраты».

Подобное не только эскалирует негативную семантику категории, но и углубляет содержание категории, помогает реципиенту лучше его понять дабы в дальнейшем верно отреагировать.

Имя категории – некомпетентность – согласно данным НКРЯ не самое частотное. К сожалению, разметка корпуса не позволяет изучить распределение по жанрам, только по представленным подкорпусам. В основном подкорпусе всего 124 565 документов, 321 712 061 слов и на них приходится всего 130 документов, в которых встречается искомое слово 149 раз. Газетный корпус содержит 986 924 документа, 332 645 828 слов и на них приходится 322 документа и 337 вхождений. В устном подкорпусе лексема встречается всего 6 раз. Наименьшее количество в поэтическом подкорпусе – 1 вхождение. Представим распределение по подкорпусам в виде диаграммы (рис.6).

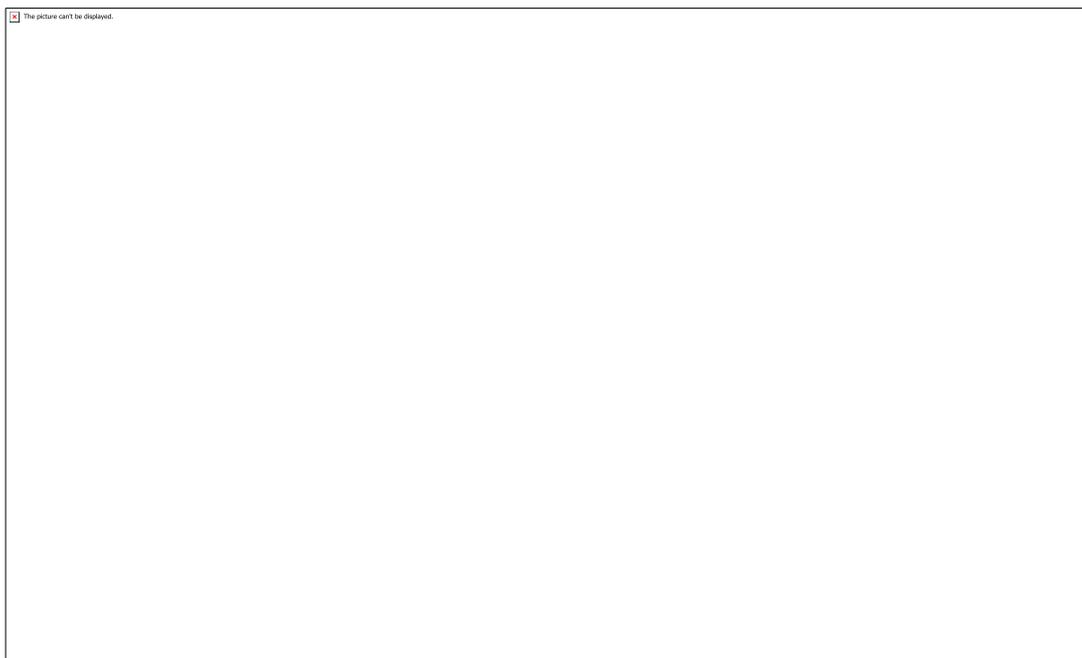

Рис.6 Частотность лексемы «некомпетентность»

Отвлеченное прилагательное «некомпетентный» встречается меньше: 14 вхождений в основном подкорпусе, 43 в газетном и 2 в поэтическом. Несмотря на то, что некоторые предложенные словарями синонимы не были обнаружены в корпусе русского языка, хотя встречаются вне его данных, частотность найденных представлена в виде таблицы (рис.7):

Лексема / Подкорпус	некомпетентный	несведущий	невежественный	незнающий	неопытный	неискушенный	непосвященный	малокомпетентный	неавторитетный	ноль без палочки	ни в зуб ногой	ни бум-бум	ни уха ни рыла не	ни бе ни ме	не копенгаген
Основной	14	29	208	29	454	63	48	2	1	23	68	62	49	26	2
Газетный	43	20	16	15	191	65	31	1	2	7	16	17	3	17	0
Устный	0	1	8	1	7	0	1	0	0	2	4	10	0	6	0
Поэтически й	2	2	1	4	33	0	5	0	0	0	7	0	0	1	0
Региональн ый / Диалектны й	0	0	0	0	9	0	5	0	0	0	1	0	0	1	0

Рис.7 Частотность основных лексем категории *Некомпетентность*

По данным НКРЯ распределение по годам частотности имени категории

следующее (рис.8):

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) с 1800 по 2019

[перейти на страницу поиска](#)

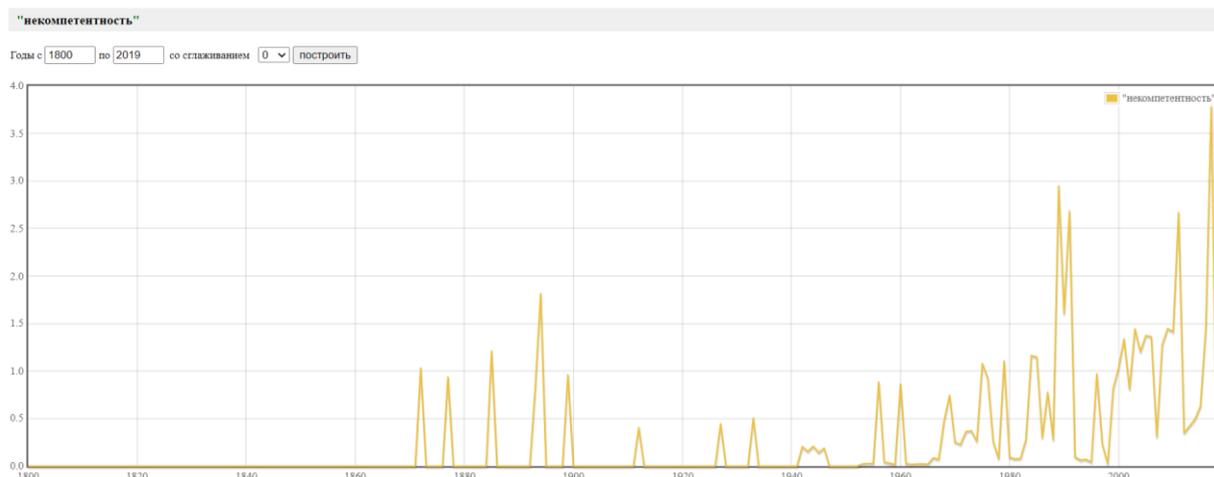
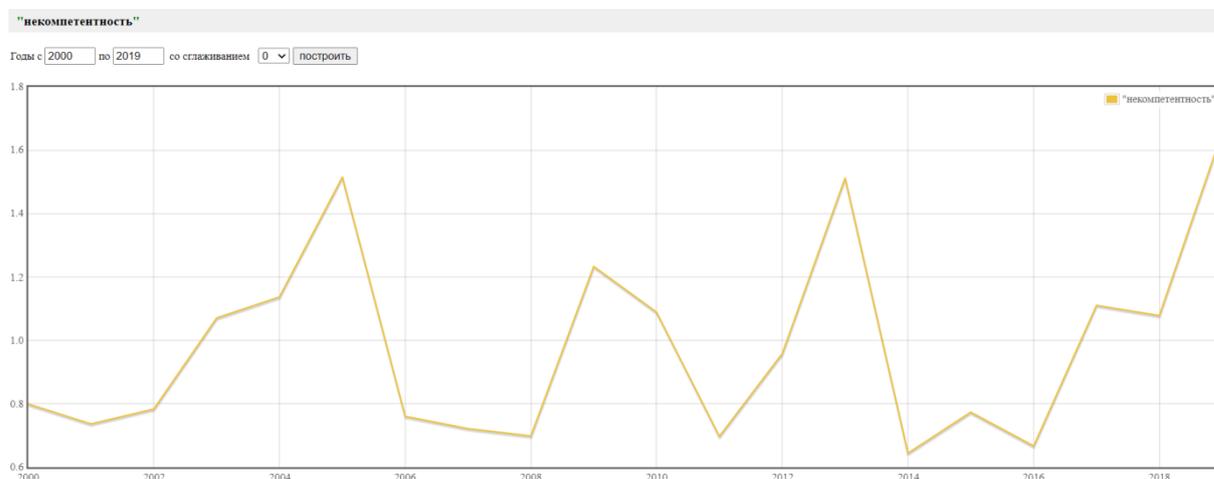

Рис.8 Хронологическое распределение частотности категории *Некомпетентность*

Видно, что, появившись в употреблении в 1870-х, категория слабо набирала популярность в языке. Однако в моменты неких кризисов и потрясений частотность росла. Пики использования пришлись на 1990-е и конец 2000-х. Любопытно, что единственное употребление названия категории в поэтическом корпусе произошло именно в один из пиков – в 1990-е.

К сожалению, объективно оценить частотность в последнюю декаду сложно, поскольку в Национальном корпусе русского языка нет полных данных. Тем не менее, мы можем оценить частоту употребления в двух подкорпусах, общем и газетном, где категория во всем многообразии встречается чаще всего. Диаграммы за последние две декады показывают относительно невысокую частотность (усредненная частота на миллион словоформ), но с течением времени наблюдается очевидный рост (рис.9). К тому же можно заметить некое расхождение в употреблении.

Рис.9 Хронологическое распределение категории *Некомпетентность* в последние декады

В коммуникации лексема некомпетентность зачастую употребляется одновременно с другими лексемами, относящимися к категории. Поскольку лексема используется с другими лексическими единицами в большинстве случаев, можно сделать вывод, что они употребляются для расширения и дополнения ее собственного значения, а также не являются ее абсолютными синонимами, следовательно, словарная трактовка некомпетентности через них ошибочна. Контекстное значение лексемы, ее синонимов и аналогов не всегда ограничивается словарным определением, поскольку часто оно расширяется другими лексемами, входящими в категорию *Некомпетентность*.

Изучив понятие «некомпетентность» и проведя словарный и корпусный анализы, мы можем понять место и значение концепта в речи. Приведенные схемы иллюстрируют его структуру, что позволяет понять не только частоту

и сочетаемость употребления, но и то, как концепт репрезентируется в дискурсе.

Все проанализированные выше примеры объединяет одно – в них категория *Некомпетентность* реализуется в качестве оценки. На проблему исследования аксиологических вопросов указывает Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999: 131]. Хотя соотносить природу человека и ценности начали еще в античной философии. В трактатах крупнейших европейских философов также фигурирует эта тема. Н. Д. Арутюнова относит оценку к числу собственно человеческих категорий. С одной стороны, оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, с другой стороны, она определяет мышление человека, его деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, восприятие искусства [Арутюнова 1984]. С точки зрения семантики, схожей с пониманием оценки в логике, оценка подразумевает «ценностный аспект значения языковых выражений», который может интерпретироваться как «субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой» [Вольф 2009]. Совокупность всех ценностей, как положительных, так и отрицательных, составляет ценностную картину мира социума. Она обусловлена особенностями культуры, имеет свой исторически сложившийся характер, присущий именно данной культуре, и специфицирует ее на фоне мировой культуры [Писанова 1997]. Различают общечеловеческие системы ценностей и национально-культурные, а также коллективные и индивидуальные ценности.

Оценка характеризуется особой структурой и предполагает наличие таких компонентов: оценочный предикат, шкала, аспект, мотивировки оценки. В. Н. Телия, в частности, рассматривает структуру оценки в языке следующим образом: «субъект (личность с ее вкусами и мировоззрением) и объект (фрагмент мира в его системных связях) соединены оценочным суждением, в котором выражается то или иное пристрастие субъекта к миру» [Телия 1986:

23]. Однако в качестве субъекта оценочной структуры может выступать не только индивид, но и часть социума или социум в целом; или же оценка может быть представлена как не имеющая субъекта и истинная в «реальном мире». Иначе говоря, оценка всегда регулятивна. Поэтому и для категории *Некомпетентность*, отнесенной нами к универсальным и оценочным, характерно наличие субъекта, высказывающего мнение/оценку. Именно субъект определяет уровень/степень некомпетентности, ее область и выражает это в высказывании.

Проведя словарный анализ, мы описали компонентный состав категории, а исследовав корпусные данные, мы обнаружили, что категория *Некомпетентность*, которая чаще всего встречается в текстах политической и экономической направленностей, может считаться особой категорией, поскольку ее частотность в дискурсе является отражением ситуации и настроения в стране и мире. Лексическая сочетаемость составляющих категории подтверждает ее оценочность и субъективность: так, некомпетентность наиболее часто описывают как полную, вопиющую, человеческую и профессиональную, связывая ее при этом с коррупцией, халатностью, безответственностью и незрелостью. Именно так определяется категория в сознании субъектов оценки. Предикатив *некомпетентный* характеризует не только человека, что является наиболее частым сочетанием, но и суждения, действия, вмешательства, советы и рекомендации.

Таким образом, корпусные данные подтверждают распределение концептов по уровням, так как суперординатная категория трактуется в дискурсе через базовые и субординатные.

2.3. Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности

Рассмотрев сочетаемость категории и ее появление в различных подкорпусах, обратимся к более подробному анализу встречаемости в речи. Для этого изучим в каких типах дискурса категория проявляет себя чаще и ярче всего. Согласно данным, полученным из корпуса, некомпетентность и ее

репрезентанты имеют наибольшие показатели в основном и газетном подкорпусах, это говорит о том, что категория чаще встречается в профессиональном дискурсе. На это указывали и дефиниции – больше их было для профессиональной коммуникации.

Профессиональный дискурс происходит в определенной коммуникативной сфере и осуществляется носителями определенных профессиональных знаний. Профессионализм в этом ключе есть приобщение к дискурсивным конвенциям профессионального сообщества [Ипатова 2009].

Профессиональный дискурс может быть классифицирован согласно основным типологическим характеристикам по В.И. Карасику:

- статусно-ролевые характеристики участников;
- коммуникативная цель;
- прототипное место общения;
- ключевой концепт;
- ценности [Карасик 2002].

Обратимся к дискурсу в педагогике, как к одной из первых профессиональных областей, где категория проявляется, упомянутой в нашем исследовании в разделе дефиниционного анализа. Стоит отметить, что категория *Некомпетентность* проявляется в педагогике в основном в контексте оценки обучающихся – обладание/необладание совокупностью компетенций. Неосознанная и осознанная некомпетентность, языковая компетентность, математическая компетентность и подобное встречаются в различных родах статей, пособиях, регламентирующих документах и учебных материалах.

В коммуникации же искомая категория встречается тоже нередко, независимо равны ли участники по статусу и каковы их роли. Это может быть учитель-родитель, руководство-учитель, учитель-учитель. Коммуникативной целью обычно является констатация факта некомпетентности одного из участников либо намного чаще стороннего индивида, не участвующего в

коммуникации. Основной темой являются межличностные отношения и оценка профессиональной деятельности. Примеры здесь и далее взяты из интернет-форумов, так как формат максимально приближен к реальной коммуникации. Орфография и пунктуация авторов сохранены.

«Если завуч **не знает**, в таком случае в сдаче отчета он **некомпетентен**. Каждый учитель сдаст отчет так, как понимает. Что и как будет сводить обобщенно завуч?» (pedsovet.su)

Здесь видим обсуждение и подтверждение некомпетентности завуча учителями. Говорящий указывает на незнание завуча, что, по его мнению, ведет к некомпетентности. Более того фраза «каждый учитель сдаст отчет так, как понимает» показывает, что говорящий сомневается в организационных способностях завуча, тем самым снова уличает его в некомпетентности, оценивая его профессиональную деятельность как неудовлетворительную.

«Г1: Я молодой учитель. Первый год в школе. На меня повысила голос завуч в присутствии детей. Громко и унижительно.

Г2: Завуч (человек имеющий некую власть и **опыт**) повысил голос во время учебного процесса, тем самым подорвав его и показав свою **некомпетентность** в том числе.

Г3: Да у автора ключевое в присутствии детей. Кто-нибудь об этом подумал? Как дети должны относиться к учителю, на которого орут? Все учительские разборки должны быть наедине, дети не должны это видеть. Завуч **абсолютно некомпетентна**». (pedsovet.su)

Еще одно обсуждение завуча учителями снова имеет своей целью оценивание профессиональной деятельности в контексте рабочих взаимоотношений. Любопытно в этом примере следующее: говорящий оценивает завуча как специалиста с опытом и властью (авторитетом), то есть как компетентного, однако уже в последующем высказывании дискредитирует его, заявляя, что одним поступком тот «подорвал» авторитет и имеющийся опыт, показав некомпетентность. Опять же здесь находим только констатацию

факта некомпетентности, но не находим никаких интенций.

Нижеприведенные примеры так же являются выдержками из преподавательских обсуждений, на этот раз родителей. Отрывки найдены в вебе, на форуме для родителей maam.ru. Опять же в обоих примерах целью является выражение мнения, оценки, естественно негативной. В первом примере говорящий указывает на незнание родителей, их неосведомленность в изучаемых детьми предметах и вмешательство в чужую для них сферу, что, по мнению говорящего, и есть некомпетентность. Второй пример богаче: здесь видим и оценочные прилагательные (*плохой*), и указание степени (*мало*) относительно качества воспитания. Кроме того, говорящий описывает «родительство» как сферу профессиональной деятельности, формируя понятия при помощи языковой игры (образовано по той же словообразовательной модели что и «строительство», «руководительство»), дабы указать на несостоятельность критикуемых.

«Считаю, что массовое включение **некомпетентных** в предметах родителей в результате приводит к снижению качества образования».
(maam.ru)

«Каков же портрет современного родителя? Современный родитель он ни хороший, ни плохой – он просто соответствующий своему времени. Он то боится оказаться плохим, **некомпетентным** воспитателем, то как будто старается подчеркнуть свое безразличие к социальным рамкам и требованиям к родительству. Очень много родителей на сегодня заняты обеспечением материального благополучия семьи, совсем мало времени остается на общение с детьми». (maam.ru)

Обратную ситуацию находим в следующем примере из независимых СМИ Октагон Медиа: родители оценивают профессиональную деятельность педагогов. Здесь опять же нет иных интенций кроме утверждения факта. При этом пример довольно показателен – изобилует разноуровневыми репрезентантами категории (*некомпетентный, халтурщик*). Для усиления

негативной оценки говорящий использует несколько сниженную лексику (*пурга, байка*), хотя его позиция получает подтверждение: отсутствие актуальной информации, недостаточные знания – однозначные показатели некомпетентного специалиста.

«После того как студенты из-за пандемии перешли на дистанционный формат обучения, родители узнали, чему на самом деле учат их детей. Теперь взрослые жалуются на **некомпетентных** преподавателей и **халтурщиков**, которые убивают время, рассказывая на лекциях и семинарах байки и анекдоты. Признаться, я обомлела: преподаватель одной дисциплины нес, простите, полную пургу, никаких знаний на его паре получить в принципе невозможно. Другой явно не освежал свои материалы последние лет двадцать – часть информации, которую он транслировал учащимся, уже устарела. На третьей паре педагог травил какие-то байки – что называется, убивал время».

(octagon.media)

В целом, в педагогике категория *Некомпетентность* встречается в двух пониманиях – владение компетенциями и профессиональное качество. Если некомпетентность как уровень освоения знаний встречается в письменной коммуникации чаще и имеет своей целью скорее дескриптивную функцию, то профессиональная характеристика получается большее разнообразие в устной коммуникации и направлена на оценку того или иного индивида/сообщества, его/их профессиональной деятельности.

В политической сфере ситуация схожа с педагогикой, хотя здесь были выявлены некоторые нюансы. В основной массе это так же негативная оценка деятельности и/или деятеля. Рассмотрим пример из интервью политика интернет-изданию Комсомольская правда. Здесь он оценивает работу целого департамента крайне отрицательно (*провал, вопиющий*), апеллируя при этом к фактам и данным, и делает вывод, что работа не проводилась, подчиненные не обладают достаточными навыками.

«У нас многие ушли, потому что им настойчиво порекомендовали это

сделать. Ведь провал за провалом! Взять тот же дорожный департамент – ну ведь вопиющая **некомпетентность** была! В Приморье сейчас не освоено 2 миллиарда рублей, которые выделили на дороги. Их нужно освоить до конца года – или же вернуть обратно. То есть люди, по большому счету, не работали». (dv.kp.ru)

Еще один образец простой констатации факта некомпетентности без скрытых интенций нам уже встречался в корпусе НКРЯ:

«Послушайте, он был **некомпетентным** президентом. Это все, что я могу сказать. **Чрезвычайно некомпетентным**».

В политическом дискурсе категория необходима для выражения негативной оценки чьей-либо профессиональной деятельности, при этом чаще чем в других областях это утверждение подтверждается точными данными, а не догадками. Опять же оценивается чаще некто, не участвующий в коммуникации, но знакомый всем участникам.

Больше интенций и прямых оценок было обнаружено в бытовом дискурсе. Так, говорящие не только дают оценку деятельности и качествам, но и имеют зачастую явные намерения. Рассмотрим пример спора на форуме pedsovet.su. В данном отрывке говорящий указывает на некомпетентность адресата, его неосведомленность и невежество, однако при этом он дает совет *«изучите документацию»*, *«прочитайте»*.

«В ветке про ОПК Вы пишете, что прочитав Ветхий Завет поразились двойной морали Иудеев, далее делаете вывод, что христианство такое же. В ветке «О чем учить на уроках информатики» упрекаете некую даму в некомпетентности, там же призываете читать «хелпы», «справки», чтобы лучше освоить ПО. Так воспользуйтесь своим же советом, изучите всю «документацию». Прочитав Ветхий Завет, прочитайте и Новый Завет, послания апостолов, труды отцов церкви, и только потом делайте выводы. А пока Вы **некомпетентны**, если не видите разницы между «Око за око» и «Возлюби врага своего».» (pedsovet.su)

Пример речевой стратегии дискредитации, а точнее оскорбления приведем ниже из материала НКРЯ. Здесь некомпетентность приравнивается к инвалидности, ограниченным возможностям. Также видим указание, что в понимании говорящего специалистом оскорбляемый не является, поскольку настоящий профессионал прекратил бы работу.

«Только **некомпетентный** или слепой не мог этого увидеть, даже судья это увидел – нет ни одного параметра, ни другого, специалист должен был прекратить работу, но он почему-то ее продолжил».

Помимо прямых пропозиций, существуют креативные способы оценки профессиональной несостоятельности, которые направлены на дискредитацию лица, формирование негативного социального имиджа, иногда речевые манипуляции являются инструментом коммуникативного садизма. Возможности интерпретации приемов языковой игры, используемых для характеристики профессиональной некомпетентности лица, были изучены А. М. Плотниковой на примерах из судебной практики [Плотникова 2016]. Отрицательная оценка профессиональных качеств не ограничивается констатацией самого факта и оценкой некачественно выполненной кем-либо работы, недобросовестного отношения к своим обязанностям. Зачастую сложно провести грань между профессиональными и личными качествами сотрудника, поэтому происходит объединение этих признаков либо перенос личных качеств на профессиональные. Например, в одной из статей был приведен пример: «З. была уволена в апреле 2010 года за **некомпетентность** на фоне прогрессирующего амбиционизма». Словосочетание «прогрессирующий амбиционизм» включает неузуальное слово «амбиционизм», которое является синонимом зафиксированного в словарях слова «амбициозность». Словосочетание «на фоне прогрессирующего амбиционизма» построено по модели конструкций, называющих заболевания человека, например, на фоне алкоголизма, на фоне прогрессирующего атеросклероза, где параметрическое слово прогрессирующий отнесено к

обозначению социального качества, а существительное «амбиционизм» образовано по той же словообразовательной модели, что и алкоголизм [Русская грамматика 1980]. Подобные примеры иллюстрируют развиваемую Т. А. Гридиной концепцию языковой игры как реализацию эвристической функции речемыслительной деятельности, форму лингвокреативного мышления [Гридина 2015].

Все приведенные выше ситуации показательны в сфере употребления и цели говорящих, однако нас интересует влияние категории на речевую ситуацию. Рассмотрим диалогическую ситуацию из шоу Максима Галкина «Музыкалити», в котором встречаются музыканты разных поколений и оценивают новые хиты молодых артистов. Гостями выпуска 65-летняя звезда российской эстрады и джазовая певица Лариса Долина и 19-летняя начинающая исполнительница Валя Карнавал. Лариса Долина обращается к юной оппонентке и, хотя прямо имя категории не было названо, коммуникативная ситуация строится полностью вокруг нее. Л. Долина критикует и негативно оценивает творчество молодой артистки, ставит ей в вину незнание знаковых певцов, упрекает в отсутствие образования. В своих высказываниях она транслирует мысль «ты некомпетентна».

Приведем выдержки из выпуска шоу от 08.04.2021 (www.youtube.com/watch?v=eSVzljey0PI):

«Л.Долина: Вы хоть волнуетесь перед выходом на сцену?»

В.Карнавал: Нет, я вообще не волнуюсь, никогда не переживаю.

Л.Долина: Артист, который не волнуется – это не артист. Настоящий артист всегда нервничает перед выступлением.»

Адресант указывает на отсутствие качеств, присущих, по его мнению, настоящему артисту, что делает адресата некомпетентным, непрофессионалом.

«Л.Долина: У вас есть образование?»

В.Карнавал: Нет, но хотелось бы получить. Так, для себя. Но пока я буду

учиться, меня все забудут. А у меня 14 миллионов подписчиков. Я просто хочу петь так, как мне нравится.

Л.Долина: У нас на кафедре отбор строгий. Кандидат должен хорошо петь. А количество подписчиков вообще не имеет значения. У вас есть данные, но учиться надо, чтобы управлять своим голосом – он пока вам не подчиняется. Это я как человек с опытом говорю.»

Здесь адресант полнее раскрывает категорию: указывает на отсутствие знание, образования, при этом акцентирует внимание на двух вещах. Во-первых, подчеркивает свой авторитет (я как человек с опытом говорю), во-вторых, фокусируется на умениях и навыках, том, что действительно важно для компетентного специалиста, говоря, что подписчики и фанаты лишь сторонние вещи, не базовые. В свою очередь адресат не принимает критику и не совсем понимает, что ответить на выпад. Здесь влияют социально-культурные различия, а также психологические: различные ценности и качества коммуникантов.

«Л.Долина: Ты ничего не знаешь и ничего не умеешь, а называешь себя звездой! Человек, не умеющий петь, должен делать это дома, для своих на кухне! Есть профессия певца. Певец должен петь чисто, по крайней мере. Вот ты сейчас спела эту очень простую распевку и вообще ни в одну ноту не попала. Это для меня какой-то паноптикум. Разговоры с девушкой, которая ничего не знает о музыке, говорит, что она уже звезда, не зная ни одной ноты, и еще спорит, и доказывает. Я не хочу, чтобы ты меня понимала, я хочу, чтобы ты приняла то, что я говорю. Что образование важно, поверь мне. Здесь одна правда: либо ты хорошо поешь, либо ты не поешь вовсе.

В.Карнавал: Вам не нужно так резко реагировать на работу начинающих артистов.»

В завершении диалога Л. Долина вновь указывает на отсутствие знаний и навыка, довольно резко показывает свою точку зрения как единственно верную, заявляя, что Карнавал не настоящая артистка, некомпетентная певица,

не умеющая петь и не желающая учиться.

Интересно отметить, что в ходе диалога речевое поведение коммуникантов менялось. Так, Л. Долина изначально обращается к В. Карнавал на «вы», однако далее в ее словах все больше несдержанности и агрессии и в конце концов она переходит на «ты». Первоначальная интенция ее тоже меняется – желание дать совет, помочь и поделиться опытом уступает желанию доказать свою правоту: *«Я не хочу, чтобы ты меня понимала, я хочу, чтобы ты приняла то, что я говорю»*. Намеки на недостаток квалификации сменились оскорблениями: от *«У тебя есть данные»* до *«Ты ничего не знаешь и ничего не умеешь, а называешь себя звездой!»*. В. Карнавал изначально была сдержаннее и вежливее, но в ходе беседы культура речи стала пропадать из ее слов и ее ответы стали неуважительными слегка хамскими.

Карнавал с самого начала заняла позицию отрицания и не согласилась ни с одним из предложений и утверждений. Все утверждения Л. Долиной о некомпетентности юной артистки были встречены отказом и сменой темы, очевидно, что В. Карнавал не понимает в чем ее обвиняют. В свою очередь звезда российской эстрады не может найти нужную стратегию, чтобы доказать правильность своих взглядов – ее сообщения наталкиваются на социально-культурный барьер. Для исполнительниц понятие профессионализма и компетентности совершенно разные. Л. Долина акцентирует внимание на образованности певца, его развитом голосе, специфичных навыках и наличии опытных наставников (приводит в пример своих учеников и их профессионализм). В. Карнавал же измеряет компетентность в других элементах: в успешности, в подписчиках, фанатах, прибыли от концертов, а на совет получить специальное образование недоумевают (упоминает, что уже знаменита, в интернете у девушки много фанатов). С ее точки зрения Л. Долина не является компетентной артисткой – она волнуется перед выступлениями, нуждается в занятиях и не имеет такого количества фанатов, что не делает ее звездой для молодого поколения. Таким образом, у

коммуникантов разные концепты некомпетентности из-за чего возникает их непонимание друг друга.

Помимо этого, говорящие занимают разные позиции, по-разному распределяют роли в диалоги. Л. Долина является инициатором всей речевой ситуации и занимает позицию более опытного и авторитетного говорящего, поскольку лицам с высоким социальным статусом принадлежит право инициации общения и принятия решения. В то время как В. Карнавал принимает роль осуждаемого, хотя и не принимает критику, чем провоцирует оппонента дальнейший диалог.

На основании этого диалога построим модель речевой ситуации, репрезентирующей категорию некомпетентность. Базовые элементы этой и последующих моделей были взяты из моделей коммуникации Ю. Хабермаса [Хабермас 2000] и Р. Якобсона [Якобсон 1985], дополнены и перестроены согласно ситуациям.

В случае с приведенным примером целью коммуникатора были критика (указание на нехватку опыта, навыков, отсутствие знаний) и совет (получить образование), однако реципиент, понимая содержание и цель высказываний, не принял и в некоторых случаях не понял сообщения (предложение не осуждать, несогласие с критикой). Изобразим графически данную речевую ситуацию (рис.10)

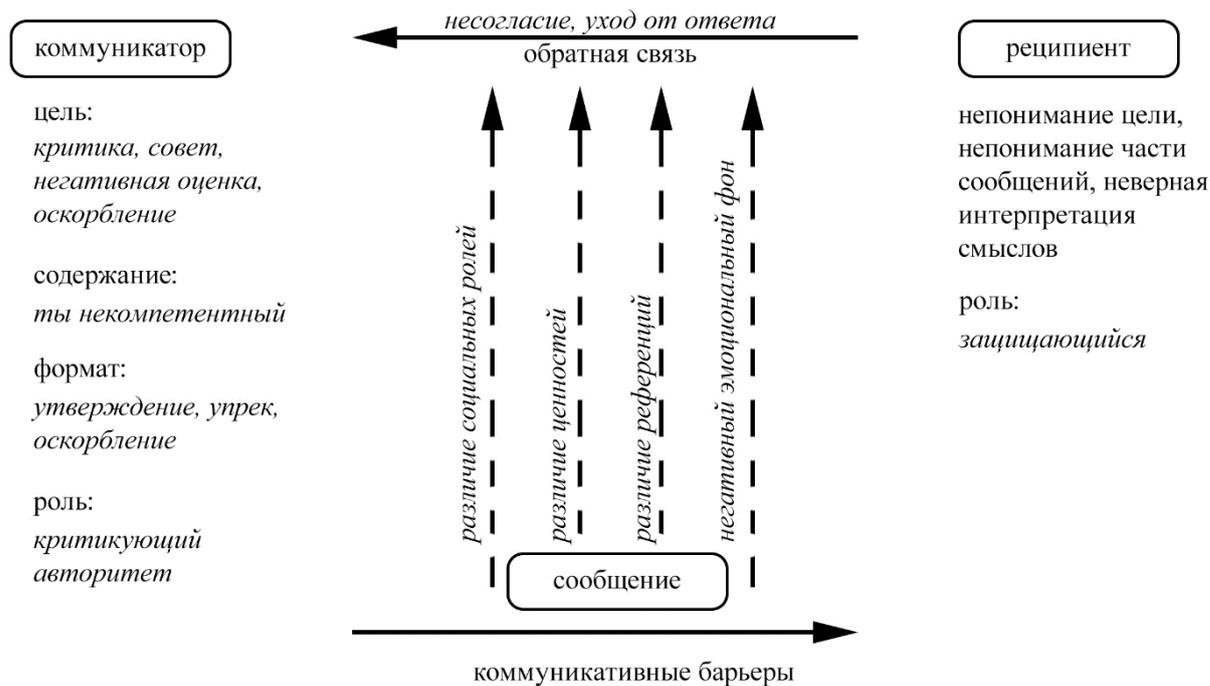

Рис.10 Циклическая модель речевой ситуации

Схема круговая и зацикленная, так как ни роли, ни интенции участников ситуации не меняются, повторяясь виток за витком.

Обоюдная некомпетентность участников коммуникации определила выбор кода передачи и получения информации, который не соответствовал ситуации общения, спровоцировав неадекватную интерпретацию высказывания (появление «иных» смыслов). Коммуникативная неудача произошла по причине разных социальных ролей, негативного эмоционального фона говорящих и неспособности настроиться на мир оппонента – разные смысловые категории некомпетентности.

Рассмотрим далее пример из компьютерно-опосредованной коммуникации – разговор двух женщин на форуме молодых мам (U-mama.ru). Коммуниканты не знакомы друг с другом лично, кроме того, разговор происходит посредством компьютера, что дает им больше времени на формирование высказывания, ведь отвечают они друг другу с задержкой, а также больше свободы выражения.

В данном случае статус коммуникантов равен и изначальноным смыслом

сообщения не были ни критика, ни оскорбление, только предоставление информации. Тем не менее, нейтральный интеррогатив крайне экспрессивным репрезентативом, хотя речевой этикет соблюден обоими участниками в течение всего диалога.

«Г1: Слышали, что посольство США прекращает выдачу виз и рекомендует американцам покинуть Россию? Теперь-то визу никому не получить ...

Г2: Вы меня постарше, но как-то странно не помните, как в 2001 году консульства США в России долго всем ставили отказы в визах. Практически всем! 99% заявлений отказы!

Г1: Откуда такое? Мне кажется, это какое-то когнитивное искажение.

Г2: Я абсолютно уверена, потому что работала в организации, близкой к консульству. И знаю ситуацию абсолютно достоверно из первых рук. Поэтому не обольщайтесь по поводу того, что мы бы жили счастливо если бы не Крым.

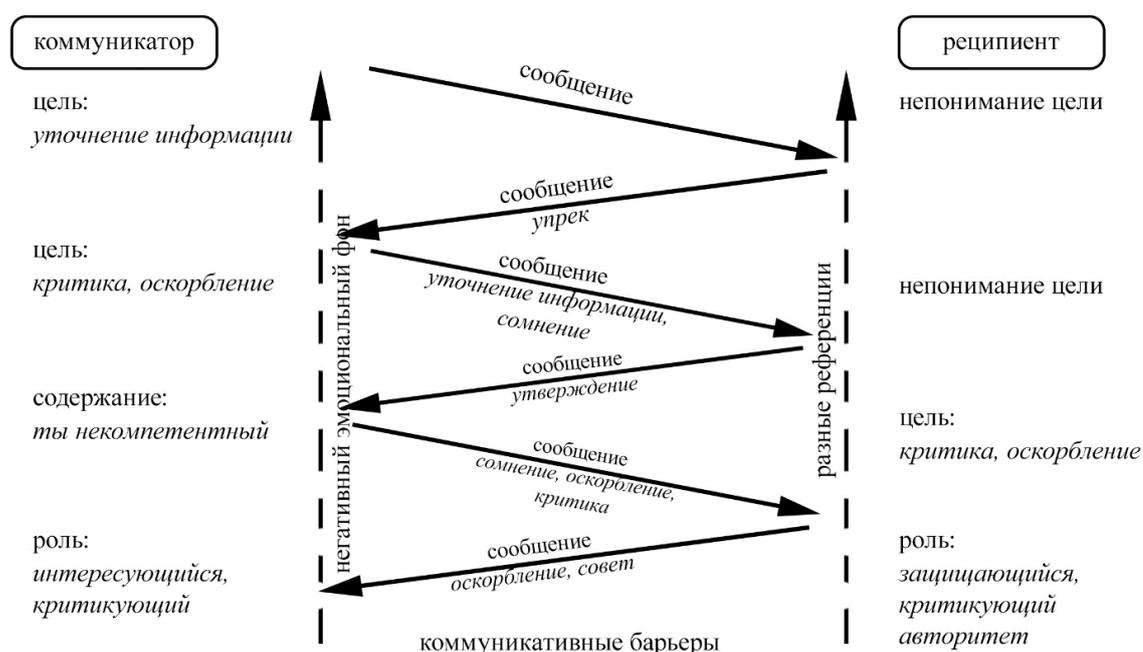
Г1: Вы не можете знать ее «из первых рук», потому что распространение таких данных запрещено. Может быть, отказ 99% ваших знакомых, что говорит о составе ваших знакомых. Знаете, «сидельцам» дают неохотно, бывают отказы из-за недостоверных сведений и т.д.

Г2: Я валяюсь!

Люди сами распространяли эту информацию, на всех форумах, когда одному за другому стали отказывать в визе. И пытались понять, что делать и как друг другу помочь. Это была общая беда, ровно как и сейчас с этой пандемией. Вы некомпетентны, и не зная, спорите. Еще и гадкие предположения делаете. Стыдитесь.»

На этом разговор их заканчивается, коммуниканты потерпели коммуникативный провал, поскольку мы видим непредусмотренный адресантом нежелательный эмоциональный эффект – обиду и оскорбление в ответ. В отличие от приведенного ранее примера здесь содержание «ты

некомпетентный» раскрывается в высказываниях адресата, в обратной связи, а не в высказывании коммуникатора. На уточняющий вопрос («Откуда такое?») реципиент отвечает агрессией, защищая свое достоинство, неправильно истолковав интенцию адресанта, решив, что его упрекают в некомпетентности («Я абсолютно уверена, знаю достоверно»). В ответ коммуникатор действительно упрекает оппонента в некомпетентности («Вы не можете знать»), фокусируясь на отсутствии знаний либо на их недостоверности. Адресат, на этот раз уловив цель высказывания верно, выдвигает встречное оскорбление («Вы некомпетентны, и не зная, спорите») так же с упором на отсутствие знаний. Помимо негативного эмоционального фона может заметить и явную речевую агрессию. Оскорбление, даже не инвективное, расценивается как инструмент речевой агрессии, с помощью которого осуществляется социальное давление, принуждение, коммуникативный садизм. Оба говорящих испытывали ощущение собственной правоты при понимании болезненного эффекта своих слов. В данной ситуации коммуникантами была использована речевая стратегия вербальной дискредитации – умаление знаний и значимости оппонента, понижение его социального статуса [Шахматова 2013]. Отообразим схематично приведенный диалог (рис. 11):

Данная схема не циклична – интенции участников меняются с каждым новым высказыванием. Кроме того, барьеров здесь меньше, но они сильно искажают цели высказываний. Реципиент сам выбирает роль авторитета («*Я абсолютно уверена*»), и на этом основании порождает критичное высказывание с пропозицией «ты некомпетентный», кроме того дает не столько совет, сколько директиву («*Стыдитесь*»).

Коммуникативная неудача произошла в данном примере не только из-за появления «иных» смыслов (у коммуникантов схожее понимание компетентности – наличие знаний и информации, однако адресант считает компетентными только достоверные сведения, а адресат принимает любую общую информацию за достоверную («*Люди сами распространяли эту информацию*»)), но и из-за неспособности понять цель высказывания и негативного фона. Другими словами, можем сказать, что оба говорящих коммуникативно некомпетентны.

Приведем еще одну выдержку из форума, на этот раз из молодежного, посвященного новостям в индустрии компьютерных игр. Говорящие обсуждают обновление игры, находясь в тех же условиях, что и говорящие из ситуации выше.

В данном случае статус коммуникантов неравнозначен, целью первого сообщения было выражение мнения и оценка информации, в то время как следующий ответ-комментарий содержит оскорбление в крайне экспрессивной форме: говорящий расценивает автора первого комментария как некомпетентного собеседника и считает нужным указать на его недостаток знаний («*тупые никогда ничего не видят*»), тем самым становясь авторитетным говорящим. Далее именно второй говорящий заканчивает коммуникацию («*с тобой не спорят, а отмахиваются*»), снова указывая на некомпетентность коммуниканта («*До тебя не доходит*», «*дурачок*», «*ты не компетентен в этом вопросе*»). В данном примере оба коммуниканта понимают цели друг друга: оба считают собеседника конфликтным и

недостойным общения, однако второй говорящий фокусируется на отсутствии знаний («Статистика по герою тебе ничего не покажет, если ты мало что знаешь, а потому анализировать не в состоянии»), а первый говорящий расценивает отсутствие речевого этикета как некомпетентность («Ну, по первым же твоим словам оскорблениям я сразу понял, что умного ты ничего не напишешь»).

Г1: Ничего имбового в ней не вижу. Даже на баффе прочекал : на лоу мвр винрейт 50%, на хай мвр винрейт вообще в минусе. И когда ее апали последний раз?

Г2: А слепые и тупые никогда ничего не видят.

Г1: ну по первым же твоим словам оскорблениям я сразу понял что умного ты ничего не напишешь. Зайди на дота2педию и будь любезен объяснить слепому и тупому, в каком патче она была имбой?

Г2: До тебя дурачка так и не доходит, что с тобой не спорят, а отмахиваются, т.к. ты не компетентен в этом вопросе. Статистика по герою тебе ничего не покажет, если ты мало что знаешь, а потому анализировать не в состоянии.» (Dota2.net игровой форум)

Рассмотрим пример монологического высказывания представителя инициативной группы «Культурный фронт» Сергея Матлина на примере публикации на новостном портале Seldon News от 08.09.2021 (news.myseldon.com/ru/news/index/250381715). По сути своей это скрытый диалог с подтекстовым содержанием «администрация города некомпетентна». С. Матлин выразил недовольство по поводу установки фотозон в виде миниатюр памятников Великой отечественной войны к празднованию Дня Победы в интервью корреспонденту газеты.

«Сама по себе визуализация Дня Победы в виде картонных штук – это неуместно. Торговля, фотозоны – это все карнавализация. Но мы же все-таки о Победе говорим... Как по мне, так это все демонстрирует некомпетентность вышестоящих органов. Возникает вопрос: зачем это поставили? Чтобы люди

знали, что есть такие памятники? Когда ты видишь миниатюру, это так не работает, это не сравнится с настоящими памятниками. Этим фигурам не место на Спортивной набережной на фоне музыкального фонтана, кочующих с мероприятия на мероприятие ярмарочных домиков и торговых палаток с фастфудом».

Говорящий аргументирует некомпетентность администрации тем, что установка миниатюр монументов рядом с торговыми палатками неуместна, оскорбительна, что миниатюры лишены смысла и цель их монтажа простым горожанам будет не ясна. Также говорящий добавляет, что эта работа не настоящая («*Это так не работает, это не сравнится с настоящими памятниками*»), с этим же смыслом и подбор лексем в высказывании («*картонные штуки*», «*карнавализация*»). Коммуникатор всячески демонстрирует неприязнь и насмешку над администрацией.

В данном высказывании категория *Некомпетентность* выражена простой констатацией факта («*демонстрирует некомпетентность*»). Прямого обращения ни к читателям, ни к референту нет – говорящий высказывает мнение («*как по мне*»), но не уточняет какие именно вышестоящие органы считает лишенными компетентности. В его понимании некомпетентность заключается в неуважении к памятным событиям, принижении величия памятников победы, незаинтересованности мнением горожан. Еще один компонент категории ясен из фразы «*не так работает*» – формальность работы, «показушничество», как поддержали заявление С. Матлина некоторые горожане.

Читательские мнения разделись: некоторые поддерживали, другие критиковали и защищали инициативу администрации. Это, как и в представленных выше примерах, связано с разным содержанием категории некомпетентность в картине мира людей. Так, горожане, причисляющие неуважение и коммерциализацию к некомпетентности, поддерживали активиста в комментариях к публикации: «*обесценивание победы как*

исторического события», «ну завершите как-то проект, а то что к чему», «все для галочки, позор», «коверкать великие символы памяти уродуя и принижая величие этих монументов». Видим, что компонент формальности работы возмутил многих, за такое проявление отсутствия профессионализма администрацию стыдили и оскорбляли. Однако, чаще читатели критиковали самого говорящего, выражая свое несогласие с его словами: «достойно оформили», «все работает Сережа, ты не прав», «с какого ... его мнение стало важно?!». Некоторые реципиенты критиковали говорящего, вспоминая его неудачные решения: «Как вы делаете мы уже видели, поэтому Сергей, завидуйте молча!», «вам лишь бы критиковать», «Смешно. Сергей как раз и страдает отсутствием вкуса, и других не очень качеств. Под его руководством молодежный центр развалился, в отличии от прежней управляющей Елены Котовой. Постоянно приходит туда, где уже все сделано. Сам ничего не способен сделать, на готовое приходит. А, тут с какой-то радости его мнение кому-то интересно?!». Иными словами, читатели не воспринимают высказывания о некомпетентности в случае, если говорящий сам, по их мнению, некомпетентный человек. Здесь также видна разница в составляющих категории: незнание, неумение против неуважения.

Изобразим в виде схемы данное монологическое высказывание и реакции на него. (рис.12)

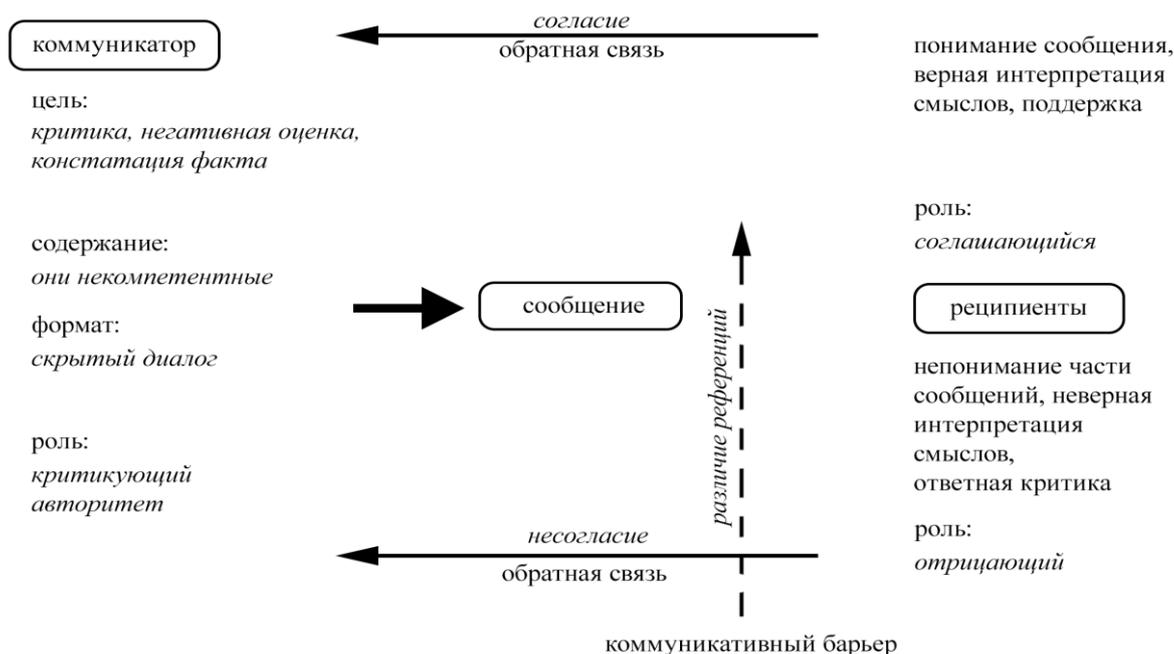

Рис.12 Раздвоенная модель речевой ситуации

Данная схема не циклична, имеет два варианта обратной связи с разными интенциями реципиентов, в то время как пропозиция коммуникатора одна. Барьер в данном случае лишь один – различные референции категории – и влияет он не на всех участников ситуации. Реципиенты выбирают роли в зависимости от понимания категории, коммуникатор изначально выбирает позицию авторитета («*Как по мне*»), и на этом основании порождает критичное высказывание с пропозицией «они некомпетентны», дает негативную оценку происходящему («*Неуместно; карнавализация; не работа*»). Говорящий открыто не призывает в своем высказывании к диалогу, но получает обратную связь.

Говорить о коммуникативной неудаче в приведенном примере можно только со стороны реципиентов, которые не согласны с пропозицией коммуникатора из-за различных смыслов категории. С соглашающимися же реципиентами коммуникативная ситуация вполне успешна.

Рассмотрим ситуацию успешной коммуникации. Таковой будет ситуация просьбы о помощи. Примеры получены с форума сервиса Яндекс.Кью (yandex.ru/q), который нацелен на помощь специалистов в различных областях

незнающим людям. Одна из речевых ситуаций следующая: коммуникатор, не имеющий опыта содержания собак, сознавая собственную некомпетентность («Я кошатник»), спрашивает о помощи, как ухаживать за собакой. Обратную связь обеспечивает заинтересованность адресатов в помощи, а также их профессионализм. Именно реципиенты в данной ситуации являются авторитетными участниками коммуникации – они дают совет, опираясь на свой профессиональный опыт.

«Г1: Я кошатник, и решил взять щенка. Подскажите как ухаживать за щенком? Как дрессировать щенка? Чем кормить?

Г2: Найдите хорошего ветеринара, расспросите его о прививках, покупайте качественную еду и учите послушанию.

Г3: Кроме необходимых гигиенических процедур, правильного кормления и воспитания щенку нужно наблюдение ветеринарного врача для профилактики заболеваний. Чтобы у малыша не было глистов и других паразитов, его надо регулярно обрабатывать от них, а для профилактики различных болезней – своевременно делать прививки. Воспитание щенка начинается с первых дней его появления дома. Все то, что вы никогда не разрешите взрослой собаке, относится и к малышу. Не следует поощрять выпрашивание пищи у стола, залезание на кровать (только если сами этого не хотите), а также любое рычание и оскал зубов. Последнее надо незамедлительно пресекать, а еще лучше – не допускать вообще! Не стоит залезать в миску и как-либо беспокоить щенка во время еды или сна или отнимать у него игрушки.»

Отметим, что адресатов несколько, но их реакция схожа: они дают говорящему директивы, указывают что делать и чего избегать в данном случае (*найдите, расспросите, покупайте, учите*). Все говорящие соблюдают речевой этикет, придерживаются нормативной лексики и нейтрального эмоционального фона. Помимо этого, реципиенты не включают в высказывания обратной связи личные мнения и суждения. Коммуникация

успешна, поскольку отсутствуют различные трактования категории у коммуникантов, негативный эмоциональный фон и нежелание/неспособность настраиваться на мир другого. Данную ситуацию можно изобразить в виде конечной модели коммуникации.

Хотя и редко, но ситуация просьбы о помощи может окончиться коммуникативным провалом. Проанализируем такую ситуацию, найденную на сервисе Ответы.Майл.ру (otvet.mail.ru). Здесь адресант так же, как и в рассмотренной ранее ситуации, признает свою некомпетентность, отсутствие необходимых знаний для решения математических задач («как делать не знаю»). Его пропозиция «я некомпетентен», а цель – добиться помощи от адресатов.

Г1: Как решаются эти задания по Высшей математики? Как делать не знаю

Г2: Как решаются все эти задания? 0_0 Вы рассчитываете, что вам сюда перепечатают 8-9 глав из различных учебников? Почему бы просто не почитать учебники, или этот же материал не найти точно в инетике?

Г3: Похоже ни на одной паре не был. Задачки то плевые - разве что по разным темам - вот в чем недостаток, нужно будет все сразу вспоминать.

Г4: Ну как пишешь да, нет, примерно. А так то есть репетиторы, с дипломом профессоров к ним иди или онлайн закажи обучение.

Г5: Решебником, или бутылкой водки! Ибо на трезвую голову этого не понять».

Ни один из реципиентов не дал адресанту желаемой обратной связи. Обвинения в непосещении занятий («Похоже ни на одной паре не был»), глупости («Задачки то плевые»), нерелевантные («Почему бы просто не почитать учебники») и неуместные («онлайн закажи обучение») советы вместо искомой помощи и ответа на поставленный вопрос. Более того, адресаты используют сниженную, разговорную лексику (*инетик, плевые*). Коммуникативный провал произошел по причине некомпетентности обоих

сторон – ни коммуникатор, ни реципиенты не знали, как решить задачи, некоторые даже признавались в собственном неведении («на трезвую голову этого не понять»). Еще одним барьером выделим агрессивно-негативный эмоциональный фон. Изобразим данную ситуацию в виде схемы (рис.13).

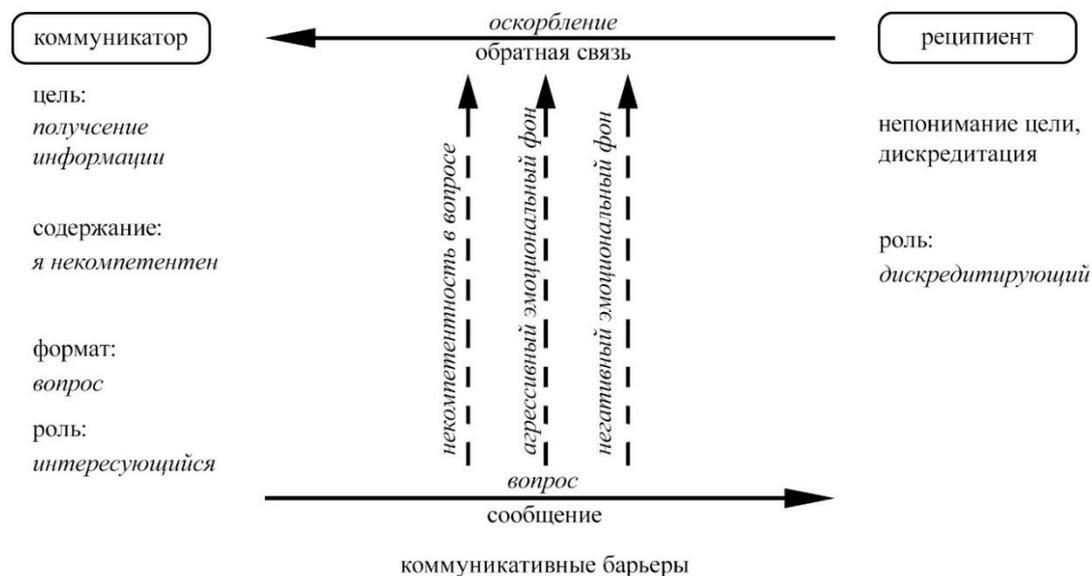

Рис.13 Конечная модель речевой ситуации

Модель данной ситуации, как и предыдущей, будет конечной, но с коммуникативными барьерами. Авторитетом в этом случае не будет обладать ни один из говорящих.

Приведенный пример является не единственной ситуацией с похожей моделью. Зачастую на коммуникацию влияет враждебность и/или агрессия, независимо от типа коммуникации. Ю. В. Щербина определяет враждебность как пассивное и возможно внешне не выраженное состояние, тогда как агрессия представляет собой активные и объектно-направленные действия [Щербина 2006]. Социальная нестабильность в современном российском обществе, что доказывала частотность категории, ведет к распространению вербальной агрессии. Это негативное коммуникативное явление препятствует реализации основных задач эффективного речевого общения.

В коммуникативных ситуациях исследуемая категория выступает как оценочная. Об этом говорит структура, обязательная для оценки, соблюдаемая

в каждой ситуации: наличие субъекта и объекта оценки, шкалы и мотивации. Зачастую категория служит не только негативной оценке (критике) профессиональной деятельности индивида или группы, но и критике личностных качеств. Нередко категория выражена в дискредитации/оскорблениях.

Большая часть речевых ситуаций (диалогических и скрытых диалогов) заканчивается коммуникативной неудачей, что обусловлено несколькими причинами: некомпетентностью одного или всех участников ситуации, неверным выражением цели и/или пропозиции, неверном трактовании цели и/или пропозиции, разными референтами категории и другими коммуникативными барьерами. Ситуация успешной коммуникации «просьба о помощи/совете» при наличии хотя бы одной из вышеуказанных причин может обратиться неудачной.

Проявление некомпетентности зависит от типа дискурса и от роли говорящих. Эти условия диктуют выбор говорящим лексических средств, выражающих категорию. Во всех коммуникативных ситуациях существует авторитетный говорящий. Авторитетным является тот, кто выражает категорию по отношению к другому. Моделей речевых ситуаций выделено несколько: циклическая, конечная с успешным завершением и неудачных исходом, раздвоенная. Все они в общем виде отражают структуру коммуникативных ситуаций и паттерны поведения в них говорящих.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В результате проведенного дефиниционного анализа было установлено, что большинство определений некомпетентности включает компонент «отсутствие». Чаще всего, согласно собранным данным, некомпетентность подразумевает отсутствие знаний (сюда же входят познания, навыки и квалификация). Также часто проявляется отсутствие прав, полномочий, оснований и авторитета. Значительно реже некомпетентность отождествляется с отсутствием заботы.

Вторым наиболее частотным признаком некомпетентности является «неспособность к чему-либо», как, например, неспособность принимать решения (брать на себя ответственность). Еще один часто присутствующий признак – «неумение», под которым подразумевается неумение использовать навыки или знания. Реже в сигнификат включаются компоненты «неуважение» и «несоответствие».

Исследование показало, что ядро категории *Некомпетентность* составляют семь компонентов: отсутствие знаний, опыта, навыков, авторитета, уважения, соответствия, основания. Указанные концепты имеют значительное число синонимов, актуализируемых соответствующими языковыми единицами.

Анализ лингвокогнитивной структуры категории позволил установить, что наибольшее количество языковых единиц, включая сниженные, эмоционально-окрашенные, просторечные лексемы, а также фразеологизмы с аксиологической семантикой являются репрезентантами ее субординатного уровня.

Базовый уровень актуализируется именами прототипического (незнание) и околядерных концептов, объективирующих отсутствие опыта, навыков, авторитета, оснований/полномочий, уважения и соответствия общепризнанным правилам и нормам.

Высший (суперординатный) уровень категории представлен концептом, соответствующим ее имени.

Обращение к ситуативно-речевым репрезентациям категории *Некомпетентность* показало, что она наиболее широко представлена в профессиональном, политическом и медийном типах дискурса. Выявлены особенности сочетаемости лексических актуализаторов категории: в большинстве своем это существительные и качественные прилагательные в совокупности с наречиями образа действия и степени, помогающими категоризовать уровни/степени некомпетентности. Частотны коллокации с эмоционально маркированными лексемами, сниженными или разговорными. Их частотность напрямую зависит от типа дискурса – в разговорно-бытовом подобных сочетаний больше, чем в институциональном дискурсе. В коммуникативных ситуациях наблюдается также зависимость выбора языковых единиц от целей и ролей говорящих.

Анализ диалогических ситуаций, взятых из российского интернет-пространства, показал основные цели коммуникантов в ситуативной рамке рассматриваемой категории. Ими являются констатация факта неудовлетворительной профессиональной деятельности индивида, негативная оценка деятельности сообщества, обращения за помощью. В некоторых случаях категория используется для дискредитации другого. Коммуникативные ситуации имеют базовую структуру (адресант, адресат, сообщение, код, барьеры). Выделено три основных модели коммуникативных ситуаций: циклическая, конечная и раздвоенная. Они могут выступать как самостоятельно, так и комбинироваться между собой.

Отмечено, что чаще всего в коммуникативных ситуациях с категорией *Некомпетентность* присутствуют коммуникативные барьеры, что ведет к коммуникативной неудаче. Примером таких барьеров могут быть:

некомпетентность одного или всех участников ситуации, неверное выражение цели и/или пропозиции, неверная интерпретация цели и/или пропозиции разными референтами категории.

Стать выразителем основного содержания категории может любой из участников общения, ситуативно присваивая себе статус авторитетного члена коммуникативного сообщества.

ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЗАЦИЯ *INCOMPETENCE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Дефиниционный анализ репрезентатов категории *Incompetence* и смежных понятий

Обратимся к английской категории *Incompetence*. Проведем подобный сделанному нами ранее дефиниционный анализ в англоязычных словарях. Стоит отметить, что определения редко строятся на отсылке к прилагательному *incompetent*, чаще само имя категории трактуется без вспомогательных средств. Так, в Cambridge English Dictionary видим следующее: «lack of ability to do something successfully or as it should be done» [CDO]. *Incompetence* трактуется как недостаток способностей, умений, знаний для успешного выполнения чего-либо. Macmillan Dictionary дает очень похожее определение, не уточняя сферу деятельности: «lack of skill or ability to do something correctly or well» [MED], а в Oxford English Dictionary находим уточнение – указание на профессиональную деятельность: «the lack of skill or ability to do your job or a task as it should be done» [OED]. Крайне схожее определение в Cambridge Business English Dictionary: «lack of the ability, skill, or knowledge that is needed to do a job or perform an action correctly or to a satisfactory standard» [CBED]. И еще одно видим в словаре LONGMAN: «lack of the ability or skill to do a job properly» [LDCE]. В словаре Collins находим немного уточненное определение: «if you refer to someone's incompetence, you are criticizing them because they are unable to do their job or a task properly. [disapproval]» [COBUILD]. Здесь не только указание, что работа не может быть выполнена надлежащим образом, но и уточнение, что это критическое замечание, неодобрительное.

В специализированных словарях – медицинских – трактование отличается от общих толковых словарей: «the state or fact of being incompetent [MWD], «inability to function properly; the legal status of a person determined by the court to be unable to manage his own affairs; insufficiency» [DMM]. Здесь мы

видим несколько вариантов: неспособность органов функционировать правильно – дисфункция; функциональная недостаточность; правовой статус лица, признанного судом неспособным самостоятельно управлять своими делами. Еще один медицинский словарь дает определение из области психиатрии: «in forensic psychiatry, the inability to distinguish right from wrong or to manage one's affairs. [EDM]» – неспособность отвечать за свои действия.

В Merriam-Webster Dictionary определение ссылается на прилагательное incompetent: «lacking the qualities needed for effective action; unable to function properly; not legally qualified; inadequate to or unsuitable for a particular purpose» [MWD]. Данное определение достаточно полное и обнаруживает еще одно значение помимо вышеперечисленных: неадекватный, неподходящий для какой-либо цели.

People's Law Dictionary совместно с Collins Dictionary of Law дает такую трактовку: «referring to a person who is not able to manage his/her affairs due to mental deficiency (lack of I.Q., deterioration, illness or psychosis) or sometimes physical disability; in criminal law, the inability to understand the nature of a trial; a generalized reference to evidence which cannot be introduced because it violates various rules against being allowed, particularly because it has no bearing on the case. It may be irrelevant (not sufficiently significant) or immaterial (does not matter to the issues).» [PLD, CDL]. Юридическое определение близко определению категории в русском языке – не имеющий права по своим знаниям или полномочиям делать, или решать что-либо. Более того, словарь дает дефиницию не только для человека, но и для доказательств: неуместное, неподходящее.

В следующем словаре The Complete Real Estate Encyclopedia находим опять же специализированное определение: «Legally not able to make decisions, enter into contracts, or execute wills. This may be a result of a permanent mental impairment, as when one is declared non compos mentis or incompetent, or it may be for temporary reasons, such as a minor child's inability to make binding

contracts.» [TCREE]. Интересно, что указаны пути достижения такой «неспособности» принятия решений.

Изучив все приведенные определения, можно сделать вывод, что все они имеют общие черты: недостаток, неспособность. Не хватает чаще всего способностей, умений, знаний, реже полномочий и прав. Неспособность выражается в невозможности отвечать за свои действия и отвечать за них, а также функционировать надлежащим образом. В целом, определения в англоязычных словарях менее специализированные, но при этом более полные в сравнении с русскоязычными: отсутствует антонимичность и циклические определения.

В найденных определениях, несомненно, есть общие черты. Проанализируем приведенные толкования и выведем схожие черты и составляющие. В большинстве определений встречается компонент «отсутствие/недостаток» (lack of). Чаще всего, согласно собранным данным, некомпетентность подразумевает отсутствие способностей/возможностей. Встречается недостаток прав, квалификаций. Отдельно следует отметить значение «lack of adequacy» (несоответствие, неуместность), которое присутствует в правовом дискурсе и иногда в бытовом. Помимо этого, существует трактовка с медицинской точки зрения с исключительным значением – функциональная недостаточность органов, дисфункция.

Компонент «lack of ability» (неспособность) является самым частотным, именно он является ключевым и используется для приращения смыслов. Например, неспособность выполнять работу должным образом, принимать решения, распоряжаться, различать, понимать и т.д. Все встречающиеся компоненты были проанализированы и представлены в виде схемы (рис.14).

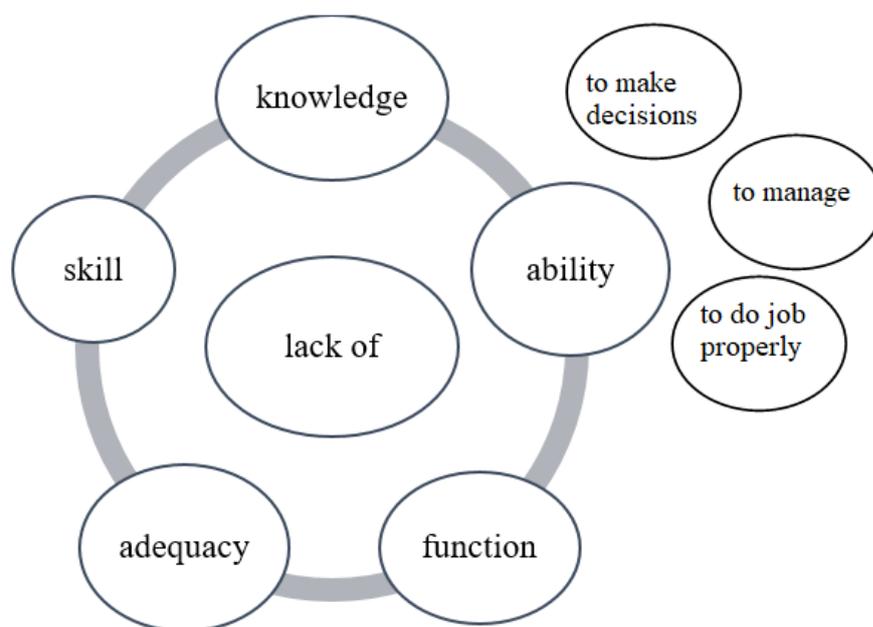

Рис.14 Компонентный состав категории *Incompetence*

Обратимся к синонимическому ряду лексических единиц, который и составляет категорию. Согласно данным различных тезаурусов и словарей, синонимами являются: *inability, inadequacy, incapability, incapacity, ineptitude, ineptness, impotence, insufficiency, amateurishness, powerlessness, uselessness, unfitness, skill-lessness, incompetency*. Представим разнообразие категории в виде схемы (рис.15). Из модели видно, что категория структурирована и имеет репрезентантами и фразеологизмы, и разговорные выражения, и сниженную лексику.

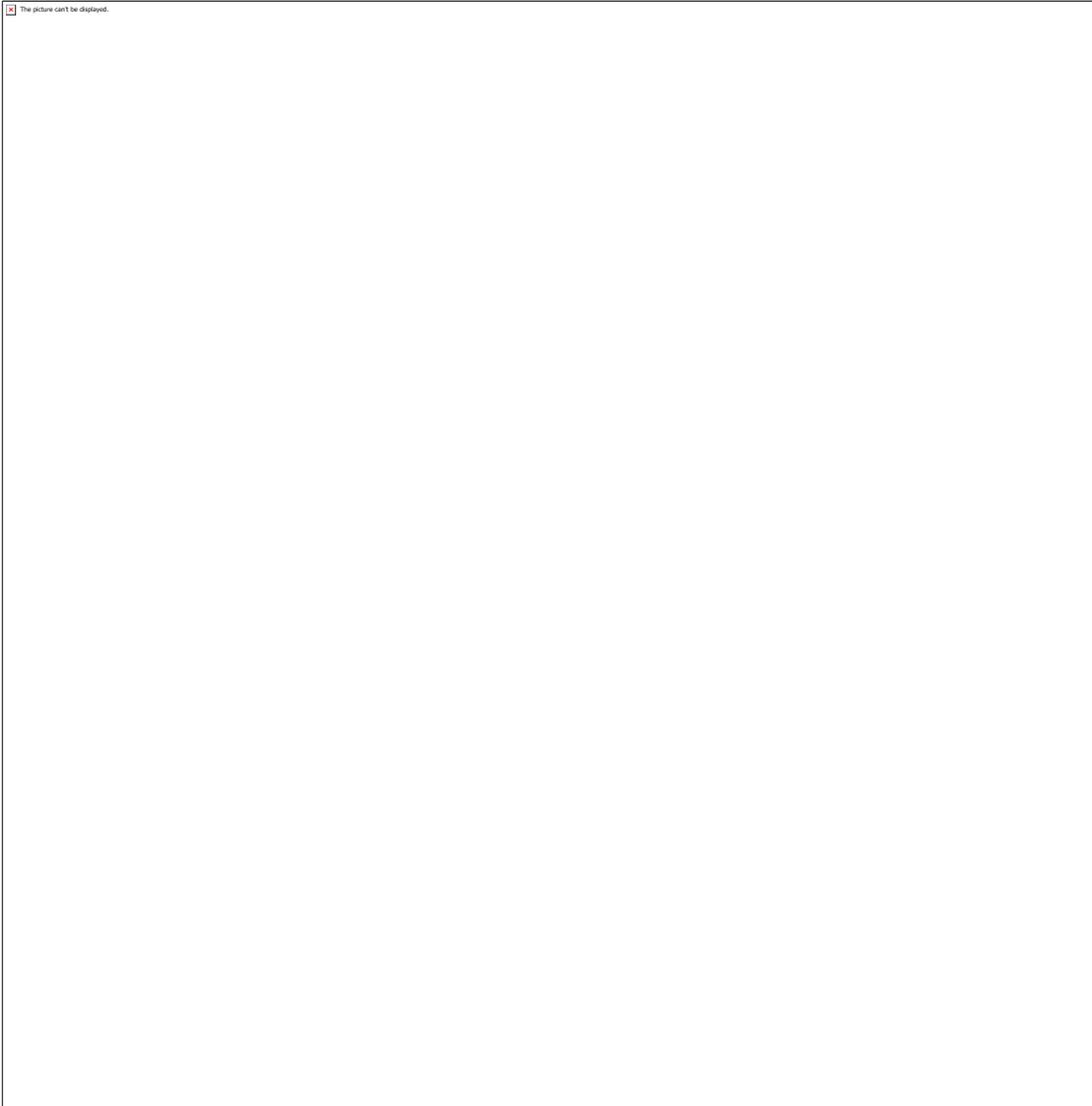

Рис.15 Семантический состав синонимического ряда категории *Incompetence*

Для *incompetent* ряд будет следующим: *inept, useless, incapable, unable, cowboy, floundering, bungling, unqualified, unfit, unfitted, ineffectual, incapacitated, inexperienced, skill-less, unskillful*. Среди синонимов часто выделяют и *amateurish, callow, dilettantish, green, inexperienced, raw, unprofessional, unequipped, unprepared, untrained, ineligible*.

Охарактеризуем структуру категории *Incompetence* согласно теории Э. Рош, где, как было описано раньше, высший уровень абстракции характеризуется малым количеством свойств, базовый уровень чуть большим и самым большим количеством свойств обладает низший уровень. Суперординатным уровнем будет INCOMPETENCE как самая общая характеристика – отсутствие способностей/возможностей. Результаты

проведенного словарного анализа показали, что остальные компоненты категории уточняют, расширяют и дополняют это значение. Базовый уровень категоризации составляют следующие концепты: INABILITY, INEPTITUDE, INSUFFICIENCY, IMPOTENCE. Остальные концепты образуют низший уровень абстракции: INCAPACITY, INCAPABILITY, DEFICIENCY, INADEQUACY, UNFITNESS, INEPTNESS, SKILL-LESSNESS, UNSKILLFULNESS, AMATEURISHNESS, POWERLESSNESS, WEAKNESS, USELESSNESS и другие. В эту же категорию входят идиомы и фразеологизмы: incapacity, incapability, deficiency, inadequacy, unfitness, ineptness, skill-lessness, unskillfulness, amateurishness, powerlessness, weakness, uselessness all-thumbs, at your worst, can't boil an egg, have two left feet, no great shakes, master of none, not have a prayer, not for toffee, couldn't organize a piss-up in a brewery и т.д. Также сюда входят разговорные и сниженные слова и выражения, например, ill-equipped, bumbling, ham-handed, ham-fisted, cowboy, piss artist. Изобразим строение концептуально-тематической области в виде схемы (рис.16).

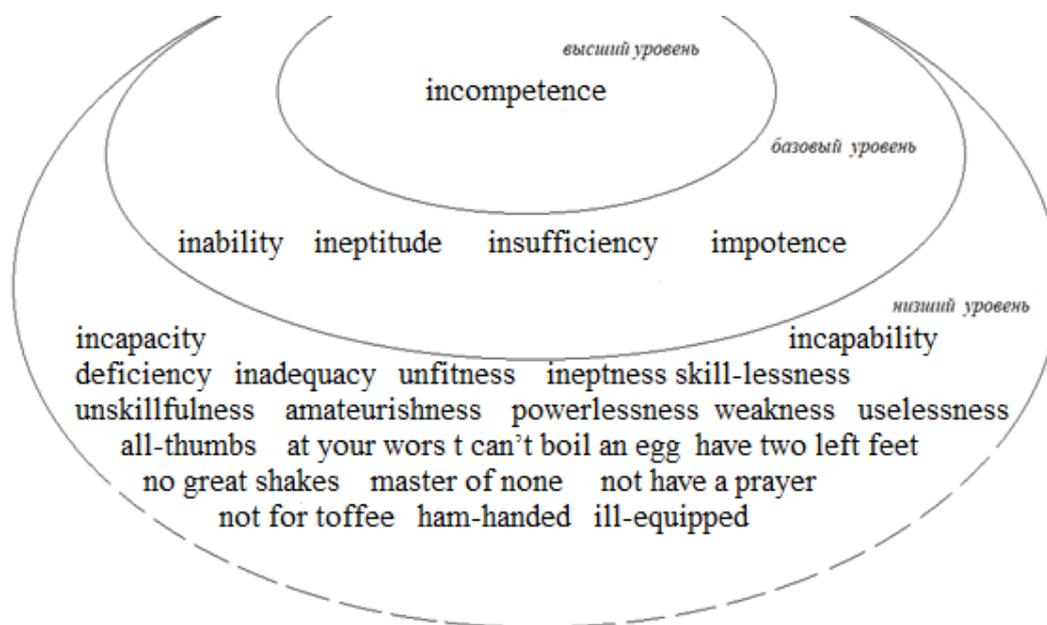

Рис.16 Уровневая структура категории *Incompetence*

Итак, получив словарные данные касательно семантического состава и уровней категоризации категории *Incompetence*, обратимся к корпусному

анализу для подтверждения и уточнения полученных результатов.

3.2. Корпусный анализ категории *Incompetence*

Проанализируем корпусные данные iWeb и СОСА, выбранных нами как наиболее репрезентативные корпуса, чтобы увидеть частотность представителей категории и их жанровое распределение. Входящие в категорию *Incompetence* слова и выражения достаточно часто встречаются, проявляясь в основном в бытовых, разговорных текстах и публицистике. Приведем распределение по жанрам в корпусе СОСА (рис.17).

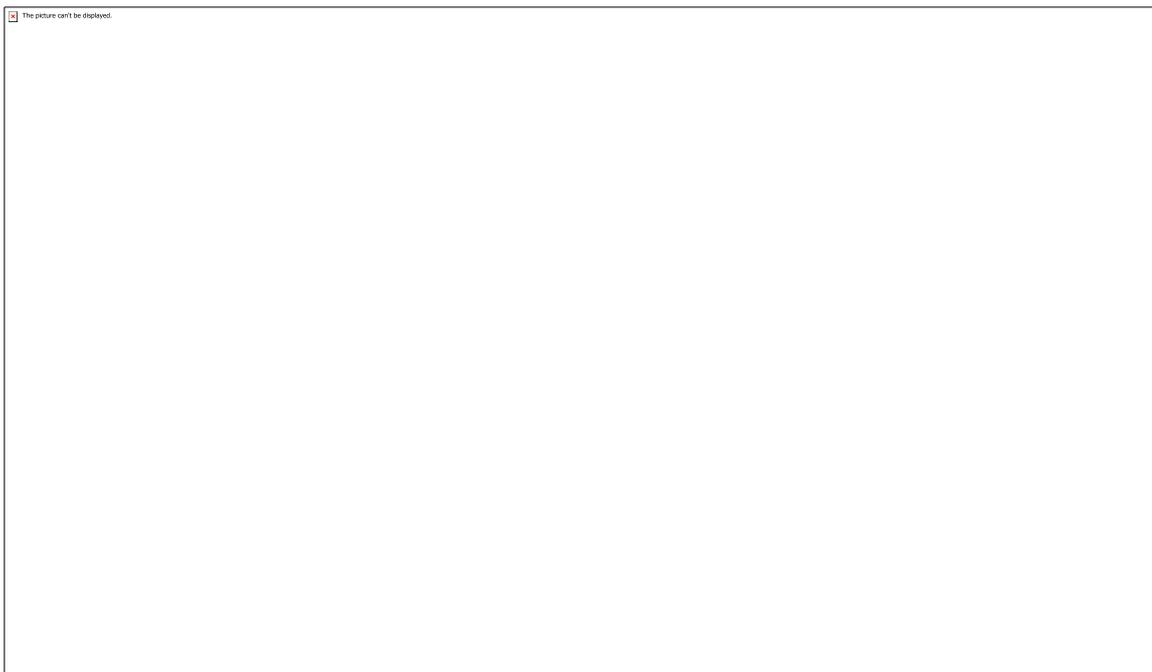

Рис.17 Распределение частотности категории *Incompetence*

Как видно из диаграммы, чаще всего категория проявляется в блогах и веб-пространстве, реже в разговорной речи и прессе. Наименьшее количество вхождений в медиа-подкорпусе и художественной литературе. Тем не менее, частотность выше, чем в русском языке.

Несмотря на то, что примеры употребления выбирались нами из корпуса iWeb для большей актуальности и релевантности, частотность рассмотрим, опираясь именно на корпус СОСА, поскольку его размер легче сопоставим с объемом корпуса НКРЯ (объем последнего почти достигает миллиарда, в то время как СОСА насчитывает миллиард словоупотреблений). Приведем таблицу частотности для основных лексем категории (рис.18).

Лексема \ Подкорпус	incompetent	incapable	inept	insufficient	unqualified	unfit	unprofessional	amateurish	maladroit	ham-fisted	all thumbs	master of none	ignorant
Blog	1232	1250	529	852	398	306	330	139	5	51	2	7	4742
Web-Genl	1085	1197	397	1027	320	346	237	112	6	26	1	18	3806
TV/Movies	430	433	81	165	43	202	284	33	5	13	24	5	672
Spoken	576	314	165	285	158	269	114	23	1	8	4	12	457
Fiction	286	769	214	249	69	212	106	63	10	11	15	3	1061
Magazine	438	689	281	700	222	248	82	63	14	25	7	47	645
Newspaper	406	405	259	600	253	287	140	73	5	15	6	30	573
Academic	470	1070	162	2736	371	332	119	36	7	10	2	2	778

Рис.18 Частотность основных лексем категории *Incompetence*

Видим, что ситуация схожа с данными из корпуса НКРЯ: не во всех подкорпусах много вхождений, единицы низшего уровня не слишком частотны. Однако, даже учитывая разницу в объемах корпусов, можно отметить намного большее количество вхождений.

Таким образом, категория действительно встречается часто в обоих языках: 493 употребления в НКРЯ и 3197 употреблений в СОСА. Говоря о различиях, в англоязычном пространстве категория более значима – появляется почти в 4 раза чаще. При сведении корпусов к равному объему (~900 млн слов) средняя частота встречаемости категории в английском языке оказалась выше в ~3,8 раза. Это могло быть следствием большей насыщенности англоязычного корпуса более современными текстами, так как период 2020-2021 годов дает довольно высокие показатели использования лексем, входящих в категорию.

Изучим распределение встречаемости членов категории в хронологическом аспекте (рис.19). Первое появление категории, к сожалению, ни в одном англоязычном корпусе не зафиксировано. Частота вхождений дана лишь для последних трех декад. Пики приходятся на те же временные

промежутки, что в русском языке, из чего сможем предположить, что категория отражает положение дел в обществе, а ее частотность является показателем кризисов тех или иных аспектов жизнедеятельности. Однако для русского коммуникативного пространства характерно возрастание употребления имени категории и ее репрезентантов в течение последних двух лет. В английском же следующие по величине пики после мировых кризисов приходятся на предвыборные кампании и политические саммиты.

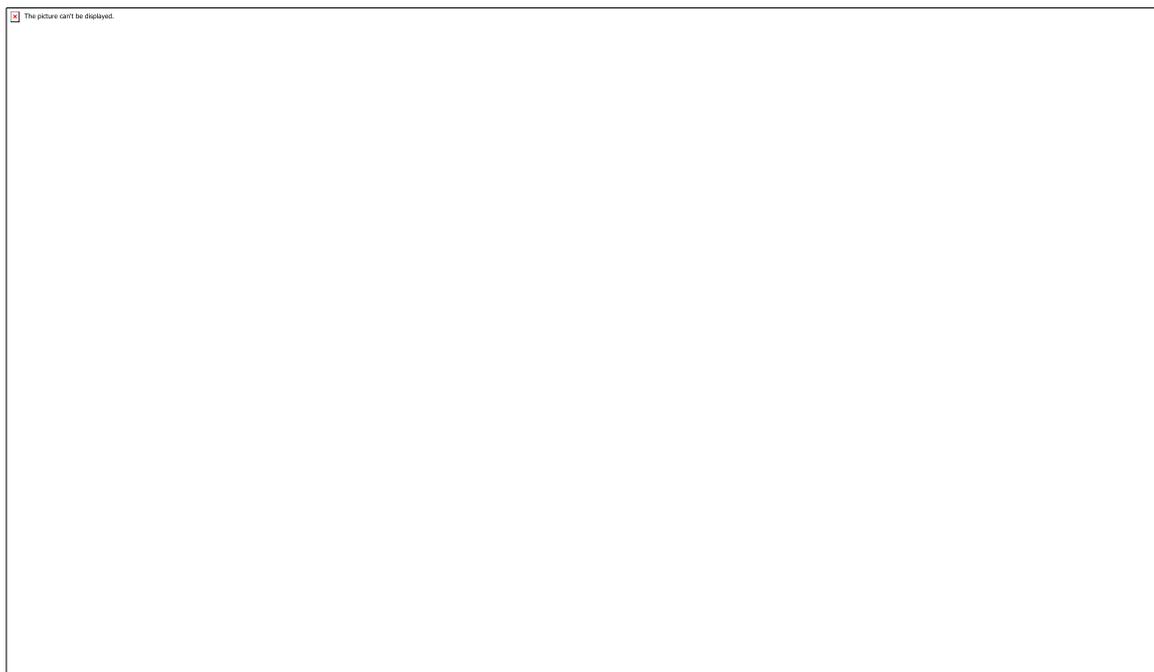

Рис.19 Хронологическое распределение частотности категории *Incompetence*

Помимо частотности корпусные данные показывают также темы, где чаще всего участвует искомая категория. Примечательно, что это политика, администрация, выборы, политические партии и персоналии, расследования, обвинения, судебные процессы и различного рода провалы. Не меньшее значение представляют коллокации и кластеры. Коллокациями являются сочетания лексических единиц в пределах семи шагов, кластерами же считаются более близкие сочетание – от одного до трех шагов. Подобная информация о сочетаемости дает первоначальное представление о проявлении категории в речи. Особенно часто она появляется в статьях, интервью и форумах, посвященных общественно-политической жизни. Однако наличествуют и примеры в электронной коммуникации, употребления в

личной переписке и художественной литературе.

Корпусные данные подтверждают распределение по уровням концептов, так как суперординатная категория трактуется в дискурсе через базовые и субординатные. Рассмотрим это на подробных примерах из корпусов iWeb и СОСА.

«The problem with fair trade – the people we have now are **incompetent**. Our president is – you know, he – he used a word the other day, not a nice word, but he's an **ignorant** president. He's an **ignorant** president. He doesn't know what's going on, in my opinion, OK, and the opinion of plenty of other people».

Здесь видим раскрытие высшего уровня абстракции *incompetent* через базовые лексемы *ignorant*. Говорящим они дублируются для усиления эффекта.

«While Obama's **incompetence** is tragic on a national level, it is downright dangerous when this woefully **inept** community organizer heads overseas. Then, rival nations that put on a smile but in secret wish for our demise can fully see that this strutting rooster has **no understanding** of diplomacy or what international agreements are about. Obama ruined (esp the Korean agreements for business) most of the last trip to Asia with his profound **ignorance**».

Еще один пример такого раскрытия использует лексемы базового уровня и номинативного и предикативного характера (*ignorance, inept*), и даже описательную конструкцию («*no understanding*»). Здесь же видим сочетание с прилагательным *tragic*, которое указывает на высшую степень некомпетентности, и с прилагательным *dangerous*, которое помогает понять, что такой уровень некомпетентности пугает говорящего. Для большего негативного эффекта и воздействия он использует глагол «*ruin*».

«Who even decides what is deemed as professional? If you get the job done and you do it well, it shouldn't matter what you look like. Having piercings doesn't automatically make me **inept**. If anything, it shows your closed mindedness and discrimination».

Отрывок примечателен контекстуальными антонимами (professional – inept), которые использует говорящий. Такое противопоставление обращает внимание на то, что описывает некомпетентность, непрофессионализм. В данном случае говорящий утверждает, что подобное профессиональное качество невозможно определить по внешности, но возможно по качеству работы («*you get the job done and you do it well*»).

«I came in complaining to the doctor that my eyes were tearing, he rushed through the exam, and at the end said I had dry eyes. He told me I should use artificial tears and practically shoved me out of the exam room. Dry eyes?! Wasnt he listening to me, I said my eyes were tearing, and now I'm supposed to put more tears in? This doctor is completely **incompetent**.»

В примере категория раскрывается с помощью имени категории и описания деятельности врача, которую сложно назвать профессиональной («*wasn't listening*», «*rushed through the exam*», «*shoved out*»). Пациент жалуется на плохой осмотр и обращение и, как результат, неверный диагноз, что и заставляет его оценить врача как некомпетентного (работа была выполнена не надлежащим образом).

«Delivery team attempted to phone me at 11pm at night after I had waited in all day for delivery to see if they could still deliver that day!!!! Delivery was re-arranged and then the **incompetent** fools dropped the second piece of furniture down my staircase damaging my newly installed bannister rail and spindles as I had rejected the damaged 6 drawer midi when they had removed the delivery packaging. Very unhappy customer.»

Здесь категория раскрывается опять же с помощью описания деятельности доставщиков: несвоевременный поздний звонок, повреждения дома и товара («*attempted to phone me at 11pm at night after I had waited in all day for delivery, dropped the second piece of furniture down my staircase damaging my newly installed bannister rail and spindles*»). Однако интересна здесь и инвективная функция категории – оскорбление усиливается сниженной

лексемой *fools*.

Категория выражается также как самооценка качества работы и/или знаний. Ниже приведем примеры такой оценки.

«As to Wellington's tactics, in my (very modest and **amateurish**) opinion, the fact that the French always charged in « column « formation while the English fired volley after volley in « line « formation, turned the first into cannon fodder.»

В данном примере говорящий расценивает свое мнение как скромное и любительское («*modest, amateurish*»), не претендует на верность своих мыслей.

«Petey Palmer doodled in his notebook, trying to think. He was short of cash, and his mom's birthday was tomorrow. What was he going to do? Mom always said homemade gifts were best, but he was **all thumbs**. Even the macaroni necklace he had made for her in first grade had fallen apart. “As an arts-and-craftser, I’m a disaster”, he said out loud.»

В приведенном отрывке из романа мальчик так же сам оценивает себя, свои способности к прикладному творчеству. Он использует идиому «*all thumbs*», подкрепляя свою неумелость тем, что его поделки разваливаются, далее он дает оценку степени неспособности к творению – катастрофическая (*disaster*).

Поскольку *Incompetence* имеет медицинское значение, обратимся к примерам репрезентации категории с этой семантикой.

«If you're like many people, you may believe that if you were to become mentally or physically **incompetent** due to illness or accident, your spouse or partner could simply act on your behalf. This is not true. Without a court order or a general Enduring Power of Attorney, your family members could not manage your financial affairs.»

Здесь видим сочетания «*mentally incompetent*» и «*physically incompetent*», означающие умственную и физическую неполноценность в результате несчастного случая либо болезни, при которых человек не может сам отвечать

за свои финансовые и правовые решения.

«Because of my many losses (a few quite late) due to a genetic mutation I carry, because I have an **incompetent** cervix that has to be stitched to keep the baby inside, because my water broke with my son at 16 weeks, and because I had a daughter prematurely at 32 weeks, I was never relaxed until my baby was in my arms.»

Более узконаправленное значение «несостоятельность шейки матки» видим в примере выше. Для подобного недуга в корпусе есть еще два варианта: «cervix weakness», «insufficient cervix». Опять же видим найденные нами при дефиниционном анализе синонимы.

«Diagnosed with **incompetent** valves in my legs that cause a great deal of swelling in my ankles, these socks have been an excellent solution to the problem.»

«Несостоятельность», недостаточность сосудистых клапанов – результат их неправильной работы, что и объясняет подобное лексическое сочетание.

Чаще всего категория *Incompetence* представлена структурами типа «aux.+N», «N», «Adv.+N», а также посессивными конструкциями. Конструкции подчинительного типа «Adj.+N» и сложные структуры в основном характерны для прилагательных. Наличествуют, как и в русском языке, сочинительные сочетания «N+N», «Adj.+Adj.», однако их частота немного выше; такие колликации говорят о стремлении говорящих углубить значение категории и сфокусироваться на ее конкретных компонентах значения. Усложненные структуры имеют вид «Adj.+N+of+N+N», либо «N+of+N+N», «N+N+of+N+N».

В рассмотренных примерах видим следующие схемы сочетания категории с существительными: «incompetence + лицо/должность»; «incompetence + деятельность»; «incompetence + орган». С прилагательными видим такую схему: «качественное прилагательное + incompetence». Подобные сочетания возможны с нейтральными прилагательными, но намного чаще это негативно-окрашенные, оценочные и сниженными прилагательные. Они помогают определить степень/уровень

некомпетентности и усилить значение категории, сделать оценку эмоционально-окрашенной. С наречиями видим такие схемы сочетаемости: «качественное наречие + incompetence», «определяющее наречие меры и степени + incompetence».

Говоря о частоте употребления коллокаций, приведем наиболее частотные. Для существительных это: person, government, court, staff, manager, leader, doctor, judge, lawyer, politician, mismanagement, cervix, vein, fool, moron, asshole. Как видим, лидирующие позиции занимают должности, затем идут медицинские диагнозы и далее диффамации со сниженной лексикой. Прилагательные, встречающиеся чаще всего в коллокациях: corrupt, lazy, dishonest, rude, weak, unable, ignorant, unprofessional, inept, greedy, insane, gross, sheer, utter. Довольно часто вреди них можно видеть единицы базового уровня, выделенные в словарях в качестве синонимов, однако в речи они не являются абсолютными синонимами и употребляются рядом для лучшего раскрытия значения. Список наречий не столь велик: mentally, completely, totally, legally, grossly, physically, hopelessly, dangerously. Лидирующую позицию здесь занимает сочетание, порождающее медицинский термин. Остальные указывают на степень некомпетентности. Сочетания с глаголами более разнообразны: demonstrate, declare, prove, deem, rule, fire, portray, blame. Присутствуют и декларативы, и дескриптивы. Стоит отметить, что коллокации с глаголами являются самыми малочисленными в сравнении с остальными.

Опираясь на корпусные данные, мы можем говорить о связи категории *Incompetence* с другими категориями. Так, одной из таких категорий будет категория *Insincerity*, сочетания с которой находим в политических текстах. Еще одной категорией, встречающейся в тех же текстах, является *Crime*. Она также частотна. Прослеживается связь с категориями *Laziness* и *Failure*. Рассмотрим примеры сочетаний с этими категориями.

«I don't think I'm the only one. The FBI is involved. They only do criminal. I

don't think I'm the only one. Now, maybe it's somebody on her staff, but, look, it's either criminal or it's **incompetent**. It's one or the other. There's either gross **incompetent** or criminal, and neither is acceptable to be president.»

В указанном примере находим сочетание «incompetent or criminal», продублированное говорящим. Для него эти категории равнозначны и тесно связаны, поскольку преступление могло быть либо умышленным (*criminal*), либо по неопытности (*incompetent*).

«She is over qualified for the office. Her real accomplishments are; thief, liar, corrupt, lazy, **incompetent**, intolerance, negative policies, no knowledge of the US Constitution, and many more. But what really is going to bring her down is her ignorance of facts, and arrogance».

Здесь сопряжение сразу с несколькими категориями. Говорящий обвиняет референта в воровстве, лжи, коррупции, лени, незнании конституции и отсутствии толерантности, что в текущий момент в США может быть расценено как преступление. Помимо этого, видим и раскрытие категории *Incompetence*: незнание, игнорирование фактов. Репрезентацией ее можно считать и элемент языковой игры – уничтожающий референта сарказм «*She is over qualified for the office*». Имплицитной мыслью здесь будет отсутствие какой-либо квалификации, несоответствие должности.

«In October 1993, criminal **incompetence** by the US military led to the slaughter of 1,000 Somalis by American firepower.»

В данном примере наблюдаем связь с категорией *Crime*, говорящий описывает военное преступление («*slaughter*»), совершенное из-за некомпетентности.

«Those who seem to do very little, or who are **incompetent** often get promoted up the ladder because it is assumed that this person is just bored or unchallenged. In my experience with this individual, it is a case of laziness and **incompetence**, and a total lack of work ethic».

Еще один пример иллюстрирует сочетание категорий *Incompetence* и

Laziness. Автор описывает это как скуку на рабочем месте и лень. Здесь же видим своеобразное понимание некомпетентности как отсутствия рабочей этики. Также можно заметить и неявную связь с категорией *Insincerity*, так как описываемый автором референт получил повышение обманным путем, ввел всех в заблуждение.

Таким образом, несмотря на бóльшую частотность в языке, категория *Incompetence* имеет общие черты с категорией *Некомпетентность*. Было обнаружено, что сочетаемость с прилагательными схожа с сочетаемостью категории *Некомпетентность* в русском языке: негативно окрашенные оценочные прилагательные помогают указывать на степень/уровень некомпетентности, а качественные прилагательные описывают ее область. Подобные паттерны сочетаемости найдены и с наречиями. Сравним с русским языком: абсолютная некомпетентность / sheer incompetence, чрезвычайная некомпетентность / gross incompetence, профессиональная некомпетентность/professional incompetence, невероятно некомпетентен / unbelievably incompetent и т.д. Отличной будет сочетаемость категории с семантикой «недостаточность», например, «mental incompetence». В целом, в силу более значимой медицинской семантики, такие сочетание в английском языке встречаются чаще.

Коллокации с существительными еще раз подчеркивают связь с политической стороной общества, а также с коррупцией, иными словами, обнаруживается связь с категорией *Неискренность*. Также прослеживаются сочетания с категориями *Crime*, *Laziness* и *Failure*. Помимо этого, как и в русском языке, видим сочетаемость с лексемами базового уровня категории, что указывает на их роль в углублении значения в конкретной речевой ситуации. Для детального изучения сочетаемости и как следствие репрезентации категории в языке и речи рассмотрим примеры употребления.

3.3. Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности

Большинство примеров репрезентации категории в корпусе можно найти в политических темах/жанрах. Это самый частотный жанр дискурса, на который так или иначе влияет категория. Более того, корпус выделяет отдельных персоналий, с которыми говорящие связывают значение категории. Наиболее «популярным» является бывший президент США Дональд Трамп. Именно его чаще других политиков в англоязычном коммуникативном пространстве называли некомпетентным и связывали с некомпетентностью правительства.

Один из подобных примеров показывает прямую номинацию, усиленную качественным прилагательным *sheer*, и окруженную сниженной, просторечной лексикой. Более того, категория сопряжена с другой категорией – *Неискренность*, выраженной лексемой *mendacity*. Согласно корпусным данным для английского языка это довольно распространенное явление. Здесь и далее примеры из корпуса iWeb.

«Manchin briefly entertained rumors that he might join Trump's cabinet and backed Trump nominees like Scott Pruitt, who ran the Environmental Protection Agency for 17 months before leaving amidst a series of scandals. Even as the sheer **incompetence** and mendacity of the Trump presidency piled up, Manchin lauded Trump as a president who «tries to do the reasonable thing, the responsible thing».

Как было указано, за последнее время корпус пополнились политическими текстами, включающими критику действий правительства и президента. Здесь отметим, что категория выражает авторскую критику в адрес политической деятельности Д. Трампа. Недоброжелательность, невежество, незнание, некомпетентность, коррупция и жестокость, которые не уменьшались, а лишь росли с течением времени, образуют в понимании автора портрет бывшего президента США. Все эти лексемы базового уровня указывают на упадок государства под его правлением («*degradation of our*

political climate»). Вновь видим связь категории с неискренностью и злонамеренностью. В противопоставлении Д. Трампу автор описывает политику президента Дж. Байдена как возвращение к давним американским ценностям, конституционным принципам и нормам демократии, отсылая нас к предвыборным заявлениям бывшего президента «Make America great again», которые, в понимании автора, он не смог выполнить, то есть не выполнил качественно свою работу – проявил себя некомпетентным. Стоит отметить, что, оценивая бывшего президента как некомпетентного, автор не указывает что он был лидером страны, но в случае с Дж. Байденом лидерство занимает главную роль в пропозиции высказывания. Иными словами, категория *Incompetence* понимается автором как модель жестокой, невежественной, коррумпированной политики без явного авторитета лидера государства.

«Trump's motives are among the many aspects of his and his administration's conduct that Kane exposed in Pitchfork Populism. The author's analysis and answers – written when others were perplexed, confused or confounded – have gained broad acceptance. Kane assessed a vast array of Trump's domestic and foreign policies, legislative efforts, executive orders, and public statements, identifying the forces that spawned Trump's pattern of malevolence, **ignorance, incompetence**, corruption, and cruelty. In the waning days of the Trump administration, rather than abating, these flaws are multiplying. Fortunately, however, the political forces discussed in Pitchfork Populism that enabled the degradation of our political climate over the past four years can be harnessed to catalyze constructive, unifying progress. Under President-elect Joe Biden's leadership, these forces can be leveraged for a return to policy and actions based on long-held, widely-cherished American values, Constitutional principles, and norms of democracy».

В следующем примере снова видна связь с политикой, на этот раз с политической партией республиканцев. Здесь категория выражена лексемой *amateurish* и указывает на возможный ущерб от действий подобного качества.

«But other Republicans are speaking out to warn that the **amateurish** conduct

of the audit and the conspiracy theories it has amplified could cause lasting damage to the party. Next year they must defend an open governor's seat and try to flip back one of the two Senate seats Democrats took in the last two elections».

Для интенсификации в следующем примере использованы не только соседствующие базовые единицы категории (*ineptitude, inadequacy*), но и субординатные (*mismanagement*). Более того, категория окружена языковыми единицами с ярко выраженной негативной окраской (*suffer, discouraged*).

«Pension funds are not free gifts from the government, they are sourced from salaries of the pensioners when they were in service. The era of **mismanagement**, diversion of funds from its original purpose to another should be discouraged. A couple of weeks ago, it was well reported that pensioners fund would be touched by states for the purpose of infrastructural development. And I keep wondering why the average Nigerian has to keep suffering from the **ineptitude** of leaders and **inadequacy** of leadership».

Еще один пример о некомпетентности политических партий вновь представлен базовыми единицами (*ineptitude, incapacity*) и практически повторяет словарные дефиниции по структуре: «*incapacity to provide quality governance*» неспособность обеспечить качественное управление – неспособность сделать что-либо на качественном уровне. Здесь так же видим еще один компонент важный для политических жанров – силу. Выше была указана искренность/неискренность политиков, здесь говорящий делает упор на силу правительства и его способность противостоять оппозиции. В данном случае по мнению автора высказывания правительство, ни одна из партий, не является сильной и от них не следует ожидать чего-либо хорошего.

«The APC and the PDP have proven the much of **ineptitude** and **incapacity** to respectively provide quality governance and a robust opposition because, nothing good can fundamentally be expected from the two that are really, the two sides of a coin».

В представленном далее примере наблюдаем оригинальную структуру –

противопоставление. Деятельность одного правительства сравнивается с деятельностью другого при помощи контекстуальных антонимов (*competence/ineptitude, chummy loyalty/hard graft*). Подчеркивая ценность компетентности и спокойствия в правительстве Европы, автор привлекает внимание к контрастирующей некомпетентности, неумелости, пустому хвастовству и дружеским, но не рабочим отношениям в правительстве Бориса Джонсона. Прямых номинаций нет или обвинений в некомпетентности нет, но наличествует перечисление неправильных действий при пандемии, повлекших в итоге увеличение количества заболевших, что и расценено говорящим как неспособность справиться с ситуацией.

«Even before the pandemic struck, it was clear that Merkel and others valued quiet, technocratic **competence** while Johnson's administration was built on slogans and myths, rhetoric and promises, prizing chummy loyalty over the hard graft of good governance. But Covid put that contrast in lights. Johnson and his team handled the crisis with an **ineptitude** stunning in its consistency. Even while Italians were screaming from their rooftops that the virus was coming our way and that we had to lock down, Johnson was still bragging about shaking hands and giving the green light to mass gatherings, whether at football matches, pop concerts or the Cheltenham Gold Cup – events that were all later linked to spikes in infection».

Еще один пример из самого частотного политического дискурса снова обнаруживает связь с неискренностью (получение взяток, невыполнение многочисленных обещаний) и с невыполнением работы должным образом (*underdeliver*). Отметим и дополнительные средства представления категории: оценочное имя (*the worst*), обилие сниженной лексики (*fools, pawns*).

«Yeo Cheow Tong & Raymond Lim simply accepted the Transport Minister's post and the million \$ paychecks that came with it till LHL reshuffled the Cabinet & moved them out. Ditto for Khaw who is obviously the worst of the lot, talking big, overpromise, **underdeliver** while allowing SMRT CEO Desmond Kuek to make fools/pawns out of hapless commuters & still make excuses for the latter's

ineptitude».

Однако не только политический дискурс изобилует репрезентантами категории *Incompetence*. В текстах на спортивную тематику также встречается употребление искомым лексем. В приведенном примере видим лексему *ineptitude*, использованную говорящим со значением «неумелость». Отнесена это оценка к группе лиц, а не одному индивиду; интенцией говорящего здесь было указание на то, что подобное положение матчей единственное удачное для таких неумелых игроков, но вполне вероятен и проигрыш.

«With a win, the Buccaneers will play the NFC East champions, a fortuitous spot to be in given their collective **ineptitude**. A loss would send the Buccaneers to the sixth seed – and a tougher matchup in the playoffs».

Еще один пример из спортивного дискурса снова выражает категорию с помощью лексемы *ineptitude*, однако на этот раз относится оценка к деятельности руководства клуба, а не самих игроков. Увольнение Джона Морриса описывается как беспорядочное, плохо проведенное и дилетантское. Подтверждение находим и во фразе «*was handled was very poor*» – это прямое отнесение к некомпетентности, выполнению работы на ненадлежащем уровне.

«It feels like those who have supported John Morris may not have such a comfortable position at the club going forward. It was such a poorly handled **messy, amateurish** sacking and I think it has the potential in some element to cause ongoing concerns for the players at the club. Shaun Johnson stood up and supported John Morris strongly and also at a private meeting where he made it quite clear to the club's management that the way this was handled was very **poor**».

Рассмотрим диалогическую ситуацию, произошедшую между двумя участниками форума на сайте Archinect об архитектуре (archinect.com). Коммуниканты не знакомы друг с другом лично и общаются в первый раз. Автор публикации на форуме просит поделиться изображениями домов определенного типа, однако вместо ожидаемой помощи получает оскорбительные комментарии. Статус коммуникантов изначально неравен –

инициатором общения выступает первый говорящий; интенцией сообщения был запрос на предоставление информации. Коммуникативную ситуацию нельзя назвать нейтральной: участники нарушают речевой этикет.

«S1: I am looking for examples (both “award winning” and plain old regular construction) of tall (30 to 50 foot) single residence buildings. Bonus points for ocean-front, lake-front, or something that was built in order to emphasize a view.

S2: Google it.

S1: Yes, I did. There's reasons to ask on a board, instead of just googling something. Commentary, details, recommendations of artists, etc. Maybe you have some of these things to add?

S2: I do but you should really do your own research.

S1: How is this not “doing research” and why do you assume I haven't done anything beyond asking here?

S2: Because it took us about five minutes of searching google to come up with the results you're looking for. Either you're **inept** and **illiterate** or lazy.

S1: Cool thanks!

S2: If **you don't know** what inept means, ask an online forum».

Общение прекращается, и мы видим, что коммуниканты потерпели коммуникативный провал, произошедший из-за различного понимания некомпетентности. Коммуникатор, оскорбленный предположением реципиента об отсутствии какого-либо исследования домов помимо текущего форума, пытается получить объяснения, по какой причине его считают некомпетентным. Реципиент вновь выражает недоверие и вдобавок оскорбляет адресанта, указывая на его неграмотность и неумелость («*you're inept and illiterate*»). Более того, далее он указывает на отсутствие базовых знаний у адресанта («*you don't know what inept means*») и его неумение самостоятельно искать информацию («*ask an online forum*»). В данном примере содержание «ты некомпетентный» в высказываниях адресата раскрывается полностью – сообщение адресовано первому говорящему и направленно на

него же. Помимо этого, делая заключения о некомпетентности, адресат берет на себя роль авторитетного говорящего, хотя изначально она была у коммуникатора.

В медицинском дискурсе также встречается категория *Incompetence*, однако чаще она выражена базовыми единицами категории и предикативными единицами, и имеет значение «недостаточность».

«The TricValve is a system of two self-expanding biological valves for the treatment of patients with hemodynamically relevant tricuspid **insufficiency** and caval reflux. The TricValve system represents a new technology offering a potentially simple, relatively low-risk yet effective treatment for patients with symptomatic severe tricuspid regurgitation (TR) and heart failure, many of whom harbor anatomy unfavorable for edge-to-edge repair or direct annuloplasty. It allows for all future options as patients stabilize and improve».

Интересен следующий пример, где *insufficiency* является строго медицинским термином, а сама категория выражена без использования лексических единиц, входящих в категорию *incompetence*. Утверждение о дефиците витамина D было опубликовано в Instagram неизвестным автором, что уже делает его некомпетентным, непрофессиональным и неподтвержденным медицинским заявлением. Его прокомментировал психотерапевт П. Саладино, заявив, что поддержание уровня витамина D не единственное что нужно делать для лечения коронавируса, но при этом, посоветовав придерживаться мясной диеты. Однако позже он написал, что ни контент в Instagram, ни в Twitter не должен расцениваться как медицинское предписание, поскольку ни один из этих источников не является релевантным, а он, в качестве психотерапевта может дать лишь совет, но не компетентное терапевтическое заключение. Таким образом, говорящий сам признает себя некомпетентным в данной области.

«The claim: Vitamin D deficiency may account for a majority of COVID deaths. A simple vitamin could prove helpful in the fight against COVID-19, one

Instagram post claims. «Vitamin D **insufficiency**- an easily correctable indicator of metabolic dysfunction-may account for the majority of COVID-19 deaths and yet the mainstream messaging remains fear-based and hysteria promoting. Surprised?» tweet written by Paul Saladino, M.D., and shared on his Instagram page, a post that has been deleted. In his Instagram post, Saladino – a San Diego-based psychiatrist and advocate of the restrictive meat-based «Carnivore» diet – acknowledged that anyone reading the study may infer vitamin D supplementation «is all that is needed to improve COVID outcomes». He expresses skepticism at the thought, but also recommended that individuals worried about the virus «optimize BOTH their 25-OH D levels (above 30ng/ml at least) and their metabolic health». The latter through his prescribed diet. In an email to USA TODAY, Saladino said that neither his post, nor his other Instagram content, should be considered medical advice».

Довольно часто в медицинском дискурсе проявлялись как номинативные, так и предикативные единицы категории (*incompetence, incompetent*). Приведенный ниже пример иллюстрирует не только репрезентацию категории, но и новую тематику – пандемию COVID-19. В течение 2020 года корпусы активно пополнялись текстами и речевыми ситуациями о пандемии и вирусе, о действиях правительства и врачей, предпринятых по этому поводу. Здесь мы видим возмущение, критику и открытые оскорбления политика (высказывание адресовано Б. Паллистеру, канадскому политику консервативной партии). Пример изобилует сниженной лексикой (*lickspittle toadies, stupid*), лексемами с отрицательной оценкой (*fault*). Также присутствует языковая игра: сарказм, что страна побеждает хоть в чем-то – в количестве заболевших («*We're finally #1*»).

«We're finally #1! It took a load of **incompetent** leadership and the support of all the lickspittle toadies in cabinet to get to where we are. How stubborn or stupid can this clown be to disregard the lessons of past waves and the direct advice of many, many frontline medical experts? In his world, it's never his fault—always somebody else's. His **incompetence** is infuriating».

В юридических текстах также возможно найти проявление категории, здесь это чаще обвинение прямой номинацией, нежели просто оценка. В приведенном примере видим, как пострадавшая и ее адвокат обвиняют полицию в некомпетентности и непрофессионализме по причине их неверных действий (был перепутан дом). Женщина также усиливает значение категории, используя качественное прилагательное *reckless*, указывающее на легкомыслие и недостаток рассудка у полицейских.

«A woman spoke out Wednesday nearly two years after Chicago police officers raided the wrong home and handcuffed her. Anjanette Young said she is a private person, but that her privacy was violated Chicago police officers. She said they're guilty of reckless **incompetence** after footage was released of that night. Young's lawyer called it a galling example of police **incompetence** and **unprofessionalism**».

Разберем ситуацию с пострадавшей женщиной подробнее. Выдержки из суда приведены на новостной платформе города Чикаго (wgntv.com/news/chicago-news). Итак, женщина и ее адвокат обвиняют в некомпетентности полицейских города и сам город, подав соответствующие судебные иски после публикации видео о неправомерном и ошибочном задержании.

«No one should have to experience that»: Chicago wrong raid victim speaks out after footage released. A woman spoke out Wednesday nearly two years after Chicago police officers raided the wrong home and handcuffed her. Anjanette Young said she is a private person, but that her privacy was violated Chicago police officers. She said they're guilty of reckless **incompetence** after footage was released of that night. Nearly two years ago on Feb. 21, 2019, the social worker was in her own home when police busted down her door with a search warrant. Footage shows her frightened and naked as she was handcuffed at gunpoint.

«You've got the wrong house, I live alone», she said that night.

Trembling, weeping and pleading for an explanation, she was told to «relax.»

«Relax? You're telling me to relax? You've got the wrong house.» Young said.

She told them 43 times they were in the wrong home. Police had been looking for a suspect they believed had a gun, ammunition and a small number of drugs. He was actually next door and on an electronic monitoring system.

«To have my home invaded the way it was for over 40 minutes», Young said. «To have police officers yelling at me, pointing guns at me, telling me to calm down, making me stand in front of them naked, putting handcuffs on me while I was naked – no one should have to experience that».

Young's lawyer called it a galling example of police **incompetence** and **unprofessionalism**.

«You don't have to be a police officer or detective to know the person you're looking for is next door with an electronic monitoring anklet on his ankle – you don't have to be a crack police officer to figure that out», attorney Keenan Saulter said.

Young and her attorney said the city went to court to keep the video from public view. On Wednesday afternoon, Mayor Lightfoot addressed the fiasco. She apologized directly to Young.

«I was completely and totally appalled as a human being, as a Black woman and a parent, but absent that reality I could have easily been Ms. Young», Lightfoot said.

She said she was blindsided by the video and uninformed by her own corporation counsel and police department.

«If you can hear, my voice is hoarse», Lightfoot said. «I have been unsparing to all in this colossal mess».

COPA claims it is still investigating the situation nearly two years later.

«It's been 20 months since this incident occurred. What's left to investigate?» said Saulter. «She told the story on the video 43 times: you've got the wrong house. They admitted on the video they had the wrong house. There's no need for a further investigation».

The mayor is demanding that COPA swiftly finish its investigation. In the meantime, Young's attorney has pulled a federal lawsuit against the city and police

полицейские же занимают роль авторитетного говорящего по служебному и социальному положению, что позволяет им отрицать пропозиции коммуникатора. Однако после нескольких повторяющихся витков реципиенты заканчивают диалог, соглашаясь наконец с пропозицией «вы некомпетентны», принимая свою ошибку. Реципиенты не только нарушают речевой этикет, но и проявляют агрессию в сторону потерпевшей («*yelling at me, pointing guns at me, telling me to calm down, making me stand in front of them naked, putting handcuffs on me*»). Можем заключить, что в целом коммуникативная ситуация была успешной, хотя многочисленные барьеры присутствуют. Здесь в их качестве выступают негативный/агрессивный эмоциональный фон и недоверие.

Вторая коммуникативная ситуация схожа с первой, но здесь нет барьеров и, следовательно, обусловленных ими повторяющихся витков. Адресант высказывает критику опять же с пропозицией «вы некомпетентны», адресат соглашается, проявляет понимание и сочувствие («*I was completely and totally appalled*») и приносит извинения за произошедшее («*She apologized*»). Кроме того, мэр соглашается и с пропозицией предыдущей ситуации, высказывая критику в адрес полицейских, то есть становится коммуникатором в новой ситуации. Данная ситуация также исключает коммуникативную неудачу, поскольку помимо согласия с пропозицией адресат высказывает как критику, так и предложение исправить сложившуюся ситуацию некомпетентности – закончить расследование дела и удовлетворить иск пострадавшей («*What's left to investigate? There's no need for a further investigation*»). Представим эти две диалогические ситуации также в виде модели (рис.21).

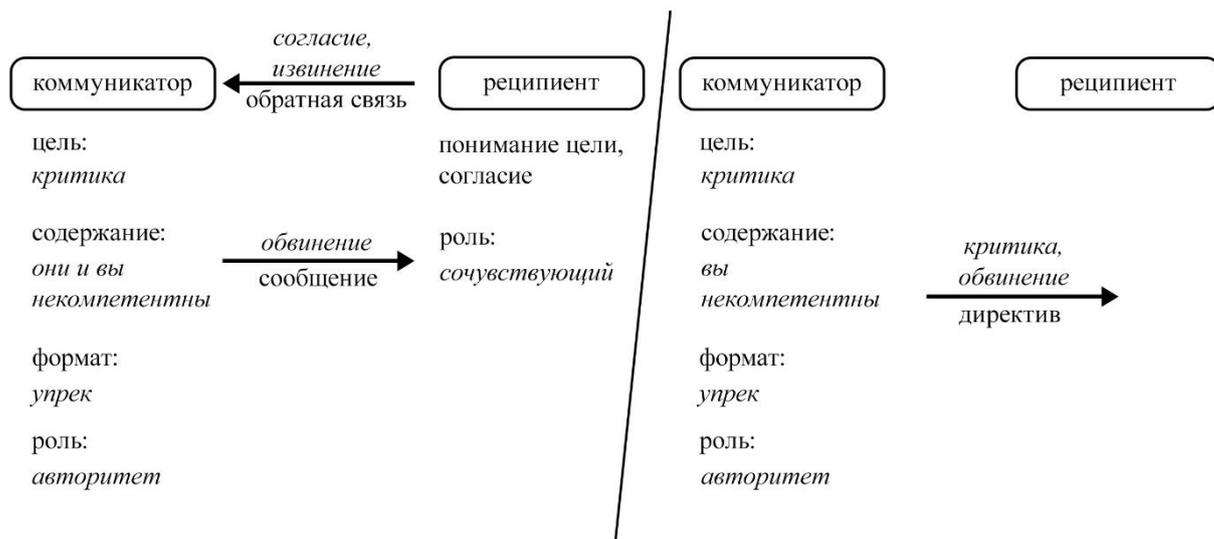

Рис.21 Конечная модель речевой ситуации; модель без обратной связи

Рассмотрим диалогическую ситуацию, произошедшую между двумя женщинами с форума о здоровье и лечении CureZone (curezone.com). Коммуниканты не знакомы друг с другом лично, но по их сообщениям видно, что общаются они не в первый раз, так как обращаются друг к другу по именам. Поскольку разговор происходит посредством компьютера, высказывания формируются дольше, чем в реальности и ответные сообщения приходят с некоторой задержкой. Автор публикации рассказывает о своем методе лечения герпеса – с помощью оливковых листьев, однако вместо ожидаемого восхищения и поддержки получает комментарии полные недоверия и обвинений во лжи. Статус коммуникантов изначально неравен – инициатором общения выступает первый говорящий; интенцией сообщения не были ни критика, ни оскорбление, только предоставление информации. Однако, нейтральной коммуникативную ситуацию назвать нельзя: участники нарушают речевой этикет, используют экспрессивы и сниженную лексику.

«S1: I successfully treat herpes with olive leaf. Where do I get my organic olive leaf from? My own back yard. I have around 20 trees.

S2: Come on Mo. I mean really.....I mean....wtf. Now you just don't have an organic garden..... **Poppycock** is Poppycock.

S1: Do you want photos Barb? Would you then believe. I have 20 olive trees,

4 fig trees, 1 pomegranate, 2 orange, 3 grapefruit, 1 lemon, 5 grape vines, etc. This is not poppycock.

S2: Well..... you got like an organic stand of trees. Um. And I was a forester for 20/yrs..... I mean come on. Don't insult my intelligence.

S1: Well basically you are calling me a **liar** and no one and one can do that. I will post photos of my trees tomorrow on my forum.

S2: Is this what curezone has come to???? **Incompetent** people cutting off twigs and raking leaves from a backyard tree in the middle of Jordan and pawning it off as an incredible herpes or cancer treatment??? The whole notion is just **absurd**».

Общение прекращается, и мы видим, что коммуниканты потерпели коммуникативный провал. Коммуникатор, оскорбленный неверием реципиента, пытается доказать свою правоту, но реципиент не только не верит, но и не желает продолжать общение, оскорбляя адресанта. В данном примере содержание «ты некомпетентный» полностью не раскрывается в высказываниях адресата. Сообщение адресовано первому говорящему, но прямой направленности нет. Уличение в отсутствие знаний и здравого смысла (*absurd*) направленно на людей в целом, а не конкретного индивида («*Incompetent people*»), тем не менее, можем заключить, что первый говорящий принял это сообщение на свой счет и счел дальнейшую коммуникацию излишней. Адресат достаточно резко сменил интенцию с уточнения информации и обвинения во лжи («*Come on Mo. I mean really. Now you just don't have an organic garden*») до критики и оскорбления («*Is this what curezone has come to? Incompetent people*»). Адресант считает коммуникатора некомпетентным не только потому, что у него отсутствуют необходимые для лечения знания, но и потому, что коммуникатору, по мнению адресата, не место на форуме, то есть считает его неподходящим автором/комментатором. Таким образом, понимание вторым говорящим некомпетентности сводится к отсутствию знаний (*lack of knowledge*) и неуместности (*inadequacy*). Помимо этого, делая заключения о некомпетентности, адресат берет на себя роль

авторитетного говорящего, хотя изначально она была у коммуникатора.

Схема данной ситуации будет схожа с ранее описанной конечной схемой.

Обратимся к примеру монологического высказывания. «Скрытый диалог» опубликован журналистом Обри Аллегретти на новостном портале SkyNews (news.sky.com/story). Его основа – пресуппозиция «правительство некомпетентно». О. Аллегретти описывает недовольство британцев выступлением премьер-министра, который не смог правильно рассказать об ограничениях в связи с коронавирусом, а также похожую ситуацию с министром образования. Журналист не выражает своего мнения прямо, тем не менее, приводит высказывания авторитетных людей: заместителей министров, лидеров советов, активно и явно высказывающих критику и недовольство.

«Boris Johnson has apologised for **muddling up** his own coronavirus rules on social gatherings. Labour's deputy leader Angela Rayner accused the prime minister of being «**grossly incompetent**». «The government needs to get a grip,» she said. Shadow justice secretary David Lammy said Mr Johnson's «**incompetence**» was «putting British lives at risk». Earlier on Tuesday morning, education minister Gillian Keegan was **unable** to say whether the new restrictions in the North East stopped people meeting up with other households in a pub garden or in an outdoor seating area of a restaurant. Local council leaders criticised the government's confused messaging over the new restrictions, as well as how the measures were announced on Monday. Gateshead Council leader Martin Gannon said, although he was a life-long Labour supporter, he needed to see better leadership from the Conservatives. «Despite the fact it's Boris Johnson and a Conservative government, we need effective public health messaging. We need strong authoritative voices nationally».

Говорящий аргументирует некомпетентность правительства тем, что ни премьер-министр, ни министр образования не смогли эффективно донести информацию о списке ограничений, путались в ней, тем самым показывая свою некомпетентность и даже подвергали жизни людей опасности.

Высказывание имеет форму констатации факта, но истинная интенция – осуждение третьего лица, критика (*leaders criticised*). Коммуникатор указывает на непрофессионализм правительства и демонстрирует свое критическое отношение посредством просторечных выражений (*muddling up*), количественных наречий (*grossly*). В данном высказывании категория *Некомпетентность* выражена достаточно ярко: неспособность, путаница, замешательство, неэффективность и прямые номинации некомпетентности.

Читатели, принимавшие участие в диалоге, поделились на согласных с точкой зрения журналиста и не согласных. Большая часть реципиентов выражала согласие с высказыванием и авторитетом автора. Реципиенты акцентировали внимание на том, что некомпетентность была более, чем вопиющей, она была злонамеренной («*I prefer to think of it as «maliciously incompetent»*). Другие адресаты связывали это с обманом («*Incompetence and deceit appear to be the main characteristics of this government*») и недоумевали, как такое могло произойти, указывая на несправедливость, намекая на профессиональную непригодность работников правительства («*If i was this incompetent i would lose my job. How does it work for politicians?»*).

Читатели, не согласные с монологом журналиста, оправдывали премьер-министра «*He wasn't the only one getting confused about the rules.*». Некоторые давали советы, отмечая, что подготовка речи не входит в поле деятельности министра «*He should see whether he can go and have a word with whoever is in charge, to help clear up some of that confusion.*», а другие утверждали, что премьер-министр компетентен и эффективно работает, призывали вспомнить, что именно недовольные сейчас жители и выбрали его «*Get Brexit done was the reason he achieved an 80 seat majority. We get what we voted for.*».

Таким образом, читатели не воспринимали высказывания о некомпетентности в случае, если, по их мнению, у третьего лица были заслуги в прошлом, а подобное недоразумение могло произойти с любым по ошибке. Здесь не столько разница в составляющих категории, сколько ее расширение:

некомпетентный есть совершающий ошибки в своей области регулярно.

Данное монологическое высказывание и реакции на него развиваются согласно раздвоенной схеме речевой ситуации, описанной ранее.

Рассмотрим еще одну коммуникативную ситуацию, взятую с форума о политике (politicalforum.com). Тематически она относится к политическому дискурсу и разворачивалась на политическом форуме. Говорящие обсуждают миграционную политику Дж. Байдена. Их диалог иногда прерывается высказываниями других участников, однако нами были отобраны именно диалогические реплики. Стоит отметить, что ситуация, опять же, развивалась в интернет-пространстве, но при этом время отправления сообщений на форум показывает, что задержка между репликами была минимальной, то есть мы можем наблюдать практически живое общение. Хотя говорящие не знакомы друг с другом, они нарушают речевой этикет в самом начале ситуации и не соблюдают его в дальнейшем.

«S1: Even Mitt tearing into mayorkas:

this is just one the things Biden is failing at, **failures** are just piling up. This administration will send us back to the dark ages. All a bunch of radical, anti-america, socialist, **incompetent**, race hustlers. Biden is the first step to self-destruction from within. A weak old man who isn't known to be sharpest tool in the shed, being led by a group of **incompetent** socialists.

S2: So your upset that Biden is catching people trying to cross our borders, do you want them to succeed?

S1: lol.. Biden himself is catching people at the border? that's due to a remarkable increase in illegals trying to come in and many of them are released into the country. good to see you support this crisis... trump had this under control. read up on what's happening, educate yourself. No, members of the Border Patrol are catching a lot more migrants because Biden told them to surge to the southern border. This consequently has resulted in overpacked detention centers during a pandemic. And none of you are criticizing Biden over this clear-cut **failure**, putting

Americans and migrants lives in danger over his **careless** rhetoric and his asinine policies. it's **incompetence** to the maximum degree. These western/european ancestor haters, anti-american socialists are going to run US into the ground. The total **disaster** at the border is a leading indicator of what's coming. Biden **incompetent**, radical cabinet has already impacted border in disastrous ways. Economy is next but biden is still enjoying the trump economy and mass vaccination effect (thanks to trump). Oil is already being impacted by radical, impractical energy policies but biden still hasn't had a chance to sign into law his disastrous tax hike policies and other **dumb, ill advised** policies. How they so quickly messed up the border after trump cleaned it up is a sign of what's to come once biden and his socialists make changes elsewhere. what an incompetent disaster of an administration.

S2: Do you really believe what you posted?

S1: Why think for ones self when it has already been done for you? The pot is calling the kettle a **hypocrite!**

S2: Which doesn't negate the fact that it's right no matter how much you want it too.

S1: Huh! Do you mean right about Ds and Rs being **hypocrites** when it comes to illegal immigration?

S2: That and the fact that trump employs illegals».

Далее речевая ситуация немного меняет тематику: говорящие начинают обсуждение честности/нечестности политических партий, сохраняя при этом модель коммуникативной ситуации – циклическую. Коммуниканты не соглашаются друг с другом, не понимают смысла высказываний, меняют тему разговора. Речевая ситуация, несмотря на долгое развитие, обречена на коммуникативный провал.

Первый говорящий определяет некомпетентность правительства как череду накапливающихся неудач («*Biden is failing at, failures are just piling up*»), слабость и глупость («*A weak old man who isn't known to be sharpest tool in the*

shed», «*dumb, ill*»), отсутствие лидерства (*being led by a group*), неумение сохранить то, что было сделано до («*they so quickly messed up*»), а также снова связывает категорию с неискренностью («*hustler*»). Для этого он использует не только номинации, но и языковую игру – изменяет идиому «*The pot is calling the kettle black*» («*The pot is calling the kettle a hypocrite*»).

Коммуникатор занимает авторитетную позицию, поскольку обсуждение начато им. Он не только активно выражает свою позицию, но и навязывает ее собеседнику, называя того некомпетентным («*read up on what's happening, educate yourself*», «*Why think for ones self when it has already been done for you?*»). Таким образом, адресант имеет сразу две пропозиции: «они некомпетентны», обращенную к администрации президента США, и «ты некомпетентен», нацеленную на собеседника. В случае второй пропозиции целью здесь является не только критика, но и попытка склонить собеседника на свою сторону, предложение узнать больше информации по теме обсуждения и даже оскорбление, а именно намек на неспособность самостоятельно мыслить.

Реципиент не воспринимает высказывания адресанта, не понимает их и смеется над говорящим («*lol*»). Он не соглашается с точкой зрения и пропозицией коммуникатора «они некомпетентны», при этом упускает его вторую пропозицию, не реагируя на нее. Модель ситуации здесь круговая и зацикленная, так как ни роли, ни интенции участников ситуации не меняются, повторяясь виток за витком.

В данной ситуации оба говорящих некомпетентны, так как ни один из них не является политологом и не связан с политической деятельностью. Говорящие судят о событиях, опираясь на противоречивые источники, что обеспечивает им разные референции. Неспособность настроиться на мир другого, понять пропозиции и цели, неадекватная интерпретация высказывания (появление «иных» смыслов) и негативный эмоциональный фон повлекли зацикленность ситуации и в последствии коммуникативную

неудачу.

Рассмотрим речевые ситуации, примечательные тем, что коммуникатор сам признает себе некомпетентным, выстраивая на этом коммуникацию. Это ситуации просьбы о помощи, совете, мнении со стороны. Примеры были найдены на форуме взаимопомощи, вопросов и ответов Quora (quora.com).

Речевые ситуации такого рода всегда имеют одну и ту же модель. Адресант задает вопрос с просьбой о помощи; адресат выражает мнение и дает совет. Коммуникация в таком случае всегда успешна, поскольку какие-либо барьеры отсутствуют. Адресант возлагает роль авторитетного говорящего на адресата. В большинстве случаев реципиентов будет несколько, однако их цели и пропозиции схожи. Ситуация подвержена строгому соблюдению речевого этикета и нейтральному либо положительному эмоциональному фону. Приведем несколько примеров такой ситуации.

«S1: I **don't know how to** deal with girls, I don't know how to get female friends, I can't be myself when I am around girls, what should I do?

S2: Definitely get some confidence. Females are human beings just like you. They have flaws, quirks, and grossness about them as well. Don't put women so high up on a pedestal that you can't even interact with them. Learn what you like and who you really are, then approach females as that person... yourself. If they reject you, it's their loss.

S3: Stop trying to be someone other than yourself. Girls will either like you for who you are or they won't. If you put up a false persona it will eventually fall away and they will see the «real» you anyway. So just relax and realize it's not a good thing to put girls on a pedestal. They worry about the opposite sex just as much as boys.

S4: The best way expand your comfort zone is to stretch yourself outside of it. You won't learn to deal with women by reading a book, watching an instruction video, writing an algorithm, listening to podcasts, or thinking about it until you pop a blood vessel. You can only learn to communicate with women by doing it until it

isn't uncomfortable anymore».

Говорящий, задающий вопрос, признает себя некомпетентным, а именно неспособным к общению с девушками, поскольку у него отсутствуют знания и опыт такого общения («*I don't know how to deal with girls*»). Реципиенты дают различные советы, общая черта которых форма – все это директивы. Адресаты советуют учиться («*learn to communicate*»), расслабиться и понять, что не стоит возвеличивать девушек при общении («*relax and realize*»), перестать выдавать себя за другого («*stop trying to be someone other than yourself*») и так далее. В высказываниях нет критики или оскорблений, только указания.

В следующем примере адресант спрашивает, как ему перестать чувствовать себя некомпетентным. Адресаты на пропозицию «я некомпетентен» отвечают схожими высказываниями. Все они в форме директива. Кроме того, реципиенты полноценно раскрывают категорию, указывая на недостаток знаний, навыков, опыта у коммуникатора. Также они подчеркивают важность качественного выполнения работы («*If you don't then you should leave*») и уверенности в себе («*stop judging yourself*»). Все говорящие избегают грубых, сниженных слов и критических замечаний.

«S1: How do I stop feeling **incompetent**?

S2: It requires you to learn to stop judging yourself. Understand that it is enough when you do your best with what you have, where you are and when you can. You don't need to pressure yourself further, or try to make things happen when it is not conducive to do so. It is also worth reminding yourself that it is most unkind and unhelpful when you label yourself **incompetent**.

S3: The question seems to come from the feeling you have been embarrassed by your **lack of skill, lack of knowledge** or both. You will stop feeling incompetent when you master you knowledge or skill about whatever it is you are feeling incompetent about.

S4: First you don't tolerate it. Know what the job is, know what a good result is, work to this result. Test by asking others if necessary. The best is when it is just

you, so you can do all this faster and iteratively and quickly. Of course you can be somewhat **incompetent** when you start but the good ones, quickly adjust and become competent and better. If you don't then you should leave».

Приведенные речевые ситуации можно представить в виде следующей обобщенной модели (рис.22).

Рис.22 Конечная модель речевой ситуации

Она конечная: коммуникация заканчивается на обратной связи участников коммуникации. В диалоге возможны уточняющие вопросы и ответы, тем не менее подобная схема будет сохраняться для всех ситуаций, где коммуникатор признается в собственной некомпетентности. Важно отметить, что в такого рода коммуникативных ситуациях практически исключена критика и оскорбления, в сравнении с другими ситуациями, поскольку некомпетентность первого говорящего констатируется сразу. Успех коммуникации обеспечен доброжелательным эмоциональным фоном и желанием говорящих понять пропозиции друг друга и поделиться знаниями.

Категории *Некомпетентность* и *Incompetence* репрезентируются в обоих языках во всех видах дискурса, при помощи как номинативных, так и предикативных единиц. Наиболее частотными являются языковые единицы базового уровня, значение которых расширяется и углубляется при помощи субординатных единиц. Имена категорий в речи встречаются также нередко, появляясь не только институциональном (публицистическом, политическом, педагогическом и художественном), но и в разговорно-бытовом дискурсах.

Речевые ситуации разных типов в русском и английском языках обнаруживают сходство структуры и модели, одинаковые пропозиции

говорящих и паттерны их поведения.

По сравнению с российским коммуникативным пространством говорящие в англоязычных примерах более открыты и доброжелательны, они не игнорируют цель и просьбы говорящего, не критикуют/оскорбляют его, отвечают строго на заданный вопрос. Коммуникативные же ситуации подобного рода в российском коммуникативном пространстве характеризуются агрессией, непониманием целей и пропозиций коммуникатора, использованием сниженной и просторечной лексики. Также они чаще закачиваются неудачей, дискредитацией одной из сторон.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Проведенный дефиниционный анализ репрезентирующих категорию *Incompetence* лексем позволил сделать вывод о том, что в отличие от русского языка определения в английском языке редко строятся на отсылке к прилагательному *incompetent* и, таким образом, на профилировании деривационных отношений между номинативной и предикативной (признаковой) единицами.

В английском языке, как и в русском, категория является полисемантической, ее имя имеет два основных значения: недостаток способностей, умений, знаний для успешного выполнения чего-либо и функциональная недостаточность какого-либо органа.

Для некомпетентности в русском второе, медицинское, значение является редким, в большинстве контекстов она актуализируется как «недееспособность, неспособность нести ответственность за свои действия».

Рассмотрев все определения, включая дефиниции в специализированных словарях, мы установили общие признаки категорий: *недостаток, неспособность*. Данные признаки могут дополнять друг друга (когда речь идет о недостатке способностей) или уточняться с помощью иных показателей: недостаток умений, знаний, реже полномочий, прав; неспособность к выполнению каких-то обязанностей и пр. В целом дефиниции в англоязычных словарях дают меньше узкоспециализированных экспликаций, но при этом они более детализированы, в них отсутствуют антонимичные и циклические определения.

Согласно собранным данным и проведенному анализу ядерная зона категории *Incompetence* включает пять концептов: *lack of ability, knowledge, function, skill, adequacy*; *lack of ability* является ее прототипом.

Лексический состав категории обширен и представлен в основном базовым уровнем категоризации, при этом ее низший уровень более многочислен, чем у категории *Некомпетентность* и содержит больше

фразеологизмов и идиом.

Результаты корпусного анализа показали, что репрезентаты категории *Incompetence* более частотны, чем у *Некомпетентность*: частота их употребления выше в несколько раз. Обращение к соответствующим кластерам и тематическим рубрикам позволяет утверждать, что основная сфера реализации категории – это политика, деятельность административных органов, судов, политических партий и отдельных персоналий. Изучаемая категория появляется в статьях, интервью и форумах, посвященных общественно-политической жизни, в институциональных жанрах электронной коммуникации, в личной переписке и в художественной литературе. Распределение частотности по хронологической шкале показало практически одинаковые пики с русскоязычным корпусом (кризисные моменты в мире), что дает нам понимание об особом месте категории в сознании и культуре – она отражает положение дел в обществе, а частотность появления составляющих ее лексических единиц и образований является показателем кризисов в определенных аспектах экономической, политической и социальной жизни.

Сочетаемость категории *Incompetence* с прилагательными и наречиями схожа с сочетаемостью категории *Некомпетентность* в русском языке: негативно окрашенные оценочные прилагательные помогают указывать на степень/уровень некомпетентности, а качественные прилагательные степени и образа действия описывают ее область/сферу. Подобные паттерны сочетаемости фиксируются также с существительными (некомпетентность (+ сфера) + лицо/должность) и с глаголами (демонстрировать + некомпетентность, уличать/обвинять + некомпетентность). Категория *Incompetence* связана с категорией *Insincerity*, о чем говорят многочисленные коллокации с репрезентатами этой категории.

Категории *Некомпетентность* и *Incompetence* репрезентируются в обоих языках во всех видах дискурса, тем не менее, наиболее частотными типами

дискурса являются политический, профессионально-ориентированный и разговорно-бытовой. Категории выражены в языке при помощи как номинативных, так и предикативных единиц. Чаще других встречаются языковые единицы, соответствующие концептам базового уровня, значение которых уточняется и расширяется при помощи лексики, актуализирующей субординатный уровень. Имена категорий в речи также нередки: они появляются в институциональном дискурсе наравне с разговорно-бытовым.

Изучение различных речевых ситуаций в русском и английском языках позволило обнаружить близость трех основных моделей репрезентации категорий, наличие одинаковых пропозиций говорящих и схожесть паттернов поведения. При этом англоязычное коммуникативное пространство можно охарактеризовать как более доброжелательное, чем российское. Говорящие не игнорируют цель и/или просьбы собеседника, не критикуют его без причины, не оскорбляют оппонентов, отвечают строго на заданный вопрос в соответствии с целью. Ситуации подобного типа в российском коммуникативном пространстве характеризуются агрессией, непониманием целей и пропозиций коммуникатора, использованием сниженной и просторечной лексики. Также они намного чаще закачиваются неудачей, дискредитацией одной из сторон.

В целом, однако, *Некомпетентность* и *Incompetence*, будучи негативно-оценочными категориями, подразумевают постановку участниками коммуникативной ситуации целей, не направленных на достижение консенсуса, использование агрессивных и/или критичных высказываний, а также сниженной и даже обценной лексики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная работа показала, что категория *Некомпетентность* универсальна и является неким социальным маркером: ее частота напрямую зависит от ситуации в стране и мире, что находит отражение во всех жанрах текста и типах дискурса.

В англоязычном коммуникативном пространстве категория более частотна. Несмотря на отличающийся компонентный семантический состав, обе категории оценочные и описывают личное качество человека. Так, у категории *Incompetence* в семантическом ядре меньше компонентов и фокус смещен на *lack of ability* (отсутствие/недостаток способностей/возможностей), тогда как в категории *Некомпетентность* компонентов больше, наличествуют некоторые, не упомянутые в английской категории, и фокусировка происходит на отсутствии/недостатке знаний.

Важным фактором является и само восприятие некомпетентности, выраженное в словарных определениях: для русского языка это отсутствие какого-либо параметра (знаний, навыков, авторитета и т.д.), для английского же типично влияние отсутствия этого параметра на выполненную работу: недостаточное, плохое ее качество. Более того, в английском языке категория *Incompetence* может описывать не только качество выполнения работы человеком, но и качественное состояние человеческих органов – их неспособность функционировать правильно, что также увеличивает значимость и встречаемость категории в речи. В то же время, паттерны сочетаемости категории в значении «качество человека» крайне схожи: прилагательное + некомпетентность, наречие + некомпетентность, где негативно окрашенные оценочные прилагательные помогают указывать на степень/уровень некомпетентности, а качественные прилагательные степени и образа действия описывают ее область. Похожи схемы сочетаемости и с существительными: некомпетентность (+ область) + лицо/должность, и с

глаголами: демонстрировать + некомпетентность, уличать/обвинять + некомпетентность. Обе категории связаны с категориями *Неискренность* и *Insincerity*, о чем говорят многочисленные коллокации с репрезентантами этой категории.

Что касается коммуникативных ситуаций, тут категории могут быть выражены имплицитно и эксплицитно при помощи большой вариативности лексических средств. Категории будут использованы в функциональном качестве: оценки, дескриптивной характеристики и инвективы. Проанализировав речевые ситуации, мы выяснили, что при наличии категорий в коммуникации в большинстве случаев неизбежен коммуникативный провал. Одна из ситуаций, когда этого практически не происходит – ситуация просьбы о помощи, когда коммуникатор сам оценивает себя как некомпетентного. Все речевые ситуации сопровождаются коммуникативными барьерами, в качестве основных можно выделить некомпетентность участников ситуации и негативно-агрессивный эмоциональный фон. Было обнаружено, что в российском коммуникативном пространстве последний фактор встречается чаще и даже в ситуации просьбы о помощи реципиенты могут перейти к насмешкам и оскорблениям вместо помощи и советов, спровоцировав коммуникативный провал. Таким образом, категории *Incompetence* и *Некомпетентность* способствуют выражению речевой агрессии.

Некомпетентность меняет структуру базисной коммуникативной модели: сохраняя ключевые элементы (коммуникатор, реципиент, сообщение), она добавляет коммуникативные барьеры, интенции, роли. Для исследованных речевых ситуаций нами было выделено три модели коммуникации, встречающихся в обоих языках: циклическая, когда одни и те же цели говорящих повторяются виток за витком и коммуникацию сложно оборвать; конечная, когда либо достигнуто согласие, либо произошла коммуникативная неудача, и коммуникацию завершил один из участников; раздвоенная, когда исход ситуации зависит от реакции реципиента. Эти модели являются

базовыми и подходят всем типам дискурса. Установлено, что некомпетентность влияет как на адресанта, так и адресата. Решающую позицию занимает авторитетный участник – именно он проецирует категорию в коммуникацию, при этом это может не быть его изначальной целью.

Настоящее диссертационное исследование позволяет наметить дальнейшие перспективы в изучении феномена некомпетентности с лингвистической точки зрения. В дальнейшем возможно расширение выделенных моделей речевых ситуаций, а также выявление новых, с учетом определенных видов дискурса, учетом типа коммуникации и гендерного фактора. Немаловажным видится изучение репрезентации некомпетентности в других языках. Последующие исследования могут приобрести междисциплинарный статус. В частности, представляется целесообразным изучать некомпетентность в рамках психолингвистики и более углубленно в рамках коммуникативистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. В. Арнольд. - Л., 1966. - 33 с.
2. Арустамян, Д. В. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале английского языка) [Текст] / Д. В. Арустамян, Е. А. Дроздова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4(137). – С. 203-207.
3. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982 / ответственный редактор В. П. Григорьев ; Академия наук СССР, Институт русского языка. – Москва : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН «Издательство «Наука», 1984. – С. 5-23.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016. – 416 с.
6. Безюлева, Г. В. Профессиональная компетентность специалиста: взгляд психолога [Текст] / Г. В. Безюлева // Профессиональное образование. – 2005. – № 12. – С. 24-25.
7. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 11-16.
8. Болдырев, Н. Н. Модусные категории в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной / Федеральное агентство

по образованию; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Факультет иностранных языков. – Санкт-Петербург : Тригон, 2005. – С. 31-46.

9. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.

10. Болотова, С. К. Личные существительные с приставкой не: кто такой неинженер [Текст] / С. К. Болотова, Л. А. Гусева // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №1. – С. 120-126.

11. Брунер, Дж. Психология познания [Текст] / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 416 с.

12. Буздова, А. З. Сравнительный анализ: профессионализм, компетентность, профессиональная компетентность [Текст] / А. З. Буздова, Р. Р. Саральпов // Вопросы и проблемы экономики и менеджмента в современном мире: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Омск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. – С. 265-267.

13. Васильев, Л. М. Актуальные вопросы общего и типологического языкознания. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 149 с.

14. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] [Текст] / Анна Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. слов., 1996. - 411 с.

15. Виноградов, В. В. Избранные труды : Исследования по русской грамматике [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : МАИК «Наука/Интерпериодика», 1975. – 559 с.

16. Витвицкая, Л. А. Взаимодействие субъектов образовательного процесса [Текст] / Л. А. Витвицкая // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 10-1(48). – С. 77-82.

17. Волкова, О. С. О тактиках толерантного речевого поведения в коммуникативной ситуации «Конфликт» [Текст] / О. С. Волкова // Вестник

ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2008. – № 2. – С. 137—141.

18. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф ; Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Челышевой. – Изд. 4-е. – М. : URSS, 2009. – 278 с.

19. Воркачев, С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память [Текст] / С. Г. Воркачев, Г. В. Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2000. – С. 90-102.

20. Всеволодова, М. В. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума) [Текст] / М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева. - М.: Крон-пресс, 1997. – 176 с.

21. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. – М.: URSS, 2010. –264 с.

22. Голованова, Е. И. О словаре английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности [Текст] / Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры : сборник статей к 90-летию профессора А. М. Чепасовой / Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск : Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2017. – С. 37-48.

23. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход [под ред. В. И. Заботкиной]. - М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. - С. 39-80.

24. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы [Текст] / В. Е. Гольдин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 136 с.

25. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа

лингвистической креативности: экспериментальные данные [Текст] / Т. А. Гридина // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148-157.

26. Гурочкина, А. Г. Когнитивный и прагмасемантический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 (050300) – Филологическое образование [Текст] / А. Г. Гурочкина ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2005. – 102 с.

27. Гусаров, Д. А. От прагматики высказывания к прагматике перевода [Текст] / Д. А. Гусаров // Вестник Военного университета. – 2008. – № 4(16). – С. 102-108.

28. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук [Электронный ресурс] / Дзюба Е. В. – Екатеринбург, 2016. – Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5230/1/mon00036.pdf>

29. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН «Издательство «Наука», 1993. – С. 30-64.

30. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН «Издательство «Наука», 1993. – С. 30-64.

31. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды [Текст] / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 418 с.
32. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36-44.
33. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика [Текст] / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
34. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. [Текст] / В. П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
35. Захаров, В. П. Прологомены к корпусной лингвистике / В. П. Захаров // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №2 (28). – С. 150-160. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolegomeny-k-korpusnoy-lingvistike>
36. Зеер, Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: Учеб. пособие [Текст] / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Э. Э. Сыманюк. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005. – 216 с.
37. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании [Текст] / И. А. Зимняя. – Москва : РГБ, 2008. – 30 с.
38. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С.34-42.
39. Иванкина, Л. И. Тенденции современного образования и проблема целостного развития личности / Л. И. Иванкина // Известия Томского политехнического университета. – 2003. – Т. 306. – № 3. – С. 132-140.
40. Ильина, В. А. Словарная статья как способ описания содержания общечеловеческой ценности / В. А. Ильина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – № 1. – С. 104-112.
41. Ипатова, Н. А. Дискурсивная модель профессионального сообщества

[Текст] / Н. А. Ипатова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – № 3. – С. 82-93.

42. Иссерс, О. С. Речевое воздействие [Текст] / О. С. Иссерс. – 5-е издание. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2020. – 240 с.

43. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик // Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с.

44. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобзева. – М.: УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.

45. Комина, Н. А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук. [Электронный ресурс] / Н. А. Комина. – Калинин, 1984. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticeskii-aspekt-angliiskoi-dialogicheskoi-rechi>

46. Кормилицына, М. А. Коммуникативная компетенция: проблемы типологии ее составляющих и их роли в дискурсах разных типов [Текст] / М. А. Кормилицына, Е. П. Захарова, О. Б. Сиротинина // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы, Москва, 20–23 марта 2010 года. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010. – С. 115-116.

47. Коробкова, О. Ф. Содержание понятий «коммуникативная компетенция», «коммуникативные навыки» и «речевые навыки» в современной нормативной документации и научной литературе [Текст] / О. Ф. Коробкова // Специальное образование. – 2010. – № 3. – С. 29-41.

48. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

49. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст]

/ Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 159 с.

50. Кузнецов, А. М. Глагол to be и его лексико-семантические эквиваленты в современном английском языке // Категория обладания в языке. – М., 1977. – С. 35–48.

51. Кузьмина, Н. В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования [Текст] / Н. В. Кузьмина. – М.: РГБ, 2004. – 144 с.

52. Кукушкина, О. В. Основные типы речевых неудач в письменных текстах [Текст] / О. В. Кукушкина. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 285 с.

53. Курьянович, А.В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации [Текст] / А. В. Курьянович // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2005. – № 3(48). – С. 106-112.

54. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Джордж Лакофф [Пер. с англ. И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

55. Литвиненко, Т. Е. Прототипичность vs. Инвариантность в определении текста [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2(18). – С. 140-147.

56. Литвинюк, А. А. Управление персоналом: учебник для бакалавров, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 100700.62 - Торговое дело [Текст] /А. А. Литвинюк. – М.: Юрайт, 2012. – 434 с.

57. Маркова, А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.

58. Матезиус, В. Язык и стиль / В. Матезиус // Избранные труды по языкознанию : пер. с чеш., англ. / закл. ст. Д. В. Сичинавы. - М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 54–133.

59. Мерцалова, С. Л. Коммуникативная компетенция как основа успеха

профессиональной адаптации [Текст] /С. Л. Мерцалова, И. В. Карпова, Н. А. Мартынова // Наука и образование XXI века –2014. –Уфа: ООО «Аэтерна», 2014. – С. 122-126.

60. Моисеева, И. Ю. Притчи как средство развития ценностных ориентаций студентов [Текст] / И. Ю. Моисеева, Т. Г. Нестерова // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4. – С. 148-154.

61. Молодкин, А. М. Корпусная лингвистика в современном научном контексте: теория или методология? / А. М. Молодкин // Язык науки и профессиональная коммуникация: сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2019. – Вып.1. – С. 30-39.

62. Мыркин, В. Я. Понятие vs. концепт; текст vs. дискурс; языковая картина мира vs. речевая картина мира / В. Я. Мыркин // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т.В. Симашко.– Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2002. – С. 46-47.

63. Найда, Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения / Ю. А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. - М. : Прогресс, 1983. - Вып. XIV : Проблемы и методы лексикографии. - С. 61-74.

64. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка [Текст] : о соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов, [предисл. Б. В. Бирюкова]. - Москва : Наука, 1974. - 272 с.

65. Новодранова, В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине [Текст] / В. Ф. Новодранова // Проблемы психолингвистики : теория и эксперимент : сборник научных трудов / Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Издательский дом «Гуманитарий», 2001. – С. 247-251.

66. Плотникова, А. М. Профессиональная некомпетентность как поле языковой игры [Текст] / А. М. Плотникова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2016. – №

2. – С. 192-198.

67. Принципы и методы семантических исследований [Текст] / Ред. коллегия: В. Н. Ярцева (отв. ред.) ; АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва : Наука, 1976. - 377 с.

68. Пучкова, И. М. Психологическая готовность к профессиональной деятельности и профессиональная компетентность [Текст] / И. М. Пучкова // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Мат-лы участников съезда. Т. II. – М. : Российское психологическое общество, 2012 –166 с.

69. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие, реализация [Текст] / Дж. Равен. – М. : 2002. – 396 с.

70. Ремизова, В. Ф. Концепт vs. Ценность [Текст] / В. Ф. Ремизова, Н. Г. Костина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 01–03 февраля 2017 года / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. – С. 2612-2619.

71. Ремизова, В. Ф. Тренинг иноязычного делового общения как инструмент формирования коммуникативной компетентности [Текст] / В. Ф. Ремизова, Н. Г. Костина, И. В. Назарова, О. В. Досковская //Актуальные проблемы торгово-экономической деятельности и образования в современных условиях: электронный сборник научных трудов Восьмой международной научно-практической конференции. – Оренбург: Оренбургский филиал РГТЭУ, 2013. – С. 484-509.

72. Родермель, Т. А. Соотношение понятий «профессионализм» и «компетентность» в современном культурном контексте / Т. А. Родермель // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 3(103). – С. 59-63.

73. Розен, Е. В. Когнитивные свойства лексической аллюзии [Текст] / Е.

В. Розен // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь : ТГУ, 1991. – С.62-67.

74. Рунова, С. А. Коммуникативная компетенция учителя как основополагающая его профессионализма [Текст] / С. А. Рунова // NovaInfo.Ru. – 2014. – № 26. – С. 136-142.

75. Русская грамматика. Т.2. [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Ю. Шведовой. -М. : Наука, 1980. – Режим доступа: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5314>

76. Сафонова, О. Н. Коммуникативная компетенция как составляющая профессионально-этической направленности личности будущего экономиста [Электронный ресурс] / О. Н. Сафонова, Н. С. Шумилина // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24715>

77. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1975. – С. 240.

78. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 959 с.

79. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

80. Стернин, И. А. Анализ коммуникативных ситуаций [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2013. – 50 с.

81. Сучкова, Г. М. Прагматические аспекты речевого взаимодействия. Паттерны коммуникации / Г. М. Сучкова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. – № 5. – С. 137-142.

82. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1 (15). – С. 9-17.

83. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания.

– М. : Наука, 1986. – 141 с.

84. Формановская, Н. И. К уточнению понятия «экспрессивные речевые акты» [Текст] / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 4. – С. 40-45.

85. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой поведения: 2-е., изд., доп. и испр. [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: ИКАР, 2010. – 237 с.

86. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 213 с.

87. Формановская, Н. И. Речевой этикет в русском общении [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: ВК, 2009. – 333 с.

88. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Юрген Хабермас // *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* : Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 377 с.

89. Хакимзянов, Р. Н. Эмоционально-волевая компетентность как фактор развития профессионализма [Текст] / Р. Н. Хакимзянов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 8. – С. 59-64.

90. Хомский, Н. Синтаксические структуры [Текст] / Хомский Н. // Новое в лингвистике. Вып. 1 – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 130 с.

91. Хомский, Н. Язык и мышление [Текст] / Хомский Н. – Изд. МГУ, – М. 1972. – 123 с.

92. Хуторской, А. В. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования [Текст] / А. В. Хуторский // под ред. А.А. Орлова. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008. – Вып. 1. – С. 117–137.

93. Чернявская, В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности

качественного и количественного подходов [Текст] / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 31-37.

94. Шарандин, А. Л. Лексическая категоризация времени и ментальность [Текст] / А. Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2011. – № 2(14). – С. 11-16.

95. Шахматова, Т. С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения [Текст] / Т. С. Шахматова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 267-278.

96. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия [Текст] / Ю. В. Щербинина. – М.: URSS, 2006. – 360 с.

97. Якоба, И. А. Особенности интернет-коммуникации (социологический, лингвистический, гендерный аспекты) [Электронный ресурс] / И. А. Якоба // Вестник ИрГТУ, 2012. – №3(62). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-sotsiologicheskii-lingvisticheskiy-gendernyy-aspekty>

98. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

99. Baker, P. Glossary of Corpus Linguistics [Текст] / P. Baker, A. Hardie, T. McEnery. Edinburgh University Press, 2006. – 192 p.

100. Baroni, M. Wacky! Working Papers on the Web as Corpus [Электронный ресурс] / M. Baroni, S. Bernandini. – 2006. – Режим доступа: <http://wackybook.sslmit.unibo.it>

101. Biber, D. Corpus Linguistics: Investigating [Текст] / D. Biber, S. Conrad, R. Reppen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 300 p.

102. Boyatzis, R. E. The competent manager: A model for effective performance [Текст] / R.E. Boyatzis. – New York: John Wiley and Sons. – 1982. – 340 с.

103. Burgoyne, J. Evaluation of Training and Education: Micro and Macro Perspectives [Текст] / J. Burgoyne, R. Singh // Journal of European Industrial

Training. – 1977. – Vol.1. – P. 17–21.

104. Cockerill, T. Managerial competencies: fact or fiction? [Текст] / T. Cockerill, J. Hunt, H. Schroder // Business Strategy Review. –1995. –Vol. 6. – P. 1-13.

105. Finegan, E. Language: its structure and use [Текст] / E. Finegan. N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004. – 611 p.

106. Gatto, M. The Web as Corpus: theory and practice [Текст] / M. Gatto. - Bloomsbury Academic : London, New York, 2014. – 256 p.

107. Granger, S. Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies [Текст] / S. Granger, J. Lerot, S. Petch-Tyson. – Amsterdam: Rodopi, 2003.

108. Hunston, S. Corpora in Applied Linguistics [Текст] / S. Hunston. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

109. Jacobs, R. Getting the Measure of Managerial Competence [Текст] / R. Jacobs // Personnel Management. –1989. –Vol.21(6). – P. 32-37.

110. Kennedy, G. An Introduction to Corpus Linguistics [Текст] / G. Kennedy. – London: Longman, 1998.

111. Kenworthy, J. Competence and Competency. What are they and how do they affect performance? [Электронный ресурс] / J. Kenworthy. ,2008. – Режим доступа: <https://medium.com/leadership-advantagededge/what-are-competence-and-competency-3b4d1d45af69>

112. Kilgariff, A. Web as Corpus [Электронный ресурс] / A. Kilgariff. – Режим доступа: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2003/CL2001%20conference/papers/kilgarri.pdf>

113. Kleiber, G. Prototype et prototypes: encore une affaire de famille [Текст] / G. Kleiber // Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité. Paris : CNRS, 1991. – P. 108-129.

114. Labov, W. Principles of Linguistic Change: Internal factors [Текст] / W. Labov. – Oxford: Basil Blackwell, 1994.

115. Labov, W. The boundaries of words and their meaning [Текст] / W. Labov // New ways of analyzing variation in English. C. Bailey, R. Shuy (eds.). – Washington DC : Georgetown University Press, 1973. – P. 340-373.
116. McAuley, E. Long-term maintenance of exercise, self-efficacy, and physiological change in older adults [Текст] / E. McAuley, C. Lox, T. Duncan // Journal of Gerontology. – 1993. –Vol.48. – P. 218–224.
117. McEnery, T. Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora Palgrave [Текст] / T. McEnery, P. Baker. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – 325 p.
118. McEnery, T. Corpus Linguistics [Текст] / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
119. McEnery, T. Corpus-based language studies: an advanced resource book [Текст] / T. McEnery, R. Xiao, Yu. Tono. – London, New York: Routledge. 2006. – 383 p.
120. Nordhaug, O. Competencies as resources in firms. [Текст] / O. Nordhaug, K. Gronhaug // International Journal of Human Resource Management. – Vol.5. – 1994. – P. 89-106.
121. Reed, R. Causal ambiguity, barriers to imitation and sustained competitive advantage [Текст] / R. Reed, R.J. DeFillipi // Academy of Management Review. – 1990. – Vol.15. – P. 88-102.
122. Rosch, E. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories [Текст] / E. Rosch, C. Mervis // Cognitive Psychology. 1975. – Vol. 7. – P. 573-605.
123. Rosch, E. Principles of categorization [Текст] / E. Rosch // Cognition and categorization. Hillsdale, NJ, 1978. – P. 27–48.
124. Sinclair, J. M. Preliminary recommendations on text typology [Текст] / J. M. Sinclair. – 1996.
125. Svartvik, J. Corpus linguistics 25+ years [Текст] / J. Svartvik // Corpus Linguistics 25 Years On / ed. by R. Faccinetti. 2007. – P. 11-27.

126. Tognini-Bonelli, E. Corpus Linguistics at Work [Текст] / E. TogniniBonelli. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 224 p.

127. Young, M. Clarifying Competency and Competence [Электронный ресурс] / M. Young. – Henley : Henley Management College, 2002. – Режим доступа: <http://www.henleymc.ac.uk>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

128. Биоэтический словарь: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. [Электронный ресурс] / В.А. Киселев. Екатеринбург, УГМА.2006.– Режим доступа: <https://vslozare.info/slovo/psihologicheskaja-jentziklopedija>
129. Большая психологическая энциклопедия : самое полное современное издание : более 5000 психологических терминов и понятий [Электронный ресурс] / А. Б. Альмуханова и др. – М. : Эксмо, 2007. – Режим доступа: <https://vslozare.info/slovo/psihologicheskaja-jentziklopedija>
130. БСССРЯ – Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.0, 3 июля 2012 г. на 431 тыс. слов (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами) [Электронный ресурс] / Тришин В. Н. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>
131. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка: современная редакция [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. - Москва : Дом Славянской кн., 2008. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/>
132. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Сост. и гл. ред. С. А.Кузнецов. - СПб. : «Норинт», 1988. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
133. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Баранов О.С. - М., 2002. – Режим доступа: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/>
134. КРО – Словарь. Культура речевого общения : Этика, прагматика, психология [Электронный ресурс] / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. - Москва : Флинта : Наука, 2009. – Режим доступа: <https://kultura-rechevogo-obshcheniya.slovaronline.com/>

135. КСГТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с.
136. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
137. МАС – Малый академический словарь [Электронный ресурс] / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957-1960. – Режим доступа: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/>
138. Онлайн-тезаурус «Карта слов» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>
139. СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи [Электронный ресурс] / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. - 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. – Санкт-Петербург. Режим доступа: <http://www.inslov.ru/>
140. СЛТ – Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн [Электронный ресурс] / Т.В. Жеребило. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010. – Режим доступа:
141. Социальный менеджмент. Словарь-справочник [Электронный ресурс] : [учеб. пособие] / М.И. Силин. –М.: 2006. – Режим доступа: <https://1121.slovaronline.com/>
142. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] : более 4000 синонимов / К. С. Горбачевич. – Москва : Эксмо, 2012. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms/index.htm>
143. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М., 2006. – Режим

- доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-206-24.htm#zag-68972>
144. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений [Электронный ресурс] / С.И.Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир И образование, 2015. – Режим доступа: <https://ozhegov.slovaronline.com/>
145. OED – Oxford English Dictionary <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
146. MED – Macmillan English Dictionary / ed. by Michael Rundell. – London: Palgrave Macmillan, 2005
147. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English / Barcelona: Longman, 2001.
148. CDO – Cambridge Dictionary Online [Electronic resource] URL: <http://dictionary.cambridge.org>
149. CBED – Cambridge Business English Dictionary <https://www.cambridge.es/en/catalogue/dictionaries/monolingual/cbed>
150. CED – Collins English Dictionary [Electronic resource] URL: <http://collins.dictionnaire.reservo.net/english-definition.com>
151. EDM – Miller-Keane Encyclopedia and Dictionary of Medicine, Nursing, and Allied Health, Seventh Edition. © 2003 <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/incompetent>
152. DMM – McGraw-Hill Concise Dictionary of Modern Medicine. © 2002 <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/>
153. MWD – Merriam-Webster Dictionary <https://www.merriam-webster.com/>
154. CDL – Collins Dictionary of Law. (2006). Retrieved June 8 2021 from <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com>
155. PLD – The People's Law Dictionary. (1981-2005). Retrieved June 8 2021 from <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/>

156. TCREE – The Complete Real Estate Encyclopedia by Denise L. Evans, JD & O. William Evans, JD. (2007). Retrieved June 8 2021 from <https://financial-dictionary.thefreedictionary.com/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/>
2. iWeb Corpus [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/iweb/>
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>
4. Новостной портал Sky News [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://news.sky.com/story/coronavirus-pm-branded-grossly-incompetent-for-muddling-gathering-rules-12085131>
5. Новостной портал Владивостока [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.newsvl.ru/vlad/2021/05/08/199259/>
6. Новостной портал Чикаго WGNTV News Chicago <https://wgntv.com/news/chicago-news/no-one-should-have-to-experience-that-chicago-wrong-raid-victim-speaks-out-after-footage-released/>
7. Политический форум Political Forum [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.politicalforum.com/index.php?threads/biden's-success-at-the-border.588008/#post-1072634986>
8. Портал Ответы.Майл.ру [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/225039245>
9. Форум вопросов и ответов Quora [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.quora.com/I-dont-know-how-to-deal-with-girls-I-dont-know-how-to-get-female-friends-I-cant-be-myself-when-I-am-around-girls-what-should>
10. Форум вопросов и ответов Quora [Электронный ресурс] / Режим

доступа: <https://www.quora.com/How-do-I-stop-feeling-incompetent?q=How%20do%20I%20stop%20feeling%20incompetent%3F>

11. Форум вопросов и ответов Яндекс.Кью [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/sobachniki_pomogite_ddba8a01/?answer_id=851faf49-19c9-452a-812a-532dd268432f

12. Форум для беременных и мам U-мама [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.u-mama.ru/forum/gossip/news/893046/9.html>

13. Форум о здоровье и лечении Curezone [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.curezone.org/forums/am.asp?i=2168269>

14. Шоу «Музыкалити» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eSVzljey0PI>